

НИКОЛАЙ ГЕЙНЦЕ

В ДЕЙСТВУЮЩЕЙ
АРМИИ

, 2017

FB2: Starkosta, 19 March 2019, version 1.0

UUID: 27380649-F098-4E05-AE84-9833D6E03484

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Николай Эдуардович Гейнце

В действующей армии

Сборник военных очерков Николая Эдуардовича Гейнце (1852–1913), участвовавшего в качестве военного корреспондента в русско-японской войне 1904–1905 гг.

Содержание

Предисловие автора	0006
I От Петербурга до Москвы	0012
II В сибирском поезде	0020
III Жизнь в поезде	0029
IV По Сибири	0036
V Через Байкал	0045
VI При свете лесных пожаров	0056
VII Сквозь Хинган	0064
VIII В Мукдене	0078
IX Среди раненых	0087
X Японские зверства	0094
XI В госпитале «Красного Креста»	0101
XII В Ляояне	0106
XIII В Дашичао	0114
XIV На передовых позициях	0124
XV В Хайчене	0132
XVI Положение воюющих сторон	0140
XVII Осторожность японцев	0150
XVIII Японские планы	0166
XIX Японская тактика	0181
XX В отряде графа Келлера	0194
XXI Математическая стрельба	0202
XXII Картинки боевой жизни	0211
XXIII В «Кумирне Бога Войны»	0227
XXIV Корреспондентские мытарства	0236

XXV Генералы Келлер и Ренненкампф	0248
XXVI Роль китайцев на войне	0259
XXVII Незаметные герои	0265
XXVIII На восточных позициях	0271
XXIX Терпенье, терпенье!	0283
XXX Бой под Дашичао	0290
XXXI Занятие Инкоу японцами	0299
XXXII Бой под Сихеяном	0311
XXXIII В тылу армии	0319
XXXIV В складе Государыни Императрицы Александры Фёдоровны	0331
XXXV Душевные заболевания на войне	0342
XXXVI Смерть гр. Ф. Э. Келлера	0351
XXXVII Подарки артиллеристам	0361
XXXVIII Ляоян	0366
XXXIX Мукден и Тъелин	0378
XL Военные впечатления и встречи	0385
XLI Газеты, письма и деньги на войне	0393
XLII Наши солдатики	0404

Николай Эдуардович Гейнце
В действующей армии
(*Письма военного*
***корреспондента*)**

Предисловие автора

Быть или не быть?

Этот вопрос Гамлета восстаёт перед японским народом при мысли об исходе настоящей войны.

Для Японии он вопрос политической жизни и смерти.

В течении десяти лет все экономические и умственные силы страны были направлены на приготовления к войне с Россией, на подогревание относительно этой войны общественного мнения, на электризацию народного патриотизма и шовинизма.

Теперь ни для кого ни тайна, что это было так, и что упорный десятилетний труд военных приготовлений дал соответствующие результаты.

Все иностранные военные агенты единогласно признают, что японская армия не уступает европейской, отличаясь, кроме того, азиатскою хитростью, восточным презрением к смерти и даже пожалуй зверством недавних дикарей.

Эти последние свойства — нельзя назвать

их качествами — делают этого сильного врага особенно упорным.

И на долю России выпало встретиться с ним лицом к лицу, быть может вторично спасая Европу.

Почти сто лет тому назад она спасала её от западных завоевателей, теперь ей, как кажется, выпало на долю спасти от восточных.

И спасение это совершится!

Несмотря на вступление войны в затяжной фазис, в результате, конечно, будет победа над японцами, какую бы ценой жизнью её сынов и денежных затрат не пришлось России купить эту победу над сильным, напрягшим все свои силы врагом.

Иначе не может думать ни один истинно-русский человек.

Это сознают и японцы, и этим объясняется их ожесточение в этой войне.

Они не жалеют ни средств, почти последних, засыпая наши войска снарядами, приготовленными ими в громадном количестве, ни людей, которых они приводят «ханшином» и возбуждающими средствами в озверелое состояние.

Все раненые японцы, захваченные нами в плен, оказывались пьяными.

Если офицеры, воодушевлённые любовью к родине, избрали своим девизом «победа или смерть» и этот девиз находили вытатуированным у них на теле, то солдаты лезут на эту смерть под наркозом, хотя и в них нельзя отрицать сознания необходимости победить, чтобы не погибнуть.

Этим объясняется кровопролитность этой войны и продолжительность сражений, длящихся по несколько дней.

Этим объясняется и зверство их над нашими ранеными и даже пленными солдатами, факты которого констатированы официальными актами и не могут быть отнесены к плодам досужей фантазии корреспондентов.

Быть или не быть?

Этот вопрос читается между строк всех японских сообщений и приказов по армии.

Один из этих приказов говорит, что «лучше смерть, нежели плен», что «плен позор, а смерть слава».

Оттого-то японцы предпочитают сделать над собой «харакири», т. е. распороть себе жи-

вот или же разбить себе голову о камень,
нежели отдаться в плен.

По словам пленных японцев, возвращение
на родину для них немыслимо.

Там их ожидает смертная казнь.

Тяжело положение и их семейств в Япо-
нии — их окружает общее презрение.

При таких условиях понятно то остервене-
ние, с которым они дерутся, не обращая вни-
мания на потери в людях, лишь бы добиться
хотя временного успеха.

И пока что они добиваются его страшно
дорогою ценою.

Это борьба отчаяния!

Нетрудно предвидеть, каков будет конец
её.

Гамлетовский вопрос Японии разрешится
отрицательно.

Это единственный исход войны в более
или менее отдалённом будущем.

Рано!..[1]

*Японец ликует, гордится успехом
«На русских навёл де я страх!»
Но эхо на это презрительным
смехом*

Ему отвечает в горах:

*«Постой, желтолицый, не очень
ли рано
Победу ты видишь в мечтах?
Забрался в середину ты русского
стана,
Забыв о своих островках!»*

*То эхо невольно смущает японца,
Назад оглянулся со страхом в
очах
И видит «страну восходящего
солнца»
В кровавых и мрачных лучах.*

*Над ней надвигается туча за тучей,
И слышится грома раскат:
То — медленный, верный, как буря
могучий,
Шаг русских «железных солдат».*

*Им вторят, как эхо, плеск волн
океана
И клики победы на русских судах,
И шепчет японец: «действитель-
но рано!»*

*«Банзай» замирает на робких
устах...*

Ляоян, 2 июля, Н. Э. Гейнце

От Петербурга до Москвы

Казалось бы, что писать отъехав всего шестьсот с чем-то вёрст от Петербурга до Москвы, употребив на эту поездку менее полусуток, добрые три четверти которых посвящено было сну.

Однако мне посчастливилось.

Первое, что мне бросилось в глаза в вагоне — это стоявший на сетке чемодан одного из моих *vis-à-vis*[2] — в купе мы ехали втроём.

Изящно сделанный, плоский, жёлтой кожи чемодан, с висевшей у замка таблеткой, на которой напечатано «The Miyako. Hotel Kyoto. Japan»[3].

Я тотчас же понял, что уж и тут пахнет Дальним Востоком, теми местами, где льётся русская кровь, куда стремлюсь я, а ранее меня уже унесли туда мои мысли.

И действительно, по счастливой случайности, моими *vis-a-vis* оказались д. с. с. таможенный ревизор при департаменте таможенных сборов Б. О. Вильчинский и инженер путей

сообщения К. К. Иокиш.

Оба были в Маньчжурии, Порт-Артуре и Японии, а последний, выехал из Харбина 7 февраля нынешнего года.

Заинтриговавший меня чемодан оказался принадлежащим ему.

К. К. Иокиш — один из строителей китайской дороги — занят теперь изданием большого альбома с видами этой дороги, постепенным ходом работ на ней, начиная с производившихся разведок, построек, временных рельсовых путей и строений.

Альбом будет издан в ограниченном количестве экземпляров и едва ли поступит в общую продажу.

Это очень жаль, так как по рассказам К. К. Иокиша в нём много интересного и поучительного.

По делу этого издания он и ехал из Петербурга в Москву.

Всё это выяснилось из беседы, которая, не успели мы отъехать от петербургского вокзала, быстро завязалась между мною и моими vis-a-vis по купе, когда я сказал, что еду на театр войны.

— Кто раз поехал на Дальний Восток, то оттуда не вернётся, — заметил К. К. Иокиш.

В этом послышалось для меня что-то устрашающее.

Я попросил объяснение.

Оказалось, что смысл этих слов был совершенно иной.

По словам К. К. край этот представляет такое широкое поприще для деятельности энергичных русских людей, что кто раз туда поехал, не пожелает оттуда вернуться — его потянет туда снова, если он приедет назад в Россию.

— Это именно поприще для деятельности совершенно честной, а между тем, страшно выгодной. Так, например, несколько лет тому назад, двенадцать инженеров сложились по пяти тысяч рублей и построили мукомольную мельницу. Теперь она даёт доходу 144.000 рублей в год.

Сам К. К. Иокиш приобрёл за бесценок береговую полосу на реке Сунгари в Харбине и владеет 52 десятинами и второй пристанью, первая казённая. Платил он по копейке за квадратную сажень, часть перепродал за 10

рублей, теперь эта земля стоит по 100 рублей кв. сажень. Купил он на занятые деньги, уплатил долг и остался большим собственником. У него уже хотят арендовать эту землю под мукомольную мельницу и между прочим, в числе претендентов на неё есть некто М., наживший в короткое время 15.000.000. Вся беда в том, что край был до сих пор наводнён разного рода русскими отбросами и авантюристами, которые любят жать там, где не сеяли; они-то и испортили наше отношение с китайцами, которые привыкли вести дела «на веру» — они доверчивы, но наученные рядом обманов становятся более чем осторожными.

— Вы давно из Маньчжурии?

— Я выехал из Харбина 7 февраля. Во время внезапной атаки порт-артурского флота в ночь на 27 января я был в Харбине. По сведениям, полученным нами из Порт-Артура впечатление этой атаки было потрясающее. Кстати я имею и самые последние известия из Порт-Артура от «последней порт-артурской дамы». Это жена штабс-капитана Шилкина. Она была последней русской женщиной, вы-

ехавшей оттуда и прибывшей недавно в Петербург. Живут там в казематах и погребам, и для женщин представляется опасность более от наглого и грубого ухаживания китайцев, простых «боев»[4], рабочих, чем от японских снарядов.

— Каково расположение Ляояна?

— Ляоян лежит в котловине, а от него в Харбин идёт равнина. До Ляояна вы не увидите живописных мест. Разве изредка рощицы, это непременно китайские кладбища — культ предков ведь развит в Китае в высокой степени.

— Говорят, при постройке китайской дороги много было разрушено китайских кладбищ и отсюда их озлобление.

— Это неправда. Несмотря на «культ предков», китайцы охотно соглашались переносить своих покойников на другое место, если дорога по изысканиям должна была пересечь кладбище, по восьми рублей за каждого покойника — деньги эти им уплачивали и они откапывали кости и переносили. Нерадивые из них часто по дороге эти кости теряли или просто разбрасывали нарочно — а отсюда и

сложилась эта сказка о разрушенных китайских кладбищах и поруганных останках предков.

Разговор перешёл на пути сообщения в Маньчжурии.

— Вы испытаете прелести «арбы» — этого китайского прямо инквизиционного экипажа, особенно во время дождей по невылазной грязи. Наши колёса с плоским ободом рассчитаны, чтобы катиться по поверхности хотя бы грязи, тогда как колёса арбы режут грязь, отыскивая твёрдую почву; если наши проваливаются и образуют колеи, то можете себе представить, что делается с колёсами арбы и какой её ход по грязи... Более четверти часа выдержать этой пытки нельзя... Какое мученье для раненых, если их повезут на этих высоких огромно-колёсных катафалках. Лучше всего ездить верхом...

— А по железной дороге?

— Со станции «Маньчжурия» вагоны для пассажиров будут прицеплять к воинским поездам, по мере возможности. На станциях придётся ждать подолгу.

— На станции «Маньчжурия» найду я ме-

сто, где отпереть чемодан и переодеться? Я сдал багаж до Маньчжурии... — спросил я.

— Едва ли, так как здание станции рассчитано на 30 человек, а собираются сотни... Впрочем, теперь вы всё это можете проделать на открытом воздухе... — ответил К. К.

— Я могу вам, быть может, помочь в этом — любезно сказал Б. О. Вильчинский. — Хотя теперь на станции «Маньчжурия» снята таможенная черта, но вероятно ещё остались некоторые знакомые мне таможенные чиновники, к которым вы можете обратиться от меня.

И, Б. О. дал мне свою визитную карточку.

И так у меня уж есть некоторые личная рекомендация.

Осведомился у моих любезных, но к сожалению, недолгих попутчиков о дороговизне тамошней жизни.

— Дорого, всё страшно дорого. Берите с собой консервы, ветчины... Там можно, особенно по дороге до Ляояна, рисковать не достать ничего даже на вес золота. Запасов вообще мало и всё с каждым днём дорожает. Что есть в большом количестве — это смирновская

водка. В Порт-Артуре её целая гора, которая так и называется «гора Смирнова» — 6.000.000 ящиков.

Кстати могу сообщить из полученного сегодня одним из моих знакомых москвичей письма из Иркутска, что от него до станции «Маньчжурия» начали ходить, ввиду опасности от хунхузов, блиндированные поезда, Статских людей пускают с трудом. В Иркутске сидят восемь газетных корреспондентов, среди которых несколько от московских газет.

В сибирском поезде

Еду пока со всеми удобствами и полным комфортом в отдельном купе сибирского поезда, проехали Моршанск, вечером будем в Пензе.

Со мной в одном поезде едут десять офицеров одесской железной стрелковой бригады во главе с полковником Леш и подполковником Томашевичем.

Они отправляются, по собственному желанию, вследствие вызова для пополнения убыли офицеров в 11 и 12 восточносибирских стрелковых полках, так геройски ведших себя при сражении на Тюренченских высотах.

Теперь офицеры этой бригады едут заместить выбывших из строя и павших славную смертью на поле брани своих товарищей.

Все они явятся моими попутчиками до самого Ляояна, так как отправляются в распоряжение командующего маньчжурской армией.

Полковник Леш и подполковник Томашевич не первый раз уже едут на Дальний Во-

сток — оба они участвовали при усмирении беспорядков в Китае в 1900 году, а последний был на Шипке в русско-турецкую кампанию.

Собираемся в салон-вагон, и разговор, конечно, идёт только о войне.

Никаких других интересов!

Читаются и перечитываются газеты, захваченные из Москвы и Петербурга.

— Ужели у нас не будет свежих газет, — слышится возглас.

— Мы уезжаем от газет, они нас не догонят...

— Однако местные, например в Пензе...

— Местные, конечно...

— Всё-таки прочтём телеграммы...

И в этом уж некоторое облегчение.

Обсуждается горячо бой при Цзинчжоу.

По мнению моих военных собеседников занятие японцами цзинчжоуских укреплений, которые мы им отдали, и которые стоили им вероятно в четверо или в пятеро более жертв, нежели это ими опубликовано, не представляет никакого значения в ходе осады Порт-Артура.

— Это передовые укрепления, временные,

несомненно очень сильные, что доказывается множеством жертв, которыми они куплены, но за ними есть ещё несколько таких же укреплений, для взятия которых потребуются столько же, если не более жертв, прежде нежели японцы очутятся под стенами Порт-Артура, против его фортов, многие из которых вроде Электрической батареи, Золотой горы, Орлиной горы, Тигрового хвоста представляют из себя ограждённые крепости, совершенно неприступные. Для успешного штурма Порт-Артура надо положить сотню тысяч людей. Но допустим невозможное, что японцы ворвутся в Порт-Артур — ведь орудия на батареях могут быть повергнуты внутрь крепости, и тогда японцы очутятся под нашими выстрелами, как мухи в полоскательной чашке.

— Значит Порт-Артур взять нельзя?

— Нет крепости, которую нельзя было бы взять, при отчаянной храбрости войска и при колоссальной жертве людьми, но Порт-Артур построен по последнему слову фортификационной науки и в этом смысле действительно может быть назван неприступным. Это под-

твердил такой военный авторитет, как генерал Куропаткин, который осматривал его ещё задолго до войны и в честь которого назван один из построенных там люнетов.

По поводу телеграммы из Парижа о том, что будто бы граф Келлер с большим количеством войска идёт на выручку Порт-Артура, мои собеседники выразили сильное сомнение в верности этого известия.

— Порт-Артур может выдержать осаду в течение целого года.

Разговор перешёл на хунхузов и образ действия китайцев.

— Несомненно, — сказал полковник Лещ, — что среди так называемых хунхузов есть китайские солдаты, которые действуют с разрешения начальства... Это старая песня, ведь этот генерал Ма был помощником генерала Шу, с которым мы дрались в 1900 году. Он умер в плену в Иркутске. Ведь когда мы прибыли тогда в Китай, все эти так называемые «боксеры» или «большие кулаки» разбежались, и нам пришлось иметь дело с китайскими регулярными войсками, которые именовались «мятежными». Так мы и писали, а

между тем, находили в захваченных обозах «императорские манифесты», в которых «сын неба» объявлял войну всем европейцам. Таков китайский мятеж «по императорскому манифесту». Эта же история, видимо, повторяется и теперь с якобы хунхузами.

Утром 18 мая, переехали величественный мост, через не менее величественную Волгу в Саратовской губернии.

У моста караул, состоящий из роты местного полка, с офицером во главе.

На Волге у моста целая флотилия лодок с солдатами, — они осматривают приближающиеся к мосту баржи и пароходы и пропускают их под мост только после тщательного осмотра.

Такие же, но не столь многочисленные караулы с унтер-офицерами во главе стоят и дальше у каждого, даже маленького мостика.

Построены для этого караульные домики и разбиты палатки.

Едем дальше по Самарской и Уфимской губернии, местность гористая, пустынная, кое-где попадаются татарские селения с мечетями, татары толкуются на станциях в белых по-

ярковых шляпах.

Они осматривают наш поезд и всех нас, широко улыбаясь.

Татарские деревни очень неказисты, но попадающиеся изредка по пути русские посёлки ещё хуже: развалившиеся мазанки, полуприкрытые крышами из прогнившей соломы.

То и дело обгоняем воинские поезда.

Вид у солдат бодрый, здоровый, попадаютсся бородачи в летах — это запасные.

Слышится весёлый говор, смех, вызванный удачно сказанным метким словом, или прибауткою, вот разносится по степи, эхом откликаясь в горах, бравая русская, или специально солдатская песня.

С какою-то особою силою укрепляется в душе вера в мощь русского народа, сыны которого с таким, не только спокойным, но прямо радостным настроением идут помериться силами с врагами своего отечества, положить, если нужно, за последнее свои головы.

В этой естественной удали русского солдата, нет ни малейшей рисовки, это простое обычное настроение людей, не знающих стра-

ха и презирующих опасность, а это настроение — залог победы.

— Наш солдат — золотой солдат! — сказал мне подполковник Томашевский, о котором я уже упоминал. — Надо только уметь с ним обращаться... Его надо беречь, так как сам себя он не бережёт...

Трогательная сцена разыгралась при остановке в Пензе, где мы настигли первый воинский поезд.

Полковника Леш радостно приветствовал один из запасных нижних чинов, призванных на действительную службу.

Он был, как оказалось, фельдфебелем в роте, когда полковник Леш был штабс-капитаном.

Их полк стоял в Закаспийской области.

Полковник Леш тоже сразу узнал своего бывшего фельдфебеля и сердечно поздоровался с ним.

Солдатика искренно порадовала эта память начальства.

— Значит опять послужим...

— Рад стараться, ваше высокородие!

Полковник дал своему бывшему фельдфе-

белю два рубля.

— Напрасно беспокоитесь, ваше высочорodie, не затем я подошёл... — отказывался солдатик.

— Знаю, знаю, а дают — так бери.

— Слушаю-с, ваше высочорodie...

И солдатик опустил рубли в карман шинели.

Что-то тёплое, сердечное сказалось в этой сцене, в этих отношениях солдата к офицеру.

Не могу не привести маленькой беседы с одним из моих спутников-офицеров, касавшейся так сказать литературной, если можно так выразиться, стороны войны.

Для многих штатских людей это будет новостью.

Мой собеседник во время китайского похода 1900 года был полковым адъютантом.

— Мне пришлось тоже много писать... — сказал мне он.

— Писать? — удивился я. — На войне? Во время похода?

— Да именно! Ведь на обязанности полкового адъютанта лежит вести «Журнал военных действий», где записывают все переходы

полка, переправы, действия полка во время сражений, причём в журнал же заносятся кроки пройденных местностей... Работа тяжёлая, кропотливая и ответственная...

— Для чего же служит этот «журнал»?

— Прежде всего для истории полка, как материал, затем для соображений начальствующих лиц, по поводу наград, а в общем все журналы представляют из себя драгоценный материал для истории той или другой войны.

Это, действительно, материал драгоценный!

III

Жизнь в поезде

Четвёртый день в дороге, живём, так сказать, в поезде.

Всего человек около сорока пассажиров, из которых тридцать два едут в Маньчжурию, тридцать военных, — среди них два врача, поляк и еврей, и один интендантский чиновник да двое штатских; С. Соколов, у которого своя мукомольная мельница в Харбине, работающая теперь исключительно для продовольствия войск, и я.

Все, конечно, перезнакомились между собой и за чаем, обедом и ужином в вагоне-ресторане идёт оживлённая беседа.

Ни одной дамы, что повергает в некоторую печаль молодых офицеров.

— Знаете, женщины, они всё-таки оживляют! — говорил мне молоденький, симпатичный подпоручик.

Лица его молодых товарищей доказывают, что они согласны с этим мнением.

На станциях больше, как он выражается,

«пейзанки», появление изредка местных дам производит сенсацию, хотя пока физиономии этих дам, как говорится «для некурящих».

Выделилась на одной из станций молоденькая, видимо интеллигентная татарка, которую юный и пылкий подпоручик хотел угостить шоколадом, но побоялся её папаши.

Погода стоит тёплая и дождливая, но дождей здесь ждали давно — это были первые на Урале, где была до сих пор жара.

Воздух дивный.

Мы вышли на станции Шафраново и пришли прямо в восторг.

Это было поздним вечером — нас очаровал какой-то чудный аромат, который оказался запахом цветущей липы и грецкого ореха.

Чудная ночь, и в кустарниках заливаются соловьи.

Всю ночь почти не спали: ждали раннего утра, чтобы не пропустить уральских гор и перевала из Европы в Азию.

Величественная картина природы!

Поезд несётся со скоростью 50 вёрст в час мимо отвесных скал огромной высоты, вдруг открывается восхитительная панорама гор,

покрытых лесом, ущелий, по которым серебряной лентой пробегают быстрые речки.

И почти нигде не видать человеческого жилья.

Точно человек, сознавая своё ничтожество, убежал от этого спокойного величия природы, боясь нарушить её торжественный покой.

Только поезд, этот представитель человеческой культуры, быстро несётся мимо, отравляя чудный смолистый воздух едким дымом нефти.

Но вот Урал остался позади, подъезжаем к Челябинску, откуда уже едем по военному графику, т. е. расписанию.

В Челябинске простояли пятьдесят минут и, наконец, получили телеграммы Российского телеграфного агентства и некоторые местные газеты.

Нет дам — это ещё с полгоря, но нет газет — это уже целое горе.

Это лишение чувствуется всеми, в ком даже не бушует кипучая кровь молодости.

Телеграмма из Мукдена подтвердила общее мнение моих военных спутников, что

японцы, принёсшие столько жертв для взятия Цзинчжоу, не выиграли почти ничего в смысле шансов относительно Порт-Артура.

Запах нефти сменился ещё более отвратительным запахом — оказывается, что от Челябинска паровоз топится местным каменным углём, добытым на Оби.

На станции Чумляк должны были встретиться со скорым сибирским поездом, идущим из Иркутска, но он, оказалось, опоздал на восемь часов.

Какая причина — неизвестно!

Предполагают, что задержка произошла близ Иркутска.

Несмотря на отсутствие дам и газет, едем весело, то и дело обгоняем войска, производящие своим видом какое-то бодрящее впечатление.

Даже запасные нижние чины все молодец к молодцу.

По словам полковника Леша, запасные нижние чины едут для поступления в запас действующей армии, из которого будут пополнять убыль в той или другой части, так что все кадры действующих войск будут все-

гда в полном комплекте.

— Это очень хорошо! — сказал он мне. — В русско-турецкую войну у нас не было запасных войск, и это делало большие затруднения.

Едем от Челябинска, как я уже писал, не только по военному расписанию, но и так сказать, на военном положении.

Все мосты, охраняются часовыми в папках и с винтовками.

При проезде по большим мостам двери и окна вагонов затворяются наглухо.

— А если окно. будет отворено? — спросил я заведующего нашим поездом.

— Поезд будет остановлен часовыми, — отвечал он.

— Каким образом?

— Выстрелом.

— Не было такого случая?

— Нет, пока не было.

Часовые также охраняют и все водосточные трубы, идущие под железнодорожной насыпью.

После Петропавловска начались степи — однообразная, унылая картина.

Кое-где виднеются жиденькие рощицы и мелкий кустарник.

Всюду на станциях войска и войска.

В Омске у нас прибавились пассажиры.

В поезд село 4 офицера и полковник Рыковский, известный тем, что в китайскую войну 1900 года пришёл на выручку отряда есаула Ельца и освободил иностранные миссии.

За это он был награждён орденами св. Владимира, Станислава с мечами, почётного легиона, бельгийским и папскими орденами, ввиду того, что католические миссии принадлежали к этим национальностям.

Все мои спутники-офицеры бодры и веселы, точно мы совершаем увеселительную прогулку, и едем не на театр войны.

Иногда только послышится фраза:

— Если придётся вернуться...

Но она производит какое-то мимолётное впечатление.

Снова слышатся смех, рассказы, остроты, льётся оживлённая беседа, поднимаются тосты.

Вчера на мой тост за нашу доблестную ар-

мию, полковник Леш любезно ответил тостом за другую тоже сильную армию — русскую печать.

Нечего и говорить, что все предлагаемые тосты сопровождаются восторженным «ура», которое оглашает стены вагона-ресторана.

Запоздавший скорый поезд из Иркутска на конец встретили.

С ним ничего не случилось — он просто сбился с расписания и принуждён был выжидать на станциях.

Кстати о сибирских скорых поездах.

Они далеко не соответствуют тем описаниям, которые появились в печати.

Кухня в ресторане отвратительна и безумно дорога.

Добраться бы хоть до Мукдена!

IV По Сибири

Едем, всё едем!

Несмотря на комфорт «сибирского поезда», становится утомительно.

Все как-то осовели и ослабли.

К тому же наступили жары — в вагонах душно, а на станциях целые тучи комаров, жалящих немилосердно.

А впереди ещё очень далёкий и очень трудный путь.

Предполагается, что мы приедем в Ляоян не раньше пятого июня, если не будет задержки в поездах, так как от станции Маньчжурия поедем с воинскими поездами, единственными, которые там ходят.

Прибыли в Омск, где я неожиданно встретился с петербуржцем, капитаном Шлейфером, временно командированным сюда в управление по передвижению войск.

В Омске прибавились пассажиры, — село несколько офицеров и два военных доктора и несколько штатских.

Последние едут до станции Тайга, откуда идёт ветвь на Томск, или до Иркутска.

Между Омском и Обью лежит станция Каинск, названная по городу.

Подъезжая к ст. Обь, нам бросился в глаза неубранный с прошлого года на полях хлеб в снопах.

Но вот и станция Кривошеково, названная так по имени раскинувшегося по берегу многоводной Оби огромного села, переименованного теперь в уездный город Ново-Николаевск.

У этого города наверное есть блестящая будущность.

В нём теперь насчитывается свыше 30.000 жителей.

Железнодорожный мост через реку Обь грандиозное сооружение.

Над ним работало 40.000 человек.

Большинство из них и поселилось в Ново-Николаевске.

В молодом городе две церкви, полицейское управление и несколько каменных лавок.

Проехав ещё шестьдесят вёрст, остановились у станции Паламошинное.

Станция эта замечательна тем, что при земляных работах здесь был найден полный скелет мамонта.

Скелет этот в настоящее время находится в зоологическом музее в Петербурге.

Движение по Сибирской дороге, теперь преимущественно воинских поездов, огромное.

Понастроено для этого множество новых разъездов, которые, так сказать, являются следом проезда в Маньчжурию и обратно министра путей сообщения князя Хилкова.

В будущем, конечно, будет построен второй путь — все большие мосты приспособлены в этом смысле.

На станции Паламошинное мы обогнали санитарный отряд харьковского губернского земства.

Он состоит из сто двадцати человек — 12 врачей, 28 фельдшерлиц и 12 сестёр милосердия и санитаров.

Выехали они из Харькова 4 мая.

Сёстры все пожилые, так как молодых сестёр на театр войны не берут, но среди фельдшерлиц есть совсем молоденькие, — лет сем-

надцати-восемнадцати.

Их обступили наши молодые офицера и стали угощать шоколадом и конфетами.

Но десятиминутная стоянка нашего поезда быстро кончилась, и юные фельдшерицы промелькнули мимо наших молодых людей, как «мимолётные виденья»[5].

Быть может, ввиду полного отсутствия женского общества в нашем поезде, они даже показались им «гениями чистой красоты».

Молодые офицеры со вздохами вскочили в начавшиеся уже двигаться вагоны.

Наконец прибыли ни станцию «Тайга», лежащую в 105 верстах от Томска.

Инженеры почему-то нашли неудобным провести дорогу около самого Томска и оставили его в стовёрстном расстоянии от великого сибирского пути.

Томичам пришлось на свой счёт провести к себе отдельную ветку, дабы, как университетскому сибирскому городу, не ударить в грязь лицом и соединиться с путём, разносящим по Сибири и далёкой Маньчжурии русскую культуру.

Об этом обходе Томска держатся здесь раз-

ные слухи.

По словам одних, томичи чем-то разгневали г-д инженеров, по словам других, около Томска дорогу провести было нельзя по совершенно, будто бы, основательным техническим соображениям и т. д.

Одним словом объяснений не оберёшься.

Со станции «Тайга» наш поезд снова увеличился несколькими пассажирами — офицерами, догоняющими уже проехавшие в воинских поездах свои эшелоны.

Наконец мы в Иркутске, куда прибыли, опоздав на несколько часов, благодаря тому, что на станции Чернореченской простояли более двух часов, ввиду поломки локомотива товарно-пассажирского поезда, загородившего нам путь.

Пока послан был другой паровоз, пока свели поезд с нашего пути, прошло много времени.

Как я уже писал, начиная от Челябинска мы едем, так сказать, на военном положении: все мосты и водосточные трубы, словом, весь путь охраняется часовыми.

Обгоняем множество воинских поездов и

товарных с военными и морским грузами.

На всех станциях, кроме того, охранные войска.

Таких войск до Ляояна насчитывается 30.000 человек.

По слухам, эти-то войска будут заменены сибирским ополчением и двинуты на театр военных действий.

Ведь это целая армия!

Там они будут много полезнее, и туда они рвутся и душой и сердцем.

Какие всё brave молодцы!

Офицеры в нашем поезде всё прибавляются; некоторые едут в распоряжение командующего войсками, а другие догоняют свои части, едущие с воинскими поездами.

При приближении к Красноярску начались отроги Саянских гор — виды очень красивы.

Несмотря на жару в некоторых местах лежит снег.

Вот и Красноярск, в котором я служил три года и который покинул семнадцать лет тому назад.

Я не узнал его, так он обстроился и изме-

нил свою физиономию.

Красивый вокзал, но на платформе нет проходу от нищих, калек, безруких, безногих, Бог весть откуда выползающих к приходу поездов.

Следовало бы убрать их!

Двинулись из Красноярска, переезжаем грандиозный шести пролётный мост через широкий Енисей и мчимся далее.

Мелькают станции за станциями с многочисленными промежуточными разъездами.

Вообще сибирский поезд N 7, которым мы следуем, оставляет желать лучшего.

Купе малы, в них страшная духота.

Дороговизна в буфете страшная.

За полпорции сливочного масла — кусочек в два золотника — 20 коп., т. е. вгоняют фунт масла в 9 р. 60 коп., а стоимость его здесь 30–40 коп. фунт — крестьянки продают на станциях.

После Красноярска в ресторанной карте кушаний появился рябчик в сметане — 90 коп., а рябчики куплены на станции за 16–20 коп. штука.

И на все кушанья такой наживной процен-

тик!

Приехали на Нижнеудинскую станцию, — город Нижнеудинск, Иркутской губ. отстоит от неё в полуверсте и внешним видом напоминает Каинск.

Но вот и Иркутск.

Множество громадных каменных домов, прямые, чистые, хорошо вымощенные улицы.

В нём 60.000 жителей, среди которых много «сибирских крезов».

В нём — две мужских и три женских гимназии, духовная семинария и техническое училище.

Хороший каменный театр, множество магазинов, пассажей, ни в чём не уступающих столичным.

Здесь мы вероятно останемся, говоря военным языком, на днёвку.

Не хочется и неудобно отставать от попутчиков — офицеров стрелковой бригады, тем более, что полковник Леш, едущий во главе их, любезно обещал мне всякое содействие по дальнейшему передвижению от Иркутска до ст. Маньчжурия.

Иначе меня могут и задержать, а тут всё-таки некоторые шансы приехать скорее.

V Через Байкал

В Иркутске предположенная днёвка не состоялась, так как опоздавший на пять часов «сибирский экспресс», чтобы поправить свою ошибку, повёз нас после часовой остановки до озера Байкала.

Мы все решили ехать на нём далее, не соблазнившись отдыхом в столице Сибири.

Путь всё шёл по берегу величественной Ангары.

Мы любовались восхитительными видами цветущих полей и синеющих вдали гор.

Ангара по ширине равняется Енисею, а в некоторых местах и Иртышу.

Особенность этой реки — не поднимающаяся даже в самое жаркое лето выше нуля температура.

Вода её прозрачна, как кристалл, течение очень быстро, её истоки находятся у Верхне-Ангарска и состоят из маленьких болотистых речек.

Впадает она в реку Енисей около города

Енисейска.

В Ангаре множество рыбы и, по словам сибирияков, очень вкусной.

На одной из первых станций от Иркутска мы встретились с поездом, в котором под военным конвоем везли 21 японца и корейца и несколько японок и кореянок.

Это жители Ляояна, высланные на жительство в Красноярск вследствие своей неблагонадёжности.

Но вот и Байкал — он дал о себе знать сильным охлаждением температуры при приближении к нему, хотя и воды красивой Ангары давали уже некоторую свежесть.

При стоявшей жаре это было более чем приятно.

На Байкале ожидали нас пассажиры почтового поезда, прибывшего туда за пять часов ранее, и огромный пароход «Ангара».

Ледокол «Байкал», принимающий в себя поезд и перевозящий его через озеро, уже ушёл и мы встретили его на озере возвращающимся обратно.

Это замечательно грандиозное судно.

Носильщики перенесли вещи на пароход,

и мы поплыли по Байкалу, поверхность которого была гладка как зеркало, а цвет воды совершенно изумрудный.

Среди сибиряков есть много легенд об этом озере-море.

Говорят, прежде всего, что оно образовалось от провала Ангары, и действительно глубина его поразительна.

В некоторых местах, двухвёрстный лот не достаёт дна.

Правая сторона озера вся сплошь покрыта лесистыми горами, на которых до сих пор лежит снег.

Одна из этих гор напоминает очертаниями человеческую голову.

На неё указал мне один из местных жителей, ехавший в Читу.

— Бурятская легенда, — сказал он, — говорит, что один бурятский святой постоянно молился около этого места, простаивая на коленях по целым суткам, Великий Дух, довольный такой усердной молитвой, обратил его в скалу и поставил на страже любимого им моря.

Гору эту буряты считают святыней и по

праздникам собираются сюда молиться, бросая каждый раз в море то медную, то серебряную, а то и золотую монету.

По слухам, у подножие этой скалы накопилось много денег.

Явились русские смельчаки, которые пытались добыть их, но без успеха.

Сообщили мне также и интересную особенность этого озера-моря.

Всякий предмет, брошенные в него и утонувший, через несколько дней выбрасывается на берег.

Вследствие этого ни один из утонувших людей не остаётся долго на дне, а выбрасывается на берег.

Осенью в непогоду Байкал страшен своим бурным волнением.

Недаром за ним установилась и репутация, и название Чёртова озера.

Переехали мы Байкал, прибыли на пристань Танхой.

Совсем китайское название.

Оказывается же, — по словам служащего на этой дороге, — что это испорченное чисто русское слово.

В этом месте берег Байкала образует очень тонкий мыс, и рабочие ещё при производстве разведок дороги называли её «тонкой», делая ударение на последнем слоге, а отсюда произошло название пристани и первой станции «Танхой».

Как гибок русский язык, и как ломают его сами же русские люди!

На этой китайско-русской пристани нас встретил уже не начальник станции, а комендант, оказавшийся впоследствии очень любезным человеком.

На рельсах при прибытии парохода «Ангара» стоял арестантский поезд, в котором везли арестантов на работы по кругобайкальской дороге.

Нас продержали часа два на пароходе, причём перед выпуском с него на берегу появился г-н комендант и заявил:

— В поезде занимают места по чинам. Сперва г-да генералы, затем штаб-офицеры и г-да военные врачи в первом классе, затем обер-офицеры — во втором и третьем классе.

Лица моё и другого штатского г-на Соколова, едущего по делам в Харбин, вытянулись.

— А мы, штатские? — спросил я.

— Будете посажены на поезд, если будут места после занятия мест г-дами офицерами и врачами.

Но вскоре мы успокоились.

Для нас с г-ном Соколовым нашлось свободное купе первого класса.

По мере приближения к театру войны знаешь о нём всё меньше — газет не видишь никаких.

На пристани «Танхой» мы простояли шесть часов и двинулись далее.

До станции «Мысовой» Забайкальской железной дороги едем по берегу величественного Байкала, на котором в этих местах, несмотря на стоящие жары, ещё плавают огромные льдины.

Говорят, что Байкал очищается от льда часто лишь в половине июня.

На переездах встретили сперва поезд с партией японцев в арестантских вагонах, а затем санитарный поезд с нашими ранеными в тюренченском бою — их эвакуируют в Иркутск и Красноярск.

К сожалению, несколько минут стоянки не

дали мне возможности порасспросить этих чудо-богатырей, потерявших в славном бою столько отважных товарищей.

На «Мысовую» приходим в четыре часа утра, даю телеграммы о разрешении мне выехать со ст. Маньчжурия далее.

Телеграммы подписываются комендантом. Иначе их не принимают — дорога на военном положении.

Едем дальше, по стране бывшей каторги. Вот Верхнеудинск, где на городском кладбище находится могила декабриста князя Трубецкого.

Вот «Петровский завод» железодельный и чугуно-плавильный, где в былые времена был применяем «каторжный труд» и где работали декабристы.

Вокруг завода раскинулось большое село с церковью, возле которой находится часовня, построенная руками декабристов.

В неё не пускают, она заперта на замок, но в окна видны образа и теплящаяся лампада.

Часовня уже ветха и службы в ней давно не отправляют.

Среди моих попутчиков много лиц, расска-

зы которых очень интересны.

В одном со мной вагоне едут штабс-капитан суздальского полка Косьмич и ревизор компании «Надежда» г-н Котов.

Первый, по его словам, проезжал Семипалатинск как раз в то время, когда под этим городом были убиты крестьянами три японских шпиона.

Дело было так: два крестьянина, работавшие в поле, заметили трёх неизвестных им крестьян, сидевших на пригорке и записывавших что-то в свои книжечки.

Крестьян это заинтересовало:

— Ишь ты, грамотные.

Они подошли к неизвестным и увидели что двое из них пишут, а третий, сидевший далеко впереди двух других, что-то чертит на бумаге.

— Глянь-ка, рисует. Это не спроста! — рещили крестьяне.

Они врасплох напали на первого и без особенной борьбы придушили его вдвоём.

Он даже не крикнул.

Тогда с равными уже силами они поползли к двум другим и также напали на них.

Ввиду встреченного сопротивления крестьяне прикончили и этих.

Забрав бумаги и записные книжки, крестьяне представили их местному воинскому начальнику.

Эти бумаги оказались планами и заметками по съёмке местности, сделанные японцами, замаскированными крестьянами.

— У кого взяли? — спросил воинский начальник.

— А Бог их ведает, кто они...

— Да где они?

— Лежат, ваше-ство в поле, потому нас двое, а их трое...

— Ну так что же?

— Потому мы их и прикокошили... Иначе никак было взять их неспособно.

Убитые оказались действительно японцами.

В pendant к этому ещё в сибирском поезде мне передавали упорный слух, что под мостом через Волгу был пойман японский шпион, переодетый монахиней.

Монахиня эта будто бы бродила под мостом на берегу и всё всматриваясь в устои.

Это заметили сторожа.

— Что ты тут, матушка, всё бродишь, шла бы своей дорогою.

Монахиня ответила ломаным русским языком.

Сторожей взяло сомнение.

Они схватили её и привели в сторожку, где она и оказалась переодетым японцем.

Этим объясняют усиленную охрану в настоящее время волжского моста.

Есть ли в этих рассказах правда, или же они являются плодом возбуждённой военным временем фантазии — неизвестно!

Относительно первого я не смею сомневаться в правдивости моего собеседника.

Во всяком случае, за что купил, за то и продаю!

Беседа с г-ном Котовым была интересна тем, что он был в Порт-Артуре с двадцатых чисел февраля по двадцатые числа марта.

При нём была бомбардировка 9 марта.

В самый город, по его словам, японские снаряды залетали редко, да и фортам они мало вредили.

— В городе, — сказал он, — жизнь текла по

прежнему... Порт-артурцы точно привыкли к бомбардировкам. Тем более, что в это время был большой подъём духа — прибыл С. О. Макаров, так трагически погибший 30 марта. На него возлагались большие надежды... Он вдохнул дух отваги даже в мирных обывателей. Бомбардировка 9 марта не произвела на них никакого впечатления... В городе было обычное движение... Я как раз в это время ехал на «рикше»[6] по главной улице, когда слышались залпы из японских орудий...

Таков рассказ г-на Котова.

Подъезжаем к Петровскому заводу — по дороге на линии много рабочих-китайцев и ещё более бурят, отличающихся от первых маленькими и тонкими косами.

VI

При свете лесных пожаров

Действительно, великий Сибирский путь! Никакие его описания, как бы талантливо и картинно они ни были сделаны, не могут передать того впечатления, которое производит он на путешественника.

Вот действительно гигантская работа!

Этот железный путь, проложенный в гранитном коридоре Яблонового хребта, которым мы следовали сегодня — труд если не физических, то нравственных великанов — торжество техники и пиротехники.

Между станциями Сохондо и Яблоновой входим в туннель, над которым красуется надпись «К великому океану».

Туннель невелик, он короче севатопольского, и над выходным его отверстием читаем надпись «К Атлантическому океану».

Посредине, между этими станциями самая высшая точка пути, а вместе с тем и кульминационный пункт могущества России, раскинувшейся на протяжении между двумя океа-

нами.

Чувствуешь какой-то необычайный подъём духа, силу и бодрость.

Ты и великая, ты и могучая, матушка Русь!

Подъезжая к Чите, видим во многих местах склоны гор, покрытые густым дымом.

Это горят леса.

Железнодорожный путь вырывается из гранитных объятий и идёт по берегу огромного озера Киноп, на берегу которого раскинулось селение этого же названия.

Озеро очень рыбное, но рыба в нём, как в большинстве озёр Сибири и Забайкальской области, заражена солитёром и при употреблении в пищу требует особой осторожности.

Селение Киноп находится под Читой.

Здесь две станции.

Одна не доезжая Читы, где находятся вагоностроительные и ремонтные для паровозов железнодорожные мастерские, а вторая в самом городе.

Последняя устроена по ходатайству читинцев, которые лишены были станции в городе, несмотря на то, что дорога идёт почти городом Читой.

В Чите очень красивый вокзал, и сам город издалека очень живописен.

Он раскинулся по склону горы среди лесов — многие улицы идут в просеках.

Мужская гимназия построена в одной из таких лесных улиц.

Город производил впечатление очень большого, хотя в нём всего 12.000 жителей.

Забыл отметить, что в Чите устроен санитарный карантин, под руководством врача И. С. Спиридонова.

В нём три врача и сёстры милосердия.

Врачи встречают воинские поезда и заболевших оставляют до полного выздоровления в карантине.

В случае инфекционной формы болезни больной отправляется в местный госпиталь.

На вокзале Чита-город интересная встреча с корейцем — русским подданным в форме министерства юстиции.

Я не замедлил познакомиться с ним.

Он оказался бывшим петербуржцем — Никандром Александровичем Ким.

В Петербурге он состоял при корейской миссии и был помощником преподавателя

китайского языка в с. — петербургском университете.

Он окончил курс в токийском и лондонском университетах, прекрасно говорит по-китайски, по-японски и по-английски и довольно чисто по-русски.

Сын бывшего министра двора корейского императора, убитого японцами. Японцы также убили его брата, а его мать с горя зарезалась.

Он остался один, перешёл в русское подданство и носит в своей душе непримиримую ненависть к японцам.

Ему всего тридцать лет, но он успел уже жениться два раза.

Первая его жена была англичанка, а вторая, приехавшая к нему невестой в Порт-Артур — русская, племянница председателя иркутского окружного суда.

От неё у него дочь, одного году от роду.

Он служил переводчиком при порт-артурском окружном суде, был в Порт-Артуре во время первых бомбардировок, но затем жену с дочерью отправил в Иркутск к её дяде, а сам был послан в распоряжение командующего

войсками Забайкальской области г.-м. Парчовского.

Н. А. Ким глубоко верит в близкое занятие Кореи русскими войсками и победное окончание войны.

Но прозвонил третий звонок, и я принуждён был расстаться с интересным собеседником.

Едем далее. Спустилась ночь.

Лесные пожары на горах продолжают, являя собою грандиозное зрелище — огромные участки леса в огненных языках пожирающего пламени.

Когда пишешь наскоро дорожные впечатления и беседы со встречающимися на пути интересными людьми, невольно получаются пропуски — результат забывчивости, а самое изложение, конечно, страдает формой.

Когда же пишешь в поезде при тряске вагонов, эти недостатки конечно усугубляются — да простит их мне читатель.

Пропуски можно однако пополнить, что я и делаю.

Несколько ранее я упомянул, что в настоящее время весь великий сибирский путь но-

сит на себе следы недавнего проезда по нем г-на министра путей сообщения князя Хилкова — всюду новые разъезды, иные ещё строятся, иные лишь намечены поставленными в стороне вагонами со звонком.

Иллюстрацией к этой неусыпной и утомительной работе г-на министра служит случай, переданной комендантом пристани «Танхой».

На пароходе «Ангара», при переезде через Байкал, с князем Хилковым от переутомления сделалось дурно, и он упал бы, если бы его не поддержали.

К довершению опасности г-н министр стоял около открытого люка.

Эта поездка министра была положительно подвигом государственного деятеля.

Сообщая мою беседу с корейцем Н. А. Кимом, забыл упомянуть, что он в настоящее время православный.

По этому поводу разговорился с едущим вместе со мною из Петербурга чиновником министерства иностранных дел Г. А. Казаковым.

Он направляется в Пекин, куда командиро-

ван в состав нашей миссии.

Почти вся его служба прошла на Дальнем Востоке, в Корее и Японии.

— Корейцы принимают православие, — сказал он мне, — для того, чтобы быть русскими, к чему они очень стремятся. Бывший начальник нашей духовной миссии в Корее архимандрит Хрисанф рассказывал мне, что многие корейцы, приходившие к нему с просьбой окрестить их, думали, что с принятием православия они сделаются русскими подданными. Когда же о. архимандрит разубеждал их в этом, то большинство из них не принимали православия... Находились, впрочем, и такие корейцы, которые явились принять православие в надежде получить за это 25 рублей. Басню об этой плате распространяли между ними японцы.

Разговор мой с Г. А. Казаковым коснулся русских колоний в Японии.

— Особенно много русских, — сказал он мне, — в Нагасаки и в окрестных деревнях... Там и японцы говорят хорошо по-русски. Вероятно, многие русские и теперь, во время войны, остались в Нагасаки. Я почти уверен,

например, что там живёт до сих пор г-жа Воронцова — жена капитана одного из пароходов восточно-китайской железной дороги. У неё в Нагасаки свой домик, и она, несмотря на предупреждение мужа, отказалась перед объявлением войны выехать из него. Я уверен, что японцы всячески охраняют её — в этом смысле они любят играть в «джентльменов».

Со станции «Адриановка» красивые виды исчезли — кругом сперва тянулись невысокие горы без всякой растительности, кроме невысокой, уже вянущей травы, а затем идут такие же необозримые степи, с небольшими табунами одnogорбых и двугорбых верблюдов.

Печальные картины.

И так, говорят, будет до Харбина.

К довершению задул такой сильный северо-восточный ветер, что во время стоянки вагонов их качает.

Китайцы называют этот ветер «кирфун».

Впереди в перспективе другой ветер — «тайфун».

До ст. Маньчжурия осталось 120 вёрст.

VII Сквозь Хинган

Вот и «Манджурия».

В ожидании поезда, который отбывает от ст. Маньчжурия в половине двенадцатого, мы все собрались в буфете кто за чаем, кто за утренним завтраком.

Здесь впервые мы увидели фальшивый рубль японского изделия.

Любопытное его отличие от настоящего.

Он сделан превосходно, но, между тем, когда на последнем надпись гласит:

По предъявлении выдаётся из разменной кассы Государственного банка.

Один рубль,

на японском фальшивом она только неправильно свёрстана и отпечатана следующим образом:

Один рубль

По предъявлении выдаётся из разменной кассы Государственного банка.

Ошибка японского метранпажа.

Наконец мы двинулись с воинским поездом, к которому прицепили вагон второго класса и несколько вагонов третьего класса.

Таким образом составился поезд из 42 вагонов.

Среди провожавших поезд было несколько раненых, но уже выздоравливающих солдатиков, в бою под Тюренченом.

Люди доблестного 11 полка.

— Дело было жаркое! — говорили они. — Народ японцы жидкий, плюгавый, но силища их была страсть, целая армия, а нас всего два полка.

Поезд двинулся.

С нами едет охрана из пограничных стражников, на случай нападения хунхузов, что случается.

За последнее время наблюдаются случаи покушения на взрыв воинских поездов положенными на рельсы пироксилиновыми петардами.

Петарды кладут китайцы, конечно подкупленные японцами.

Двух таких даже уж задержали.

Однако, никто из нас не думает об опасно-

сти пути, все офицеры, как старые, так и молодые, бодры и веселы, это действует и на меня, и я, ничуть не рисуясь, могу сказать, что спокоен и бодр.

Велика по своему нравственному значению русская пословица: «на миру и смерть красна».

Ввиду, что я сжился, так сказать, за эти две недели с моими спутниками, мне оказывают всякое покровительство и, несмотря на тесноту, я имею целый диван около столика, на котором могу писать.

Даже верхнее место над моим диваном не занято.

«Железная одесская бригада», офицеры которой едут со мной, оказалась и самой любезной бригадой.

Поезд идёт медленно по 14 вёрст в час, вагоны страшно качает и как-то подталкивает — писать возможно только на остановках более или менее продолжительных.

Вместо звонков при отходе поезда со станции раздаются кавалерийские сигналы.

Сегодня ночью в Хайларе встретился с петербургским врачом Н. Ф. Баймаковым.

Он в эту же ночь ожидал в Хайларе следующего поезда с сёстрами и всем необходимым для открытия здесь запасного полевого лазарета.

От Хайлара кончаются унылые монгольские степи, и начинаются вновь живописные гористые места.

Все эти места ознаменованы сражениями наших доблестных войск с китайцами в 1900 году.

Подъезжаем к Хинганскому хребту, на вершине которого похоронен Г. М. Смолянников, бывший офицер 15 стрелкового его высочества князя черногорского Николая полка.

В 1900 году он был переведён в охранную железнодорожную бригаду и на Хингане бился против китайцев с сотнею терских казаков.

Раненый в ногу, он упал и истёк кровью.

Его нашли мёртвым и похоронили на месте смерти.

Крест над его одинокой могилой производит сильное впечатление.

Входим в туннель, открытый для движения только в нынешнем году — прежний путь обходный оставлен.

Туннель пробит в скалистом хребте Хингана и представляет из себя поразительную человеческую работу.

Двери и окна вагонов запираются наглухо и поезд погружается во тьму.

Маленькие электрические лампочки, освещающие туннель, чуть мерцают во мраке.

Подъезжаем к ст. Бухеду.

Около неё большой посёлок, с торговыми заведениями.

На некоторых любопытные вывески вроде «Дешёвая торговля», «Одесская (?) булочная» и т. д.

На станции приклеены афиши, возвещающие, что любители исполнят в этот вечер в пользу раненых воинов «Наталку-Полтавку» и дивертисмент.

Спектакль будет происходить во врачебном пункте.

Встретились с поездом, на котором помещались больные солдатики, а также и раненые под Тюренченом.

Те же отзывы о неравности боя.

Раненых и больных эвакуируют в Читу.

К Цицикару подходим ночью.

Мои попутчики офицеры, большинство из них совершали катайский поход, вспоминают взятие этого города русскими войсками в 1900 году.

От Цицикара жаркая, ветреная и пыльная погода сменилась дождливой, кругом начались необозримые степи.

Время тянется томительно долго и путь сокращается только порой интересными беседами.

Такую беседу я имел, между прочим, с едущим в одном с нами поезде прокурором порт-артурского окружного суда Б. И. Околовичем.

Он ещё 1 ноября уехал в отпуск в Петербург, а теперь возвращается сперва в Харбин, а затем в Мукден.

Порт-артурский окружной суд после начавшихся бомбардировок уехал сперва в Харбин, а затем в Читу, где находится до сих пор и лишь на днях снова переселяется в Харбин.

Текущие дела вывезены, а остальные оставлены в Порт-Артуре.

По поводу фальшивых русских кредитных бумажек, выпущенных ими в Маньчжурию, Б. И. Околович заметил:

— Японцы начали фабриковать их ещё за-долго до войны, и несколько японцев были в Порт-Артуре уличены в подделке русских рублёвых кредитных билетов. Их судили в порт-артурском окружном суде и осудили в каторжные работы. Фальшивых денег японского приготовления в Маньчжурии очень много.

Любопытнее всего то, что в начале японский консул в Порт-Артуре Сегавасан, по поводу привлечения к суду нескольких японцев за убийство японца, протестовал, доказывая, что они не подлежат русской юрисдикции, ввиду будто бы их экстерриториальности.

Но, конечно, на этот протест не было обращено никакого внимания.

— А относительно подделывателей фальшивых кредитных билетов протестов консула не было?

— Нет, — улыбнулся Б. И. Околович. — Тем более, что по японским законам подделка денежных знаков чужого государства не преследуется, не составляя преступления...

На станции Дуйшаньцзян чайный буфет, в котором торгует жена прапорщика запаса Л.

И. Измирова.

Оказалось, что она прибыла сюда на жительство к своему отцу после 2-й бомбардировки Порт-Артура.

Муж её остался там на службе, и она уже два месяца не получает от него вестей.

— Что же, было очень страшно? — спросил я.

— Очень, — отвечала она. — Я, намереваясь выехать из Порт-Артура, вошла в русско-китайский банк за деньгами... В это время начали стрелять... Все бросились вон из банка, я спустилась с одной дамой по чёрной лестнице. Вдруг мимо меня пролетело что-то тёмное и длинное; я, признаться сказать, сразу даже не сообразила, что это бомба, и лишь после того, как раздался страшный треск и осколками снаряда убило вышедшую со мной вместе даму, я как сумасшедшая выскочила на улицу. По счастью, со мной встретился один знакомый, который проводил меня домой.

— В этот же день вы уехали?

— Нет, на другой день, так как денег из банка я в тот день не получила.

— Вы рады были вырваться?

— Ещё бы! Я приехала сюда совсем как шальная и только теперь несколько пришла в себя...

Приглашение в поезд прервало нашу беседу, которой заинтересовались и все мои спутники.

Поезд пополз далее.

По пути то и дело встречаются красивые постройки из дикого камня русско-китайской архитектуры, причём китайский стиль выражается лишь в драконах, которыми украшены крыши, покрытые железом.

Часто попадаются «вышки», с которых часовые наблюдают за степью и появлением в ней хунхузов.

На каждой станции груды мешков с землёй для забаррикадирования окон казарм на случай нападения хунхузов.

За последние две недели таких нападений на станции было два, но оба отражены без потерь в людях с нашей стороны.

Пока что мы следуем благополучно.

Не могу не поделиться с читателями рассказом одного из моих попутчиков-офицеров

о судьбе японского капитана Хироэ, погибшего при второй попытке заградить рейд Порт-Артура брандерами.

Он бросился спасать людей, но попавшим в него снарядом его разорвало надвое.

Половина его тела была взята японцами и с почестями предана погребению, а другая половина нашла себе могилу в русских водах.

Подъезжаем к Харбину, останавливаемся у знаменитого Сунгарийского моста, теперь, после известного покушения взорвать его, ещё более тщательно охраняемого.

Его осматривают. Наконец, наш поезд медленно пропускают.

Двенадцать часов ночи. Дождь льёт как из ведра. Остаёмся ночевать в поезде, так как до вокзала далеко.

Вчера, в девятом часу утра наш поезд, остановившийся, как я уже писал, на воинской платформе, перевели к Харбинскому вокзалу.

Пассажирский поезд отходит в 10 час. вечера, и мне пришлось бы остаться в Харбине и потерять целый день.

Это мне совсем не улыбалось!

Благодаря любезности коменданта я полу-

чил разрешение ехать с воинским поездом, который отходит в 12 час. 58 мин. дня.

Перед самым отъездом, уже сидя в вагонах, мы имели возможность полюбоваться представлением бродячей труппы китайских акробатов и жонглёров с дрессированной довольно крупной обезьяной.

Представление давалось тут же у рельс на положенной прямо на грязь циновке.

Дрессировка обезьяны изумительна, а чистота работы жонглёра и особенно акробата, мальчика лет двенадцати, доставила бы им одно из первых мест в столичном цирке или увеселительном саду.

Но трубач заиграл сигнал отправления — это в воинских поездах заменяет звонки, и поезд двинулся.

Наш путь идёт по южной Маньчжурии.

Насколько северная пустынна и малолюдна, настолько южная — заселена, живописна и обработана.

Повсюду возделанные поля, на которых копошатся китайцы; некоторые поля обработаны на диво.

Китайцы работают обнажённые до пояса, а

то и совсем голые.

На станциях они толпятся в большом числе, продают редиску крупную, розовую и очень вкусную.

Китаянок совсем не видно.

Только на одной из станций появилась одна, за которой бежал совершенно голый сынишка лет шести, и то уже в то время, когда поезд отходил от станции.

Словом, «взор кругом картины мирные встречает», а между тем на каждой станции, на каждом разъезде построены каменные блокгаузы, окружённые толстыми стенами из дикого камня с бойницами, образующие по углам башни для обстреливания с флангов.

Водокачки все также обделаны диким камнем и в них устроены бойницы.

Повсюду устроены «вышки» для наблюдения за окрестностями.

Китайские деревья тоже в большинстве окружены земляными валами.

Вы едете мимо маленьких крепостей и окопов, что на первый взгляд кажется странным среди этих окружающих вас картин мирного труда.

А между тем, к сожалению, это более чем необходимо.

Хунхузы то и дело дают о себе знать в этих местах и поблизости.

Так недавно они напали на станцию Тайтаково, сожгли сторожку и убили жену сторожа, которая не потушив огня полезла доставать хранящийся на полатях патронташ мужа.

Выстрел в окно убил несчастную наповал.

Снова переезжаем с большими предосторожностями по мосту реку Сунгари.

В тридцати верстах от этого моста — в 120-ти от Харбина стоит китайский генерал Ма с 50.000 войска.

По местным слухам, количество этого войска увеличивается.

Охрана дороги многочисленна и несёт свою службу образцово.

Она состоит из конных и пеших пограничных стражников и железнодорожных батальонов.

Я имел случай воочию убедиться в образцовом несении ими охранной службы.

С нами в поезде несколько станций про-

ехал начальник отдела пограничной стражи г.-м. Язвин, инспектировавший свой отдел и делавший на каждой станции и каждом разъезде тревогу, по которой как пешие, так и конные пограничные стражники собирались в одно мгновение.

Как нижние чины, так и офицеры имеют бодрый, молодежавший вид.

Становится всё жарче и жарче. В воздухе душно — собирается гроза.

Приближаемся к Мукдену — первому этапу моего пути на театре войны — здесь я должен буду остановиться на несколько дней.

VIII

В Мукдене

Приехал в Мукден в ночь на сегодняшнее число и проспал в любезно отведённом мне купе I класса одного из стоящих на запасном пути вагонов.

В этом же вагоне в особом помещении помещается и цензура военных корреспонденций и телеграмм.

Утром в первый раз испытал чувство езды на рикше, т. е. в ручной колясочке, везомой двумя китайцами, причём один бежит в оглоблях, а другой подталкивает сзади.

Странное чувство овладевает впервые севшим в такой экипаж седоком.

Сначала как-то неловко — не физически, так как колясочка, несмотря на дороги, изрытые колеями, очень покойна, а нравственно — ехать на себе подобном существе.

Рикш делается жалко — в невыносимую жару они бегут гораздо быстрее петербургских извозничих лошадей, обливаясь потом, который катится с них градом, синие рубахи

и шаровары хоть выжми, полуобритые головы с традиционными косами совершенно открыты палящим лучам солнца.

Удивляешься их выносливости, тем более, что они после очень продолжительного бега не кажутся совсем утомлёнными.

Другой экипаж для передвижения это — «фудутунка», маленькая кибиточка на двух больших колёсах, в которой запряжены одна, две или три лошади «цугом».

Экипаж очень неудобный и тряский, в нём надо сидеть, поджавши ноги, или вытянув их, так как сидения не полагается.

Окошечки «фудутунки» затянуты белой или чёрной марлей.

На рикше я проехал, получив пропускной билет, в старый китайский город, — новый, где сосредоточено всё русское военно-гражданское управление и где живёт в настоящее время наместник Дальнего Востока, расположен около самой станции железной дороги.

Старый город находится от станции в нескольких верстах и представляет из себя тип городов востока — «город-базар».

Он весь состоит из лавок, расположенных

по разным специальностям торговли.

Домов китайцев, где живут их семьи, не видно — они расположены за лавками.

Страшная грязь и зловоние, — от каждого китайца за версту несёт отвратительным запахом бобового масла и черемши, употребляемых ими в пищу.

Большинство китайцев с трудом, но понимают русских, конечно, если речь последних сопровождается выразительной мимикой и жестами, что испытал и я, торгуясь в китайских лавках.

Запрашивают китайцы невероятно и в лавках уступают с запрошенной цены неохотно, но зато ходячие торговцы запрашивают за вещь рубль и уступают за гривенник.

Сказать, что все китайцы — торгоши, значит повторить общее место всех путешествий, но здесь, когда вы не сделаете шагу, чтобы не быть окружёнными китайскими торговцами, предлагающими вам самые разнообразные товары, начиная с живых птиц и змей, фарфоровой посуды, трубок, хлыстов, нагаек и кончая китайскими порнографическими фотографиями, у вас невольно вырывает

ется эта фраза.

Нет, как кажется, китайца-горожанина, который бы не занимался торговлей.

Наряду с китайцами-торгашами и рабочими, которые тоже не прочь поторговать, вы встречаете массу нищих китайцев.

Вид некоторых ужасен, их стонущие вопли раздирают сердце не привыкшего человека.

Это профессиональные нищие, в большинстве нищие-комедианты.

Это «китайское дно», ожидающее своего Горького.

Особенно ужасен запах в предместье Мукдена, где расположены «обжорные лавки» и ряд китайских ресторанов низшего сорта.

Как бы ни силен был ваш аппетит, он моментально пропадёт от одного запаха этих китайских яств.

Но довольно описаний!

Их без меня сделали уже многие, изучавшие китайскую жизнь.

Я только хотел высказать мои впечатления, так как задержался в Мукдене на несколько дней для исполнения формальностей окончательного посвящения меня в зва-

ние военного корреспондента.

Мои мысли сосредоточены там, на театре войны, который отстоит от меня всего в каких-нибудь ста восьмидесяти верстах и куда я на днях и уезжаю.

На станции, самом оживлённом месте Мукдена, интересная встреча.

Вот господин в каком-то полувоенном, полустатском костюме, на вид ему лет сорок-сорок пять, шатен с пробивающейся сединой в волосах на голове и длинной бороде, со светлыми голубыми глазами, в старой истрёпанной офицерской фуражке.

Это доброволец г-н Цеханович, только что вернувшийся из Кореи, где он принимал участие в русском разъезде отряда полковника Мадритова в тылу японцев.

Он рассказывает мне, волнуясь, порой со слезами в голосе, эпизоды из этой интересной экспедиции, начавшейся в первых числах марта, когда их отряд перешёл Ялу и пошёл в Корею.

— Тяжело было физически, но легко нравственно! — говорил он мне. — Вы не можете себе вообразить, по каким отвесным скалам

приходилось нам буквально карабкаться; было страшно холодно, на вершинах гор лежал ещё густыми пластами снег, на привалах костры разводились с трудом, сырые деревья девственных лесов шипели и трещали и разгорались только после долгих усилий. Всё преодолел наш отряд, потому что состоял из людей, одушевлённых одним желанием идти вперёд, и это одушевление передал нам наш отважный начальник полковник Мадритов. Дух отряда был необычайный. Лучше всего его рисует следующий эпизод. С нами было тридцать тысяч рублей, весивших шесть пудов, груз для обоза отряда тяжёлый... Начальник решил раздать деньги людям, и тут-то обнаружилось, что бывают в жизни людей моменты, когда деньги в их глазах не имеют никакого значения и они отказываются от них... Весь отряд как один человек, отказался взять деньги. «А ну их! Куда с ними? Одна тяжесть!» Как ни убеждали взять, никто не взял... И действительно, в тяжёлом походе в гористой стране, каждый лишний золотник даёт себя знать солдату.

— Как относились к вам корейцы?

— Не одинаково! Были случаи, когда они сопротивлялись занятию деревень, стреляли в нас и даже устраивали засады... Деревни, жители которых встречали нас с оружием в руках, мы жгли, а там, где нас принимали мирно, закупали провиант и платили хорошую цену серебром. Корейцев, пойманных с оружием в руках, по обычаю войны, вешали, так как воюющей стороной, как нейтральных, признать их было нельзя...

— Какого вы мнения о корейцах, как солдатах?

— Сравнительно с японскими они никуда не годятся, бегут после первых выстрелов и так быстро, что их трудно догнать даже на лошади. Вообще корейцы бегают по своим горам с лёгкостью коз. Впрочем и среди них есть молодцы. Расскажу вам по этому поводу следующий эпизод. Мы захватили двух корейцев, стрелявших в нас, у них оказалось только одно ружьё, брошенное кем-то из них, но кем — неизвестно. «Кто стрелял? Чьё ружьё? Стрелявший будет повешен, сознавайтесь!» — спросили их через переводчика. — «Вешать, так обоих! — отвечали они. — Мы

оба стреляли». — «Как, из одного ружья?..» — «Да, сперва один, потом другой»... Суд был короток, их повели вешать, но начальник отряда через несколько минут решил отменить казнь и послал передать это распоряжение её исполнителям... Увы, оказалось уже поздно — казнь была совершена...

— Далеко доходил ваш отряд?

— Да, отдельные разведочные части проникли в самую глубь страны...

— Японцам досталось таки от вас?..

— И даже очень сильно... Мелких стычек было множество, а у одного из корейских городов была серьёзная схватка, но повредить нам сильно и воспрепятствовать цели нашего разезда японцам не удалось... Цель достигнута...

— У вас были раненые и убитые?

— Конечно не без того... Раненых на арбах мы доставили сюда, и они помещены в больнице около Мукдена.

— В плен из вашего отряда не попался никто?

— Нет, напротив, мы взяли в плен трёх японцев!..

— Вы сами раньше служили в военной службе?..

— Нет, я служил в Одессе, секретарём городской управы... Там с самого начала войны началось сильное одушевление, которое до того охватило меня, что я бросил семью и полетел сюда. Случайно мне посчастливилось попасть в отряд, который шёл в Корею — в него принимались и добровольцы... Это было в начале марта. На днях я только что вернулся сюда и сегодня наконец получил радостную телеграмму из дому. Дочь кончила курс в гимназии, сын также блестяще оканчивает свои выпускные гимназические экзамены...

И г-н Цеханович со слезами на глазах вынул из кармана и прочёл нам дорогую для него телеграмму...

Крупные слёзы блестели у него на глазах.

Видимо, после нервного подъёма в продолжительном и трудном пути у отважного добровольца началась реакция — нервы расходились.

IX

Среди раненых

Грустные, но вместе с тем высоко-умильтельные часы провёл я сегодня на платформе железнодорожной станции Мукдена.

Прибыл санитарный поезд Е. И. В. Великой Княгини Марии Павловны и привёз 475 нижних чинов и 9 офицеров, раненых в бою под Вафангоу.

Заметим, кстати, что санитарный поезд рассчитан всего на 200 человек, а между тем так поместителен и удобен, что более чем двойное число комплекта разместилось в нём совершенно свободно.

Надо было видеть, с какою чисто отеческою заботливостью работали врачи, сёстры милосердия, санитары и нижние чины местной команды, выводившие и выносившие раненых из вагонов, под бдительным надзором уполномоченного Красного Креста отст. полк. Бибикова.

Тяжелораненых понесли на носилках, — их было 50 человек, а легкораненых усадили

в госпитальные двуколки для отправления в подвижной госпиталь Красного Креста, находящийся в версте от Мукдена.

Легкораненых сначала тут же на станции накормили обедом.

Всё это продолжалось два-три часа, в течение которых я успел порасспросить раненых и взглядеться в них.

Что за могучие, прямо идеальные типы!

Вот унтер-офицер Казанцев, он ранен пятью пулями, одна из них скользнула по его голове, двумя другими он ранен в мякоть обеих ног, а остальными двумя в правую руку, причём одна пробила ему насквозь ладонь, а другая оторвала средний палец.

И он бодро стоит на ногах и ходит.

— Иголку подлая пуля в сумке перешибла, нечем теперь и зашитья.

Он сожалеет только об этом.

— Только бы поскорей починиться, а там снова бить японцев идти, — говорит он.

— А каковы японцы?

— Да ничего, чистенькие такие, да гладенькие, в туфельках... Весело дерутся...

Рядом присел на приготовленные носилки

другой солдатик, он ранен тяжело в правую ногу, пуля попала в лежавшие в кармане брюк патроны, которые разорвались.

К нему подходит офицер.

— Куда ты ранен?

— В правую ногу, ваше благородие.

— А ну-ка, сожми кулак...

Солдат поднимает увесистый кулак правой руки.

— Да ты ещё молодец!

— Рад стараться, ваше благородие, — вдруг неожиданно поднимается солдат на обе ноги. — Только бы починиться, а то ещё мы японцу покажем.

— Садись, садись.

— И постоим, ваше благородие...

Но силы его оставляют, и солдат опускается на носилки.

На груди обоих героев уже блестят новенькие георгиевские кресты.

Вот другой солдатик, рядовой Голубец, тоже раненый довольно серьёзно в левую ногу, хочет непременно идти пешком.

— Может, места товарищам не хватит...

— Садись, садись, Голубец, всем места хва-

тит, успокойся...

Голубец колеблется, но наконец медленно с трудом идёт к двуколке.

Это ли не умилительное доказательство «солдатского товарищества», которое является одним из главных элементов духа армии.

С носилок с тяжелоранеными ни стопа, ни жалобы.

Один только слабым голосом спрашивает:

— А где моя винтовка?

Так ведут себя наши богатыри.

Узнал от очевидцев некоторые подробности боёв у Вафангоу.

31 мая с 6 часов утра обнаружилось наступление японцев от Пуландяна на север.

Открытая волнообразная местность, окаймлённая высотами, позволяла видеть всю картину наступления противника.

Около 7 ч. 30 м. пополуночи колонны японцев были видны по линии деревень Лидзитунь-Гаудятунь, между железной дорогой и рекой Тасахе в 12 верстах к югу от ст. Вафангоу.

В 10 часов утра вперёд к деревне Вафан выдвинулись 3 японских роты с пулемётами, на-

ступавшие скорым шагом; сзади были видны резервы.

Японская пехота заняла отдельную, весьма рельефную высоту с кумирней в 8 верстах в южнее Вафангоу. Длинная колонна обнаружилась позади в широкой песчаной, покрытой перелесами, долине реки Тасахе; кроме того, была замечена значительная колонна, двигавшаяся от ст. Пуландян, вдоль линии железной дороги.

В полдень раздались первые выстрелы с обеих сторон, и вскоре окончательно определился фронт наступления от высот южнее деревни Вандетау до долины реки Тасахе, протяжением 12 вёрст.

Силы японцев приблизительно были — 2 дивизии пехоты с полевой и горной артиллерией и 12 эскадронами конницы.

31 мая японцы два раза возобновляли наступление, но ночь на 1 июня прошла спокойно.

Утром 1 июня наступление японцев возобновилось — они шли на ст. Вафангоу тремя колоннами.

У Вафангоу собрались все силы нашего

южного отряда, далеко уступавшие в численности противникам.

Весь день 1 июня продолжался упорный бой, прекратившийся лишь при наступлении ночи и возобновившийся 2 июня.

Японцы направляли все усилия на наш левый фланг, но все их атаки были отбиты.

Оказалось, что в ночь на 2 июня японцы получили подкрепление, к месту боя подошла ещё одна дивизия.

Наши казаки вели себя молодецки.

Очевидцы рассказывают, что многие японцы, насквозь проколотые пиками, вместе с ним были унесены лошадьми.

Один японский офицер, бывший в России и хорошо говорящий по-русски, налетел на русского офицера и хотел поразить его саблей со словами:

— Готовься к смерти!

Офицер поднял свою шашку, чтобы отпарировать удар, но в это самое время подскочил казак и из-под руки офицера ударил японского офицера пикой прямо в рот, крикнув:

— Берегись, ваше благородие!

Японец упал бездыханным.

На казака, оставшегося без лошади, налетел японский офицер и рубнул его саблей, но промахнулся.

Моментально казак вырвал у него саблю и срубил ему голову.

Таковы рассказы очевидцев.

А вот геройский подвиг русского офицера.

Он увлёкся, выскочил вперёд и, увидав, что окружён японцами, остановился.

Японцы, думая, что он хочет сдаться, приблизились к нему, но не тут-то было, он одним ударом шашки убил трёх.

Храбрец был изрублен на куски.

Но вернёмся к привезённым раненым.

Одному тяжелораненому пуля попала в правый глаз, прошла носовую полость и вышла в левое ухо, кроме того, он ранен в правую ногу и левую руку.

По словам доктора, он выживет, но будет крив на правый глаз и глух на левое ухо.

Х

Японские зверства

То и дело проходят воинские поезда, доставляющие наших солдатиков в Ляоян и далее на театр военных действий.

У всех у них бодрый, весёлый вид, слышатся шутки, песни.

Кажется, будто бы они идут на военную прогулку, а не на смертный бой с врагом.

Дальняя дорога не утомляет их, и говорят, что во время дела при Вафангоу только что прибывшие туда войска прямо из вагонов были поставлены в авангард в полном боевом порядке.

На ст. Мукден воинские части долго не задерживаются, не более, как через четверть, много пол часа, слышится сигнал горниста, играющего посадку, и поезд мчится далее.

Раненые в боях при Вафангоу, предназначенные в подвижной госпиталь Красного Креста в Мукдене, все доставлены туда.

Вчера госпиталь посетил Наместник Дальнего Востока, обходил раненых и со многими

из них беседовал.

С поля битвы при Вафангоу продолжают приходить вести.

В ночь с 3 на 4 июня в окрестностях Сеньючена прошла сильная гроза с ливнем и в конце испортила дороги.

Несмотря на это, части нашего южного отряда молодецки преодолели все препятствия и в полном порядке, несмотря на сильное утомление, сосредоточились к 5 июня у Сеньючена.

Японцы 3 и 4 июня вперёд от Вафангоу не продвинулись; их войска, как слышно, развёртываются на фронт Вафангоу-Фучжоу.

Точных данных о наших потерях ещё нет.

Как слышно, выбыло из строя убитыми, ранеными, контуженными и пропавшими без вести около 3.000 человек.

Потери японцев гораздо значительнее.

Последние, по словам раненых офицеров, держатся в бою германской системы — наступать с фронта и обходить флангами.

Так они действовали под Тюренченом, при Чзиньчжоу и у Вафангоу.

Стрельбу они производят трёхрядную, при

чём первый ряд стрелков ложится на землю, второй стреляет с колена, а третий стоя.

Кроме того, у японцев при каждой роте имеются пулемёты.

Этим и объясняется, что их пули, по выражению наших солдат, осыпают «как песок».

Война и неразлучное с ней возбуждённое нервное состояние естественно родить массу рассказов.

Многие из них рисуют японцев, протестующих перед Европой об употреблении русскими варварского, по их мнению, оружия — пик, очень, кстати сказать, не пришедшихся по вкусу сынам страны Восходящего Солнца, настоящими азиатами, позволяющими себе относительно пленных и раненых нарушение не только международного, но даже общечеловеческого права.

Говорят, что они прикалывают раненых и даже пленных, а раненый рядовой 6 роты 2 восточного стрелкового полка Осип Коченов рассказывал мне, что у его товарища, попавшего в плен, японцы будто бы вырезали ремни из груди и спины и бросили его по дороге; его нашли и доставили на русские позиции.

Прикалывание пленных подтверждает так же унтер-офицер 2 восточносибирского полка Иван Бельский.

Относятся ли эти рассказы к области разгорячённой фантазии солдатиков, или в них есть доля правды — покажет будущее, а пока я могу лишь заметить, что добродушное в общем отношении наших солдатиков к своим врагам вообще, а к японцам в частности, исключает возможность подобной злой и сплошной клеветы.

Для неё нет почвы в духовном существе русского солдата.

Многие положительно не верят этим рассказам, и это так понятно — они слишком чудовищны.

Не хотелось бы верить и мне, но я принадлежу, увы, к одним из тех, которые плохо верят в японскую цивилизацию, гуманность и правомерность.

Действия японцев, начиная с пресловутой ночи на 27 января в Порт-Артуре и кончая злоупотреблением сходством своего флага с флагом Красного Креста, которое они практикуют и в настоящее время, дают мне для этого

полное основание.

Скажу несколько слов об этом «злоупотреблении».

Выезжающие на позиции японские батареи, цепи обходящих наши фланги частей поднимают флаги Красного Креста и делают ими размахи вдоль своего фронта.

Недоумевающие русские начальники прекращают огонь, открытый по неприятелю в наиболее для него критический момент.

И следом за этим, прикрывающиеся флагом Красного Креста японцы открывают по замолчавшим нашим частям убийственный огонь.

По расследованию этого обстоятельства оказалось, что японцы машут для обозначения присутствия своего фронта своим флагом — национальным: белое поле с красным кругом в середине.

Даже и на незначительном расстоянии этот японский флаг легко принят за флаг Красного Креста.

На этом объяснении добродушные люди успокаиваются, говоря:

— Вот видите, как это просто объясняется:

японцы не виноваты — они употребляют свой флаг. Не надо обращать внимания и стрелять...

А если японцы в один прекрасный день поднимут действительно Красный Крест? Что тогда? Тоже стрелять?

На этот вопрос ответа добродушные люди не дают.

По моему мнению, в этом употреблении сходного с флагом Красного Креста «японского национального» флага, который с успехом можно заменить другим, скрывается двойкая чисто азиатская хитрость, — в начале выигрывать моменты, а затем иметь возможность обвинить русских в стрельбе по флагу Красного Креста.

С морского театра войны получены на днях известия, что наша владивостокская крейсерская эскадра потопила у самых берегов Японии японские транспорты «Хиташи» и «Садо-мару», на которых перевозился пехотный полк.

Он погиб весь до одного человека с командиром и знаменем.

Ходят слухи, что на этих транспортах было

несколько иностранных военных агентов.

Суда прибывшие в Сен-юн-чен, принесли известие, что за последнее время никаких атак на Порт-Артур не было.

За 4 июня происходили морские бои, в которых японцы понесли значительный урон и потеряли два больших судна.

Японский флот на море сильно уменьшился.

ХІ

В госпитале «Красного Креста»

9 июня посетил здешний временный лазарет «Красного Креста».

Замечательный порядок и изумительная чистота!

Положительно умиляешься душой перед картинами сердечного, христиански братского отношения врачей, сестёр милосердия и санитаров к раненым воинам без различия чинов.

Боевое крещение, казалось, уравнило ранги — нет ни офицеров, ни рядовых, есть люди пролившие свою кровь за дорогое отечество, посмотревшие в глаза смерти, и забота об этих людях здесь одинакова.

— Сестрица! — раздаётся там и сям с коек призыв.

И в голосах интеллигентов-офицеров, как и в голосе солдата, для этого слова находятся нежные сердечные ноты, которые не могли бы быть извлечены иначе, как тёплым сер-

дечным же отношением этих чудных подвижниц, отдавших себя исключительно на служение страдальцам войны.

И «сестрицы» наклоняются над тяжелоранеными, говорят им слова утешения, и эти слова чудодейственным бальзамом разливаются по всему существу страдальца — это видно по светлеющим их глазам, по слабой улыбке, освещающей их грубые загорелые лица.

Вообще здесь только, на месте, на театре войны, можно всецело оценить всю службу Красного Креста армии.

Уроки русско-турецкой войны приняты безусловно к сведению и санитарная часть поставлена образцово. Доказательством этого служит отсутствие до сих пор в русской армии массовых заболеваний, несмотря на резкие перемены температуры — невыносимые жары днём и холодные ночи.

Здесь собраны участники-очевидцы последних боёв при Вафангоу.

Их рассказы иллюстрируют эти боевые схватки, окончившиеся было полным разгромом японских войск, не подоспей к

ним подкрепления.

Беспорядочное бегство японцев после боя 1 июня удостоверяется даже из японских источников.

Подвиги наших «чудо-богатырей» не поддаются описанию.

Есть ли на свете такое талантливое перо, чтобы воссоздать хотя бы следующую картину.

На одной из наших батарей, попавшую на позицию, к которой японцы пристрелялись, выбыли из строя все офицеры, начальство принял унтер-офицер, у которого уже была оторвана кисть правой руки — он, кое-как перевязав её рукавом рубахи, левой рукой работает над орудием, пока не падает мёртвым, сражённый шрапнелью. Тут же на полях Вифангоу выказалась во всём своём блеске доблесть русской женщины — сестра милосердия г-жа Воронова под градом пуль, спокойно сидя на коне, распорядилась действиями санитаров.

Два военных врача (один из них еврей) работали неутомимо в линии огня, перевязывая раненых, и когда наши войска стали отхо-

дять, доблестные истинные «друзья человечества», несмотря ни на какие убеждения, не оставили свою опасную работу, пока не довели её до конца.

По заявлению поручика Вакулина, контуженного в голову, состоявшего при двух американских военных агентах, эти последние вели себя настоящими «солдатами» — они всё время не покидали линии огня и с сигарами в зубах спокойно стояли под сыпавшимися вокруг них пулями.

Снова констатируют хитрость японцев, хитрость, впрочем, далеко не предосудительную, которую следует принять не только к сведению, но, пожалуй, и к руководству. Они маскируют свои батареи деревянными орудиями, так называемыми, орудиями-болванками и стреляют под их прикрытием.

В некоторых же местах, для отвлечения внимания, они выставляют прямо декоративные батареи из орудий-болванок.

Эта последняя уловка, однако, как слышно, разбивается об опытность наших доблестных артиллеристов.

Тяжёлая сцена разыгралась над телом уби-

того командира 1 восточносибирского стрелкового Его Величества полка полковника Хвастунова.

Над его залитым кровью трупом неужемимо и горько рыдала его жена, разделявшая трудности похода с своим любимым мужем в качестве сестры милосердия.

Полковника Хвастунова и некоторых других павших в бою офицеров успели похоронить с воинскими почестями на поле битвы.

XII В Ляояне

Наконец, после одиннадцатидневного «мукденского карантина», я сегодня приехал в Ляоян.

Он, несомненно, оживлённее Мукдена.

Ежечасно в него прибывают войска и отсюда, как из центра, радиусами разливаются на театр войны, который, как известно, занял в настоящее время огромное пространство.

Здесь, если можно так выразиться, бьётся пульс войны.

И это понятно!

В Мукдене думают и обсуждают, здесь действуют, в Мукдене управляют, здесь бьются, в Мукдене политика, здесь война.

Кстати, между прочим, нахожу небезынтересным сообщить, как проводит день Наместник Дальнего Востока, адмирал Алексеев, живущий в настоящее время в особом поезде, состоящем из салон-вагона, вагона-кабинета. и спальни, вагона для прислуги и вагона-кухни.

Для жительства наместника построен осо-

бый дом, но он предпочитает жить в вагонах.

Встаёт он ежедневно в пять часов утра и в половине шестого уже едет верхом в сопровождении приближённых лиц на прогулку в окрестности Мукдена.

Одет он в это время обыкновенно в тужурке.

Его любимая лошадь — простая казацкая, которая ходит особым нравящимся ему аллюром.

Излюбленным местом утренних прогулок наместника являются могилы маньчжурских императоров, находящиеся действительно в тенистом, красивом и живописном саду.

Ровно с половины восьмого наместник возвращается к себе, делает свой вторичный туалет и начинает свой трудовой день.

В десять часов сервируется утренний завтрак, после которого идут непрерывно до обеда, который подаётся в пять часов, доклады по различным частям управления и по дипломатической части, приёмы представляющихся и т. д.

После обеда снова занимается делами или едет осматривать те или другие учреждения.

Затем сервируется чай и лёгкий ужин и в десять часов вечера наместник ложится спать.

И так изо дня в день, минута в минуту.

Я получил эти сведения о «дне наместника» от одного из приближённых к нему лиц, с которым встретился на станции, являющейся, как я уже писал вам, местом всевозможных встреч и свиданий.

Всякие новости сыплются, как из рога изобилия, и большинству их можно доверять не опасаясь, так как они идут из хорошо осведомлённых источников.

Тут не далее как вчера я встретил подтверждения тому, о чём я уже писал — об отношениях японцев к нашим раненым и пленным.

Во время боя при Вафангоу был составлен в присутствии иностранных агентов акт о доказанном прикалывании японцами раненых и пленных.

Разговорился с одним из военных врачей, который рассказал мне много интересного о поранениях, причиняемых японскими огнестрельными снарядами.

Начинённые пресловутым японским поро-

хом «шимозе», они причиняют в большинстве смертельные, но во всяком случае трудно излечимые раны.

— Почему? — спросил я.

— А потому, что порох «шимозе» содержит в себе мелинит, развивающий ядовитые газы которые омертвляют края ран.

Любопытная черта склонности японцев к фееричным эффектам, к числу которых, впрочем, принадлежит и вся их скороспелая цивилизация.

На теле убитых, раненых и взятых. в плен японских офицеров найдены татуировки на японском языке.

Вытатуировано всего три слова: «слава или смерть».

Этот перифраз спартанского изречения «со щитом или на щите» сильно отдаёт романтизмом, период которого переживается особенно долго всеми народами с подражательной цивилизацией.

Не могу тут же, попутно, не отметить мнения о японцах одного из высокообразованных деятелей настоящей войны.

— Мне жаль японцев! — сказал он. — Та-

кой страшный подъём духа народы переживают или при своём восходе на политическую мировую арену, или же при закате... У японцев, увы, этом подъём — смертельная агония, так как, несмотря на временные призрачные успехи, война окончится, конечно, их полной гибелью... А жаль их! Молодцы, хотя несомненно азиаты в европейской шкуре... Первое серьёзное поражение будет для них началом конца... Давать возможность самообольщаться и идти вперёд — лучшая тактика с молодыми армиями, не имеющими за собой военных традиций... При первом разочаровании победный мираж исчезнет и заменится паникой и беспорядочным бегством... Частично это уже случилось, даже в последних боях при Вафангоу.

В последний вечер моего пребывания в Мукдене любопытная встреча на станции с девицей-разведчиком Елизаветой Смолка.

Она говорит по-китайски, корейски и японски и одета в мужской костюм.

Говоря про себя, употребляет мужеский род.

— Я пришёл, я узнал...

Жаждет получить Георгия и, по её словам, имеет свидетельство на право получения этого знака отличия военного ордена за успешно произведённую разведку.

Интересная подробность.

Отец Смолки в завещании отказывает ей 30.000 рублей под условием, чтобы она получила георгиевский крест.

— Я добьюсь этого знака отличия, и откажусь от наследства... — заявляет она.

Девушка-разведчик производит своею скромностью приятное впечатление — в ней незаметно рисовки, она проста и естественна.

По внешности она некрасива, но в глазах виден ум и железная воля.

О результатах трёхдневного боя при Вафангоу сообщают выяснившиеся в настоящее время более точные и подробные цифры.

Нижних чинов в 9 дивизии генерала Кондратовича, стоявшей на правом фланге, убито 133, ранено 785, осталось на поле сражения ранеными и убитыми — 64.

В дивизии генерала Гернгросса, находившейся на левом фланге, выбыло из строя 1868, в том числе из первого полка 247, второго —

724, третьего — 740, четвертого — 157.

Из Моршанского и Зарайского полков было 13 убитыми, 197 ранеными осталось на поле — 10.

Из Тобольского полка, пробывшего во время боя и прикрывавшего обходные движения правого фланга, выбыли убитыми — 9, ранеными 56, остался на поле сражения один.

В артиллерийской части дивизии Гернгросса выбыло 138; в 9 дивизии — 30.

Штаб и обер-офицеров убито 18, ранено 84, осталось на поле сражения 9.

Раненый в голову генерал Гернгросс продолжал командовать дивизией, приказав фельдшеру сделать себе спешно перевязку.

Генерал Мищенко, успевший уже нагнать страху на японцев, удерживает соединение армии Куроки с армией Оку между Кайчжоу и Сиеном.

В бою 10 июня его отряд не успел вынести 7 раненых казаков.

Все они были в виду наших войск зверски добиты японцами.

Над мёртвыми японцы надругивались.

Ожидается большое сражение южнее Хан-

чена.

Оно пока замедляется успешными действиями генерала Мищенко.

Носятся однако слухи, что армии Куроки и Оку успели соединиться.

Завтра выезжаю в Дашичао, а оттуда на передовые позиции, где ожидается решительный бой.

XIII

В Дашичао

Здесь только и говорится об угрожающем положении, которое приняла наша порт-артурская эскадра относительно сильно поредевших за последнее время рядов японских морских сил, и полагают, что эта перемена ролей на море без сомнения отразится на дальнейшем ходе дел на сухопутном театре войны.

Выражают твёрдую надежду, что порт-артурская эскадра, овладев внешним рейдом и частью моря, будет иметь возможность соединиться с владивостокской эскадрой, и тогда они обе сравнительно с остатками японской представят грозную силу, к которой и перейдёт обладание морем — одно из главных условий морских побед.

Потеряв возможность базироваться на море, японцы окажутся на суше почти в безвыходном положении, и именно настоящий момент считается компетентными военными деятелями за кризис в настоящей войне, бла-

гоприятный для нас.

— Это, — говорят они, — начало конца!

Дай Бог, чтобы эти предположения и надежды оправдались!

Пожелание далеко не платоническое, так как имеет под собой почву в текущих событиях, прекрасно иллюстрирующих мощь наших войск, делающих положительно чудеса при невозможных условиях.

Вот ряд светлых эпизодов, долженствующих быть занесёнными золотыми буквами на скрижали военной истории России.

Мне любезно привёл их в хронологическом порядке за последний месяц войны один из офицеров генерального штаба, собирающий материалы для этой истории.

В деле при Саймадзы 24 мая выказались блестящие действия охотничьей команды, над которой начальствовал поручик Ружицкий.

Этот лихой офицер был ранен осколком гранаты в руку и остался в строю.

В деле под Сюянем отличались войсковые старшины Гаврилов и Черемисинов, подъесаулы Семёнов и Колосовский, штаб-ротмистр

Ржевский и хорунжий Комаровский.

Последний раненый остался в строю.

Сложную и трудную разведку произвёл генерального штаба подполковник Посохов.

1 июня в бою при Вафангоу доблестный начальник 1 восточносибирской стрелковой дивизии генерал-майор Гернгросс получил тяжёлую рану в нижнюю челюсть с повреждением надкостницы, но остался в строю до конца боя.

В этом же бою выказали поразительное мужество командир 36 полка полковник Багинский, его адъютант штабс-капитан Кривцов, командир 2 батальона подполковник Остолопов и его офицеры.

Генералы Краузе и Зыков и командир 33 полка полковник Лисовский и его офицеры не выходили из огня.

Что касается до нижних чинов, то они все ведут себя настоящими богатырями, принуждённые биться не только с хитрым и отчаянным врагом, но и с условиями непривычной для них гористой местности, невыносимой, душлимой жарою, усугубляемой тяжёлым снаряжением русского солдата.

Передаю слышанную мною маленькую подробность о столкновении отряда генерала Мищенко с передовыми отрядами армии Куроки под Гайчжоу 10 июня.

Бой длился с 5 час. утра до 2 часов дня и окончился полным беспорядочным отступлением японцев, которые понесли огромные потери.

Я говорил уже о блестящей постановке здесь на театре войны великого дела «Красного Креста».

Бой при Вафангоу блестяще вновь подтвердил это.

Отряд «Красного Креста» генерала Родзянко оказал 1 июня быструю и огромную помощь на поле битвы.

К нему присоединился добровольно старший врач 36 полка Колосов.

Он и генерал Родзянко сами носили раненых до перевязочного пункта, где работали без усталы военные врачи и профессор Цеgefон Мантейфель со своим отрядом.

Под сильным огнём перевязывали раненых врачи Петров и Охотников.

О действиях отряда «Красного Креста» в

бою при Самайдзы также получены здесь самые восторженные отзывы.

Доктор Пуссеп и Беньпеш работали под неприятельским огнём и не оставили поле битвы, пока не перевязали всех раненых.

Им помогали студенты Федынский и Фёдоров, брат милосердия Степанов, санитары Крюков, Федотов и Самойлов-Скрипка.

С такими самоотверженными деятелями — молодыми, полными отваги командирами и офицерами, врачами, братьями милосердия и санитарями можно смело смотреть в будущее и не смущаться даже, если оправдается только что пронёсшийся слух о соединении армий Куроки и Оку.

Это ничуть не изменит положение дела, и японцы дорого заплатят за свои кажущиеся успехи.

Таково общее мнение здесь, в нескольких десятках верстах от театра, на котором в ближайшем будущем разыграется эпилог кровавой драмы, носящей название: «Русско-японская война».

Здесь только я уже несколько раз вспоминаю слова, сказанные мне в Петербурге од-

ним из участников русско-турецкой войны.

— Поверьте, — сказал он мне, — что там, на театре военных действий, все перипетии этой борьбы двух народов переживаются гораздо легче и не производят такого сильного впечатления, как здесь. Там люди смотрят более трезво и бодро и не считают неудачи гибелью... Там быстрее идёт смена событий, и набежавшее облачко мгновенно рассекает луч солнца... Облачко исчезает с горизонта тогда, когда у нас оно ещё кажется грозной тучей...

И это святая правда!

Полное спокойствие и уверенность в будущем царят здесь.

В заключение официальное подтверждение неистовств японцев над убитыми и ранеными.

25 мая после дела под Саймадзы найдены тела стрелков Трифонова Василия и Григорьева Петра, обнажёнными до пояса, с перерезанными горлами и привязанными к доскам.

У Трифонова был вырезан язык, а тело Григорьева симметрично истыкано ножами.

Присутствие среди японских войск китай-

ских добровольцев несомненно доказано.

Они не только подают им сигналы о расположении наших войск, но и бьются в рядах их армии.

Несколько десятков таких «добровольцев» захвачено нашими войсками в боях при Вафангоу и приведены в Ляоян, где и ожидают решения своей участи.

В поезде, состоящем из десятка вагонов разных классов, живёт командующий маньчжурской армией А. Н. Куропаткин с частью штаба.

Генерал-адъютант А. Н. Куропаткин помещается в вагон-салоне, под которым устроены тенты из гаоляновой соломы, дабы защитить его от палящих лучей солнца.

Сегодня, впрочем, солнце над нами сжалилось и светить не с такой обычной яростью.

Оно стыдливо прячется за облака и в воздухе веет возможной прохладой, т. е. даёт возможность дышать, хотя ветерок вместе с некоторой свежестью несёт и отвратительную пыль, которая лезет в горло, в глаза, в уши.

Остальной штаб размещается в других ва-

гонах, а канцелярия в двух повозках.

В одном из таких вагонов я наконец только сегодня получил от полковника Люпова последнее удостоверение, что я имею право состоять военным корреспондентом при войсках маньчжурской армии.

Командующий армией перенёс свою резиденцию из Ляояна, где находится его штаб в Дашичао недавно.

Не далее, как вчера, 13 июня произошёл довольно сильный бой в котором японцы понесли чувствительные потери, у нас же в людях урон был незначителен — ранен между прочем врач, по фамилии, как мне передали, Лешков — воспитанник харьковского университета.

Беседую в станционном буфете за стаканом чаю, который здесь истребляется в огромном количестве.

Разговор идёт об успехах японской артиллерии.

— Тут дело не в превосходстве орудий, не в знании артиллерийского дела, — говорит один артиллерийский офицер, — у нас орудия тоже очень хорошие, и в знании и практике

мы можем поспорить с японцами, а в том, что последние обращают внимание на каждую мелочь служит им крупную службу.

— Например?

— Вы хотите пример, — извольте... При выстрелах с батареи, выведенной на позиции, вследствие отката орудий поднимается пыль, которая и выдаёт противнику местонахождение батареи, с одной стороны, а с другой, мешает верному прицелу... Японцы это хорошо поняли и или поливают позицию водой, или же выбирают для неё место на траве. И в том и в другом случае они избегают предательской пыли. Мы же не обращали до сих пор внимания на подобную мелочь, и наши батареи в большинстве случаев бывают окутаны столбами пыли.

Что касается до настоящего расположения войск на театре войны, то большинство ожидает серьёзного решительного дела у Долинского перевала с армией Куроки.

— Поезжайте на восток, — говорят мне, — там предстоят интересные дела...

— А на юге...

— На юге пока не будет ничего.

Оговариваюсь, впрочем, что толки очень разноречивы.

Поживём — увидим.

Маленькая характеристика здешних буфетных нравов.

При невыносимой жаре в буфете нет никаких напитков, ни квасу, ни минеральных, ни фруктовых вод и только одно американское, кстати сказать, прескверное пиво по 1 р. 25 к., за бутылку.

XIV

На передовых позициях

Я видел, наконец, войну лицом к лицу. Не скажу, чтобы я был под пулями и в линии огня, но грохот орудий и свист, или, лучше сказать, пение пуль — современные пули не свищут, а поют — слышалось около меня совсем близко, и боевая картина была передо мной как на ладони.

Вы спросите, конечно, меня, какое я вынес впечатление?

Впечатление так сильно и так разнообразно, что в конце концов получается как бы отсутствие всякого впечатления.

Так цветные лучи солнечного спектра при быстром вращении дают впечатление белого цвета, т. е. отсутствия всякого цвета.

Представьте себе движение массы людей, смешанное, нестройное, но при всём том, видимо, руководимое с обеих сторон по точному, заранее обдуманному плану.

Это скорее чувствуется, чем наблюдается.

Гром артиллерийских снарядов, беспре-

рывные оглушительные взрывы и непрерывное пение металлических соловьёв — пуль.

Там и сям падают люди, иные приподнимаются, иные уже не встают, это тяжелораненные или убитые.

Всё это видно только в бинокль тогда, когда падает сразу несколько человек, стоящих рядом, а сколько одиночных падений.

Вот несут раненых на перевязочный пункт.

На руках двух казаков лежит умирающий офицер. Он тяжело ранен в грудь навывлет.

При каждом вздохе на его рубашке образуется большое, всё расплывающееся пятно.

— Пить, пить! — стонет он.

Кто-то подносит к его застывшим губам фляжку.

Это тяжелораненый зауряд-хорунжий Макаров.

Его не донесли живого на перевязочный пункт.

Он умер дорогой.

— Добрый был человек... Из нашего брата, простых казаков, любил нас, да и мы его... — говорят казаки.

Это произошло в славном деле доблестного генерала Мищенко между деревнями Кусандзы и Мугуи.

Тело Макарова, по распоряжению генерала Мищенко, привезено в Дашичао, где и похоронено с воинскими почестями...

Он лежит тут, вблизи поля брани, где нашёл свою славную смерть, завёрнутый в окровавленную простыню, в дощатом гробу.

Таковы должны быть похороны истинного героя.

Их величие в их простоте!

Видел я и работу сестёр милосердия и петербургских общин Георгиевской и Евгениевской под градом японских пуль и снарядов.

Не было ни страха, ни даже следа малейшей робости на лицах, одухотворённых исполнением великого христианского долга, этих доблестных русских женщин и девушек.

Вот с застывшим выражением глубокой печали на челе, бесстрашно и бесстрастно распоряжается сестра Хвастунова, только что потерявшая любимого мужа, павшего славной смертью героя в битве под Вафангоу, вот сестра Тучкова, жена ротного полкового ко-

мандира, достойная спутница жизни воина, вот и другие, мужественные, пренебрегающие опасностью, готовые на смерть для великого дела помощи раненым.

Зрелище это производит поразительное впечатление.

Тут мало удивления, мало поклонения!

Тут хочется молиться перед этим воплощением милосердия на земле.

А в общем, всё это только ужасно!

Ужасны картины боя, когда о них вспоминаешь после того, как грохот орудий, свист пуль и стоны раненых останутся далеко за тобою.

Ужасны картины полей битв, когда смолкнут орудия смерти, когда подбирают раненых и на окровавленных носилках несут в санитарный поезд.

С 13 июня близ Долинского перевала идёт упорный бой, наши позиции заняты были двумя полками пехоты с артиллерией.

Японские колонны показались ранним утром, пехота, по их обыкновению, впереди, не вступает в атаку, а старается улизнуть, завлекая противника под огонь.

Началось дело.

Загрохотали орудия, запели и зашипели пули, и весь этот «шум войны» гулко стал отдаваться по ущельям гор.

В 9 часов утра неприятельский отряд, силою в один батальон, перешёл в наступление от Стоходзы к нашей передовой позиции у Вадзяпудзы.

К полудню показалась ещё пехота японцев с горной артиллерией.

Отстреливаясь, наши войска отошли на Долинский перевал.

14 июня с утра превосходными силами японцы атаковали наш отряд на Долинском перевале, который, задержав наступление и выяснив силу противника, отошёл по направлению к Синючену.

Туда же вечером 15 июня выехал из Дашичао командующий маньчжурской армией А. Н. Куропаткин.

Тут, по северной дороге, говорят и будет главный театр наших военных действий.

На южной дороге от Сюяна до Гайчжоу и на востоке в местности Сорганчоу в 25 верстах на северо-запад от Фынхуанчена проис-

ходят постоянные стычки с переменным успехом для обеих сторон.

В перестрелках мы потеряли ранеными капитана Янчуковского, поручиков Оглоблева и Серпуховитинова и врача «Красного Креста» Рышкова (я ошибочно назвал его в одной из корреспонденций Лешковым).

Капитан Янчуковский, доктор Рышков и три нижних чина остались в руках японцев.

13 июня японцы возобновили наступление по главной Ляоянской дороге и на Модулинский перевал.

Третий день, как начались дожди — и иные говорят, что это начало периодических, другие находят, что для периодических слишком рано.

Выпадающие дожди объясняются усиленной пальбой из орудий.

Война таким образом родит не только героев и поэтов, но и дождь, не в смысле водянистой поэзии, а в смысле настоящего ливня.

Грязь образовалась невылазная.

Говорят, что это большой плюс для нас, так как японцам невозможно будет по размокшим дорогам действовать со своими осадны-

ми орудиями, составляющими их главную силу.

В заключение, маленький курьёз на печальном фоне, рисующий ту поспешность, с которой всё делается на войне.

В Дашичао надо было похоронить трёх умерших солдатиков, священника не было, три гроба понесли солдатика на руках. Гробы тяжёлые, из толстых деревянных досок.

Вырыли ямы, опустили один гроб, который был всё же тяжелее других.

Это навело солдатиков на мысль вскрыть два остальных гроба.

Они оказались пустыми.

А третий гроб уже был закопан.

Как быть?

Понесли два пустые гроба назад.

Оказалось, что второпях позабыли положить в гроба двух покойников.

Солдаты говорят, что это произошло потому, что покойники не были отпеты.

— Одного похоронить Бог попустил, а двух других не дозволил...

И действительно, на другой день прибыл священник, и солдатика были похоронены

после отпевания.

XV

В Хайчене

В то время, когда эти строки появятся в печати, те соображения, которые я намерен высказать, вероятно уже подтвердятся.

Соображения эти касаются театра войны, в самом центре которого я нахожусь и о котором в центральной России вообще и в Петербурге в частности имеют весьма смутное представление.

Сужу я об этом по своему недавнему сравнительно пребыванию на берегах Невы и тому впечатлению, которое производили на меня, старого газетного работника, известия, получавшиеся с Дальнего Востока.

Понятная неполнота телеграфных известий, зачастую тенденциозная их окраска иностранными агентствами делают то, что разобраться в них более чем затруднительно и вопрос, где правда в них, где ложь — остаётся открытым.

Если это так для журналиста, то какое представление о текущих военных событиях

должна иметь публика? Сдержанные, всегда корректные русские известия официального характера тонут в море самохвальства известий из японского источника, услужливо передаваемых иностранными газетами и агентствами и действуют угнетающим образом на русского читателя.

Потеря орудий представляется ему поражением и торжеством врага, диверсия в форме отступления опять же боевой для нас неудачей и т. д.

Официальные известия дают лишь тактические и стратегические абрисы, не разъясняя для непосвящённых суть часто загадочных фраз, — да этого разъяснения и теперь нельзя требовать, — а между тем японская и часть заграничной прессы трубят о мнимых победах японцев.

Для недоумевающих русских людей я и пишу эти строки, по мере сил желая разъяснить положение театра войны, опираясь в данном случае на такие военные авторитеты, как офицеры генерального штаба с командующим армией А. Н. Куропаткиным во главе.

Последний на днях по поводу помещённо-

го в иностранных газетах известия, что японцы, желая прекратить войну, ходатайствуют уже, будто бы, о вмешательстве европейских держав для заключения мира, улыбаясь заметил:

— Странно! По моему мнению, война ещё не начиналась.

Словом, все наши почтенные собеседники находят, что положение наше блестяще, и фазис в который в настоящее время вступили военные действия, окончится полным поражением японцев и быстрым окончанием войны.

— Я могу держать пари, что день моих именин, 10 сентября, я буду праздновать в Петербурге и поеду туда не раненым, или больным, а потому лишь, что здесь нечего будет делать... Всё будет кончено! — сказал нам один из них.

Быть может, это несколько преувеличено, но едва ли срок, назначенный им для окончания войны, чересчур сокращён.

В общем, по единодушному отзыву всех военных деятелей, положение японцев должно с каждым днём становиться всё более и бо-

лее критическим.

Их мнимые победы, зависящие от неравенства сил, условий местности и других причин, объяснять которые будет делом истории, покупаются ими слишком дорогою ценою.

Потери в людях у них всегда огромны, снаряды они тратят в огромном количестве и сравнительно безрезультатно.

Даже на разъезды в несколько человек они выпускают сотни пуль и десятки шрапнелей и гранат.

Как бы ни было много у них людей и как бы неисчислимы ни были их запасы снарядов, и те и другие при такой чисто лихорадочной расточительности должны идти быстро на убыль.

Наши силы между тем с каждым днём увеличиваются свежими бодрыми войсками.

Любо-дорого глядеть на наших солдатиков, уроженцев южных губерний, оглашающих своими песнями долины Дашичао и Хайчена.

Песни эти подхватывает эхо гор и, думается нам, долети их отзвуки до японцев, они устрашились бы их более, чем трескотни батарей и свиста пуль.

То поёт Русь могучая, непобедимая.

В них слышна та сила русской земли, из которой черпал свою непреодолимую мощь легендарный русский богатырь.

Эти мысли пришли мне в голову, когда вчера в Хайчене я в обществе офицеров на перроне станции беседовал за чаем, под звуки лихих солдатских песен.

Да простит мне дорогой читатель это маленькое отступление, вырвавшееся прямо из сердца.

Продолжаю далее передавать соображения знатоков военного дела о близком будущем, ожидающем японцев.

Потери их на море и успешные действия наших, порт-артурской и, в особенности, владивостокской эскадр, лишат их в конце концов возможности получить подкрепления и продовольствие и тогда положение их станет положительно безвыходным.

Один из офицеров генерального штаба сделал в разговоре со мной несколько смелое, но не лишённое некоторых оснований сравнение настоящей войны с войною англо-бурской, конечно, не по мотивам её возникнове-

ния и не по образу наших действий, а лишь по её начальным перипетиям и несомненно-му исходу.

— Тем более, — заметил я, — что для японцев эта война борьба за существование. Им ведь тесно жить.

Но тут вмешался в разговор человек, уже десять лет изучающий положение на Дальнем Востоке, отношения России к Китаю и Японию, а также политические взгляды других правительств на этот «новый восточный вопрос».

— Вы высказываете мнение, — сказал он, мне, — очень распространённое, принимаемое всеми на веру, но уввы, совершенно неверное.

— Как так?

— Да очень просто. У японцев очень много совершенно незаселённых и малозаселённых островов, годных для земледельческой культуры. Статистику этих пустопорожних земель по поручению японского правительства составил несколько лет тому назад профессор земледельческого института в Токио — Сако. Он был в Маньчжурии, и я лично беседовал

об этом с ним.

— Какой же импульс толкнул японцев на эту войну?

— Воинственность и жадность — качества, лежащие в характера этого народа. Вся его история — это история непрерывной войны. Сначала они дрались между собою — вели страшные междоусобные войны, партия микадо боролась с партией «сёгуна», военного диктатора и, наконец, последний был побеждён в конце первой половины прошлого столетия. Тогда Япония стала снова тратить все свои средства на вооружение, на приготовление к войне с Китаем; готовилась она долго, почти сорок лет и наконец объявила ему войну в 1894 году. Цель войны была завладеть Кореей и Ляодунским полуостровом, и причина совсем не отсутствие земли, а желание сделать из апатичных и покорных корейцев рабов. Европа, как известно, не допустила этого. Русские заняли Ляодунский полуостров и временно Маньчжурию. Японцы снова начали готовиться к войне уже с Россией, напрягая все свои силы в ущерб экономическому состоянию страны и наконец в конце января ны-

нешнего года бросились в эту опасную авантюру. Если хотите, то эта война действительно является для японцев борьбой за существование, но в другом смысле.

— В каком же?

— Япония уже теперь находится в экономическом рабстве у Англии и Америки: займы, сделанные ею у этих государств, обеспечиваются железными дорогами и таможенными доходами, у Японии осталась только территория. Побеждённая Россией, — а что она будет побеждена, в этом едва ли есть у кого сомнение, — попадёт под протекторат Англии и будет низведена до положения третьестепенного государства; японцы будут служить для Англии наёмными войсками, как служили когда-то Европе швейцарцы.

Такова роковая судьба Японии по мнению этого политического деятеля, всесторонне изучившего Дальний Восток.

XVI

Положение воюющих сторон

В Ляояне говорят об отступлении японцев со всех перевалов.

Все их наступательные движения были лишь демонстрациями для прикрытия этого отступления.

Такой же демонстрацией является и их движение в настоящее время на Ляоян, где мы поэтому сидим совершенно спокойно, но нельзя сказать чтобы удобно.

Пять дней сплошных ливней сделали то, что Ляоян «всплыл как Тритон»[7], но всплыл в жидкой грязи.

Ходить даже в больших сапогах немыслимо, надо ездить верхом, но так как и для лошадей подобное передвижение страшно мучительно, то жалея животное, приходится не жалеть человека и ездить на рикшах.

Вообразите себе такую картину.

Два полуголых китайца, буквально по колено в грязи, везут седока в колясочке на больших и тонких колёсах, которые как-то

ухитряются катиться, несмотря на то что грязь достигает до оси.

Рикши обливаются потом, издающим специфический отвратительный запах смеси бобового масла и черемши.

Я писал уже о первом моем впечатлении езды на людях.

Это впечатление мною формулировалось словом: жалость.

Теперь это чувство прошло, и я спокойно сижу в колясочке, тем более, что такая прогулка, по невозможности ходить пешком и из нежелания в конец заморить дорого стоящую лошадь, обходится далеко недёшево.

У китайцев с водворением русских развились колоссальные аппетиты и за конец проезда на рикше надо платить рубль, да ещё с перспективой услышать:

— Мало, капитан, мало...

Но тут уже прибавка обыкновенно идёт при красноречивом участии нагайки — в руках её иметь здесь необходимо — и китайцы успокаиваются.

Начались ли теперь действительно «периодические дожди» или нет?

Этот вопрос многими китайцами и здешними старожилами решается различно.

— Для периодических дождей, — говорят одни, — как будто слишком рано, а впрочем, может быть вследствие войны и вызванного орудийными выстрелами сотрясения атмосферы дожди и начались ранее.

Другие утверждают, что это последнее обстоятельство и есть единственная причина настоящих дождей, и что «периодические» ещё впереди.

Если это так, то остаётся только воскликнуть: «Благодарю, не ожидал».

Но вернёмся к японцам, которым эти дожди оказали плохую услугу.

Они страшно затруднили их движение с тяжёлыми осадными орудиями и ещё более ухудшили их и без того незавидное положение.

А что положение их незавидно, они видимо сами это поняли.

Этим и объясняется их отступление.

При постепенном притоке к нам свежих сил, японцы, перенёсшие свою операционную линию на Порт-Артур, рисковали быть

запертыми на Квантунском полуострове «как в бутылке», по удачному выражению одного военного писателя.

Потому-то они и стремятся стянуть свои войска к Фынхуанчену, перебросив таким образом снова свою операционную линию в Корею.

Нельзя не отдать справедливость — её надо отдавать и врагу — что план этот не лишён глубокого военного соображения.

При нашем движении на выручку Порт-Артура, они могут напасть на нас с востока, а в случае действий прямо против соединённых армий Оку и Куроки, они могут уйти в Корею, конечно, если им в этом не помешают, и оттуда их придётся выбивать.

Как бы то ни было, но общее мнение продолжает оставаться таким же, каким я излагал его и раньше.

Война вступает в новый фазис. Переживается кризис, благоприятный для нас. Новая диверсия, предпринятая неприятелем, едва ли может не только спасти его от поражения, но даже сделать войну более продолжительной.

Это общий приговор, который слышится повсюду.

Командующий армией переехал со своим штабом снова в Дашичао и, верный своему девизу: «терпение, терпение», выжидает момента, чтобы одним ударом сломить кичливого врага.

И он будет сломлен.

Мнимые победы японцев, о которых трубят как японские, так и американские и английские газеты известного пошиба, таковы, о которых можно повторить древнее изречение: «ещё одна такая победа, и я останусь без войска»[8].

Простой подсчёт говорит это.

На каждого раненого русского приходится не менее трёх раненых и убитых японцев.

И несмотря на это, они, ослеплённые жаждой победы, до последнего времени продолжали наступать, рискуя истребить всю свою армию.

Чем могут кичиться они?

Боем под Тюренченом.

Но там два русских полка и две батареи два дня выдерживали штурм трёх дивизий и

пятидесяти орудий.

Разве это победа?

И сколько тысяч жертв стоила она им!

А Чзиньчжоуские высоты взятые ценою истребления целых полков.

Разве это тоже называется победою?

Успех при Вафангоу, успех случая, так как японцы едва не потерпели полное поражение, уже совсем не может идти в счёт.

Что же остаётся?

«Ничего или очень мало!» — как говорится в известных виршах[9].

Быть может издалека, из Петербурга, для глаз невоенных людей, это и кажется чем-нибудь, как плохо нарисованная декорация, но здесь, вблизи слишком видна неискusstная раз-малёвка.

Встретился с одним из участников дела у Айньямыня 9 июня, передавшим мне некоторые его небезынтересные подробности.

Началось с того, что наш конный авангард вытеснил японцев из траншей передовой позиции.

Четыре конно-горных орудия пограничной стражи метким огнём преследовали отходя-

щие цепи и сомкнутые части японцев.

Последние не вынесли напора и стали очищать последовательно ряды траншей на протяжении 3–4 вёрст.

Дело продолжалось с переменным успехом, и в седьмом часу вечера японцы перешли в наступление силою одного батальона, но две роты стрелков и спешенная сотня под начальством штаб-ротмистра Цедерберга опрокинули неприятеля и обратили его в полное бегство.

Поздним вечером бой прекратился и наш отряд отошёл в Саймадзы, оставив на перевалах охраняющие части.

В деле этом были ранены подполковник Ромейко-Гурко и подьесаул Гофман, контужены подполковник Яковлев, есаул Нератов, подьесаул Николаев, подпоручик Шидловский и 53 нижних чина.

Убитых офицеров не было.

Нижних чинов убито 43.

С 12 июня японцы стали наступать по ляоянской дороге против отряда генерала Ренненкампа и 13 заняли Саймадзы.

14 июня у Сеньючена между нашей конни-

цей и передовыми отрядами японцев завязался горячий бой, после которого, японцы обстреливали санитарный поезд в пяти верстах от Сеньючена.

Я виделся с поручиком Завадским, бывшим на этом поезде машинистом.

Бравый офицер уже не раз ставится судьбою в рискованные, чтобы не сказать более, положения.

Он же вёл поезд, на котором подполковник Спиридонов провёз артиллерийские снаряды в Порт-Артур по линии железной дороги, занятой японцами.

— Это первый случай, — сказал он мне, — чтобы японцы стреляли в санитарный поезд артиллерийскими снарядами... Ружейным огнём они обстреливают их довольно часто... Но это пустяки... Нижние части вагонов бронированы, а пули именно летят по низу... Со шрапнелями и гранатами вопрос другой... Попади одна из них в паровоз, и весь поезд был бы взорван... Я дал, когда сёстры собрали раненых, задний ход и пустил скоростью семьдесят вёрст в час... Снаряды и пули так и осыпали его с обеих сторон... Моя будка качалась

из стороны в сторону, свисток попортился и всё время протяжно и заунывно гудел...

— Ваши личные впечатления?

— Как вам сказать? В них трудно разобраться... После того, как всё кончится, кажется, что пережил какие-то очень тяжёлые, но трудноуловимые мгновения... Я помню только, что у меня было ощущение игрока в азартную и большую игру, когда ставка составляет крупный куш, когда поставлены последние деньги и он думает: «дана» или «бита». Тоже думал и я, следя за падающими снарядами. «Куда попадёт?» «Пан или пропал?» Слава Богу, оказалось, что карта, на которую была поставлена не только моя жизнь, но и жизнь десятков людей, была «дана».

Всё это мой собеседник рассказывал так безыскусственно просто, как будто дело шло действительно о вчерашней крупной игре в клубе, и ему повезло.

А между чем ставкой в этой игре была жизнь.

Но здесь «жизнь», видимо, попала под общую переоценку ценностей и стоит очень мало.

В цене только «долг».

И надо отдать справедливость офицерам и нижним чинам — этой ценностью, они не поступятся.

За последние дни незначительные, сравнительно, стычки с японцами происходили в окрестностях Далинского перевала, на северной дороге из Сюяна в Гайчжоу и у Сяхотана.

Самое серьёзное нападение японцев 14 июня на войска, отошедшие в Титхе, было отбито со значительным уроном для неприятеля.

Вчера и сегодня никаких известий с передовых позиций нет, хотя в то время, когда я пишу эти строки в Ляояне, до меня доносится гул артиллерийских снарядов.

Новое ли это дело, или же учебная стрельба нашей артиллерии — неизвестно!

Многие офицеры утверждают последнее, по характеру доносящихся залпов.

Кто знает?

XVII

Осторожность японцев

Китайцы служат японцам, особенно хунхузы, которых они организовали в правильные шайки... Они шныряют повсюду, у деревни Саймадзы, например, их масса... Какою воровскою успели влезть японцы в сердце китайцев — неизвестно... Несомненно одно, что они, не тратя на них безумных денег, как мы, умеют с ними обращаться и достигают лучших результатов. Оно и понятно. Тут главную роль, конечно, играет родственность рас.

Заговорив о организации, нельзя не отметить, что наряду с прекрасно поставленной в нынешнюю войну санитарной частью, о чём я уже писал, образцово организована и та часть, которая была «притчей во языцах» в минувшие войны — интендантская.

Учреждённые не так давно в Петербурге интендантские курсы дали уже комплект знающих офицеров, и армия на театре русско-японской войны делают все закупки сама.

Продовольствие армий обеспечено надолго.

го вперёд.

Сегодня разговорился с офицером из отряда генерала Самсонова — очевидцем и участником боя под Сеньюченом 14 июня.

Мой собеседник восторженно отзывается о командирах участвовавших в бою частей пограничной стражи и пехоты: полковнике Чевякинском, ротмистрах Вестермарке и Якимовском.

Во время этого дела был убит штаб-ротмистр гродненского гусарского полка Третьяков, известный московский спортсмен, неизвестный и в Петербурге.

Покойный вместе со своим вестовым отправился на разведку в близлежащую деревню и наткнулся, единственно по своей близорукости, на отряд японцев.

— Назад, ваше благородие, — крикнул вестовой, тоже гусар гродненского полка, прибывший вместе со своим офицером в действующую армию по их собственному желанию.

Они повернули, но японцы дали по ним залп.

Вестовой был тяжело ранен, но усидел на седле, а Третьков упал, как утверждает весто-

вой, — поражённый насмерть.

Вестовой его умер от ран, рассказавши подробности рокового случая со штаб-ротмистром.

Интересен, достоин исторического увековечения был эпизод доклада бравого корнета Мейера генералу Самсонову о ходе дела уже после сражения, которое продолжалось около четырёх часов.

Сделав обстоятельное объяснение всех мельчайших деталей боя, корнет Мейер закончил свой доклад словами:

— Честь имею доложить вашему превосходительству, что я ранен двумя пулями...

Он покачнулся на седле и без чувств упал на руки подхвативших его нижних чинов.

Как это величественно просто!

По счастью, говорят, раны этого доблестного офицера не опасны.

Обморок произошёл лишь от сильной потери крови.

Шедший в течении пяти дней непрерывный ливень должен был временно приостановить военные действия, испортив дороги, превратив маленькие горные речки в бурные

потоки и образовав в долинах гор глубокие озёра и затруднив передвижение войск.

Так и случилось.

Двухдневный перерыв, когда снова блестяло и жгло южно-маньчжурское солнце, не поправил дела, дав лишь возможность подневольным обитателям Ляояна пробираться среди грязи по просохшим тропочкам.

Аборигены, т. е. китайцы продолжают шагать по самым жидко-грязным местам с таким выражением на лице, как будто это доставляет им большое удовольствие.

Грязь — это пятая китайская стихия и, как кажется, самая любимая подданными Небесной империи.

Сегодня снова с утра дождливо при 20 градусах по Цельсию.

На юге и востоке происходят незначительные стычки передовых отрядов.

Стычки эти интересны как маленькие, но красноречивые иллюстрации японской тактики и знания ими в совершенстве условий местности, где они воюют.

Вообще тактика японцев построена, кроме различных хитроумных комбинаций, на их

национальной игре, называемой «джиу-джитсу», в которой слабый должен победить сильного.

Это достигается путём изворотливости со стороны слабого, который должен утомить, обессилить сильного, и таким образом, сохранив свои силы, одержать над ним верх.

По отзывам всех участвовавших в делах офицеров, этот принцип игры «джиу-джитсу», что собственно в переводе значит «осторожность», японцы применяют всегда и везде.

Они никогда не берут позиций с боя, а занимают лишь оставленные нами позиции и то с большими предосторожностями.

Сначала ими посылаются китайцы, которые обшаривают по кустам и затем доносят японцам, которые высылают несколько человек разведчиков и, уже только убедившись, что позиция свободна, двигаются к ней и занимают её всем отрядом.

— Но причём же тут китайцы, подданные нейтрального государства? — спросил я.

Мой собеседник улыбнулся.

— Китайцы, во-первых, у японцев на служ-

бе, а во-вторых, всё местное население обязательно содействовать им под угрозой «кантами», т. е. лишения головы. И они служат им верой и правдой. Такой уже народ, их не проймёшь гуманным обращением...

Японцы их держат в струне, а нам за добро они платят злом...

В заключение несколько слов по поводу войска, пронёсшего на себе все тягости китайского похода 1900 года, и теперь выносящего на своих плечах тяжёлое бремя войны.

Это войско — забайкальские казаки, все поголовно от старого до малого находящиеся в действующей армии.

Они бросили свои дома, свои семьи и пошли на защиту царя и отечества.

Было бы далеко не лишним со стороны русских людей придти к ним на помощь...

О них просто забыли.

Я уверен, что это напоминание не пройдёт бесследно, и к многочисленным подпискам, которыми истиннорусские люди жертвуют свои щедрые лепты на нужды, вызванные военным временем, прибавится ещё одна подписка: «в пользу семейств забайкальских ка-

заков».

Это будет более чем справедливо!

Посетил оставленные японцами позиции и подивился чисто филигранной работой окопов, которые идут в несколько рядов, один выше другого, с проложенной извивающейся тропинкой, где солдат, идя во весь рост, находится всё-таки под прикрытием от пуль.

Через протекающий ручеёк сделан изящный мостик в японском вкусе.

Всё вместе напоминает театральную декорацию.

Великие мастаки японцы на мелкие дела!

Они предусматривают все мелочи и тратят, видимо, время на многое совершенно излишнее в военное время, чем и объясняется сравнительная медленность их движения.

— Будь они действительно так искусны в военном деле, — сказал мне на днях один почтенный генерал, — они бы давно уже были у Харбина, и мы не сидели бы с вами здесь в ляоянском саду.

— Но они близко отсюда...

— Недалеко, в тридцати верстах всего, но ввиду дождей их задерживает разлившаяся

река Тайцзыхе, по которой нет броду и которой течение так быстро, что нельзя устроить понтонного моста... Его снесёт.

Последние два дня в Ляояне распространился слух, что будто бы японцы обходят наш тыл и идут на Мукден.

Многие трусливые люди собирались даже уезжать в Харбин, а иные даже это и сделали.

Слух этот и теперь передаётся из уст в уста, и даже определяется число идущих на Мукден японцев — 20.000.

Конечно, это явная нелепость, и японцы слишком осторожны, чтобы решиться на такой губительный для такого немногочисленного корпуса шаг.

Это значит отдать его бесцельно на жертву.

Все это понимают, но почти все верят кем-то пущенной нелепой сказке, и она волнует город.

— Мы будем отрезаны... Появятся хунхузы, восстанут китайцы... — рисуют себе мирные жители разные страхи.

Всё это объясняется нервным напряжённым состоянием военного времени.

О хунхузах, между тем, и слыхом не слышать, китайцы мирно купаются в грязи, напрягая все усилия своего китайского ума исключительно на придумывание способов содрать с тароватых русских втрое, вчетверо, вдесятеро дороже за продаваемую вещь или тот или другой товар... Не уступают им в этом стремлении и другие собравшийся сюда, как вороны на падаль, тёмный люд, греки, грузины, армяне, пооткрывавшие здесь разные вертепы под громким прозвищем гостиниц «Париж», «Интернациональ», «Полтава» и проч.

Да не подумает дорогой читатель, что эти гостиницы имеют какое-либо даже отдалённое сходство не только с европейскими, но и с постоянными дворами захолустных уездных городов.

Даже последние перед ним дворцы.

Это те же китайские «фанзы», из которых лицевая — отведена под ресторан, а надворные разделены дощатыми перегородками на клетушки, именуемые номерами.

Стены такого номера или выбелены извёсткой или оклеены грошовыми обоями.

Вход в каждый номер в дверь со двора, полного разной грязи и навоза, двора, исполняющего роль и отхожего места.

На дворе около стоящих лошадей копошатся вонючие китайцы.

Можете вообразить, какой здесь воздух!

И за такой номер взимается от 4 до 7 рублей в сутки.

Гостиницы эти помещаются в самом городе и около города и в пригороде, лежащем между станцией Ляоян, вокруг которой расположен железнодорожный и военный посёлок, и самим городом.

В городе и пригороде страшная вонь и неопрятность.

То и дело попадаются голые до пояса китайцы, ищущие в своих далеко не первой свежести рубашках беспокоящих их насекомых.

Бегут потные, за версту пахнувшие отвратительной смесью черемши, бобового масла и пота рикши.

Тянутся, еле выворачивая колесо из грязи, тяжёлые арбы, запряжённые волами или мулами, обыкновенно тремя или пятью, причём впереди идёт один, а сзади запряжена пара

или две пары животных, смотря по количеству груза, положенного в арбу.

Первый, видимо, исполняет должность коренника.

На этих арбах идёт подвоз припасов к армии.

Китайцы погоняют животных резким неприятным криком: «ую, ую!»

Тут же то и дело бредут группами наши солдатики.

Иногда встретишь их идущими походным порядком на этап.

Вновь прибывшие дивятся диковиной стране и диковинным людям, бывалые объясняют им.

— С косами, словно девки... — ухмыляется молодой солдатик.

— Такая уж их амуниция... — поясняет более старший.

— Глянь, как по грязи-то шныряют, ровно журавль по болоту...

— Вырос, значит, в грязи, ему и сподручно...

А дождь всё льёт и льёт, мелкий тёплый, раза два-три в день превращающийся в до-

вольно продолжительный ливень.

Каково там, на позициях?

— Но всё же дождь нашему солдатику ни-почём, вот японцу так зарез... — говорят вернувшиеся с позиций.

— Что русскому здорово, то японцу смерть! — замечают на это.

И действительно низкорослые, слабосильные японцы тонут десятками, если не сотнями в канавах и рвах, переполнившихся дождевой водой.

— Он и сапог-то носить не умеет... — замечает солдат, — больше за спиной их носит, а сам щеголяет на соломенной подошве с завязочками, или же на деревянных ходульках... По горам в них, говорят, ему способно, ну а в грязь — пропадай...

И это действительно так.

Когда несколько лет тому назад в Японии, охваченной духом милитаризма, хотели провести закон о сокращении срока военной службы, дабы иметь большее количество запасных, против этого восстали офицеры и европейские инструктора.

— Помилуйте, их с год надо только обучать

ходить в сапогах...

И эта наука, видимо, им не далась.

На театре военных действий пока тихо.

Дождь, хоть и тёплый, но охладил страсти.

Там и сям происходят лёгкие стычки, но они в счёт не идут, хотя японцам в них сильно достаётся.

Непрестанно настойчиво и усердно бьёт их доблестный генерал Мищенко со своими конными батареями.

Особенно отличился за последнее время взвод конной батареи в бою под Сахотаном.

Наши потери в отряде генерала Мищенко не превышают 50 человек, у японцев убито 600 человек.

И потери японцев почти всегда можно исчислять в такой пропорции сравнительно с нашими.

По словам знатока в военном деле, в настоящее время окончился первый, так сказать подготовительный период войны, период наших тактических отступлений и, надо сознаться, некоторых неудач.

После окончания дождей начнётся второй период — период наступления.

А пока — антракт.

Упомянув о генерале Мищенко, нельзя не отметить того общего о нём среди офицеров мнения, как об одном из выдающихся стратегов нашего времени.

— Он до точности изучил японцев, — говорил мне один из них, — он безошибочно вперёд указывает места, которые они займут на позиции, а также и те места, на которые они отойдут после боя. И всё предсказанное генералом исполняется как по писанному.

С большим и вполне искренним уважением отзываются также о генерале графе Келлере.

Во главе этих и других, выделившихся в настоящую войну вождей, конечно, стоит командующий армией, А. Н. Куропаткин, которого армия, как один человек, любит и в которого верит.

Это последнее чувство даёт большой импульс к бодрому перенесению невзгод военного времени и к уверенному светлому взгляду в будущее.

— Мы ведём очень трудную войну, — сказало мне лицо, близко стоящее к высшим во-

енным сферам.

— Почему вы считаете её очень трудной?

— Главным образом потому, что нам приходится вести её на территории с населением в большинстве не таким, на которое мы могли бы положиться. Кто поручится, что среди шатающихся по линиям железных дорог, на станциях китайцев, нет готовых продать нас японцам. Никто! Большинство китайцев под нашу руку совершают грабежи и этим возбуждают против нас мирное население. Для примера вот случай, о котором мне рассказал только что приехавший из передового отряда офицер.

«Пришли мы, — говорил он мне, — в одну деревню, стали искать по обыкновению спрятанные запасы; знаем, что китайцы зарывают их в земляной пол своих фанз. Вошли в одну из них. Казаки стали щупать ногами пол. В некоторых местах пол оказался рыхлым. Стали рыть и нашли несколько ящиков с женской, богато вышитой одеждой, а также и зерновой хлеб. Хлеб взяли, а остальные ящики, конечно, оставили, не тронув ничего. Позвали стариков, стороживших оставленную жи-

телями деревню, заплатили щедро за хлеб и ушли. Случайно через несколько часов нам пришлось вернуться в ту же деревню; поглядели — ящиков и след простыл. Ясно, что стащили те же старики-китайцы, обыкновенно самые отчаянные, оставленные сторожить деревню, а хозяевам скажут, что ограбили русские. И им поверят. Таким способом растёт неприязненное к нам чувство, подогреваемое ещё рассказами японцев».

А японцы клеветать мастера. Они, впрочем, считают на войне все средства позволительными.

Взять бы хоть фальшивые русские кредитные билеты.

На улицах Ляояна, для предупреждения населения, выставлены в рамках за стеклом фальшивые рубли, которые японцы ещё перед войной с Россией выпустили в большом количестве в Маньчжурии.

Кредитные рубли, надо отдать справедливость, подделаны очень тщательно.

Они гуляют по Маньчжурии, и я не поручусь, что и у меня в бумажнике нет рубля японского производства.

XVIII

Японские планы

Японцы отступают.

Отступление их идёт медленно, видимо систематически.

Нашей разведкой установлено, что 19 июня на южном фронте нашей армии японцы отошли на линию Хаофан-Бацзядзы-Ванфангоу, селение, находящееся в 44 верстах на северо-восток от Сеньючена.

20 июня, в 3 часа дня произошёл бой между конным отрядом генерала Самсонова, двинувшегося из Сямадзы к Баосидзаю, и передовыми отрядами японцев.

Встреча произошла к северо-западу от Дуншхецзы.

Грозную картину представляла наша конная батарея, въехавшая галопом, в идеальном смотровом порядке, на позицию у Баосичжая.

Въезд батареи прикрывали спешенные драгуны и пограничники под огнём неприятельских пулемётов, т. е. прямо под свинцовым дождём.

Но вот зарокотали наши орудия, и японцы быстро отчистили свои позиции и в беспорядке, почти в бегстве отступили к Сеньючену.

Генерал Самсонов приказал преследовать противника, что наша доблестная конница и исполнила на протяжении шести вёрст до позиции, оказавшейся сильно укреплённой.

Эта позиция находится на север от Сеньючена.

В других пунктах расположения наших и японских войск происходили за это время незначительные стычки, причём наши потери сравнительно с потерями противника ничтожны.

Любопытно, что потери японцев даже в незначительных стычках почти вдвое, а иногда и более превышают наши потери.

Тройная разведка, сделанная нами по направлению на Далинский перевал, а именно на Тоначау, Сяокушан и Ленафан дала хороший результат.

Оказалось, что японцы под огнём охотничьей команды 5 стрелковой дивизии отступили с довольно значительными потерями.

Кроме того охотники обнаружили с высо-

ты Танваншина, что Далинский перевал противником укрепляется.

Но это было 20 июня.

В настоящее же время, как слышно, японцы отступили от этого перевала, не окончив работ по укреплению.

Медлительность действий врага указывает на сознаваемую им его слабость, несмотря на те успехи, увеличенные призрачно национального самолюбия, о которых кричат на все лады японские американские и английские газеты.

Высшие военные сферы высказывают мнение, что они могли бы повести кампанию более умело и успешно, пользуясь превосходством своих сил, привычкой к гористой местности и знанием условий местного быта, но теперь время ими упущено, наши силы увеличиваются с каждым днём, и положение их далеко не из завидных.

С фронта перед ними стоит огромная русская армия, с тыла, в Корее и по Ялу их должны очень и очень озабочивать наши довольно крупные разъезды и самое настроение корейского населения.

Желание японцев во что бы то ни стало взять Порт-Артур становится тоже всё менее и менее осуществимым.

Собственно говоря, они очень хорошо знают сами, что со взятием Порт-Артура их положение не изменится к лучшему, но спят и видят получить это, так сказать, чисто нравственное удовлетворение.

Это будет действительно победа, не чета бывшим до сих пор или, лучше сказать, названным таковыми.

Поэтому они и не щадят ни снарядов, ни людей, громя неприступные твердыни этой лучшей в мире крепости и взводя вокруг неё целые валы из мёртвых тел.

Но победа эта им не даётся.

Это общее мнение.

Слух о том, что японцы идут на Ляоян, распространившийся по городу и упорно державшийся в нём несколько дней, оказалось, имел свои основания.

Японский генерал Куроки, поддаваясь давлению из Токио, был действительно намерен идти на этот «город бога войны», но в конце концов на это не решился.

А быть может его остановило сильное разлитие реки Тайцзыхе, на которой стоит Ляоян.

Словом, по тем или другим причинам, но поход, на Ляоян отложен, и в этом случае даже нельзя сказать словами русской пословицы: «что отложено, то не потеряно».

Потеряно время, упущен случай, и ляоянцы могут быть покойны.

Болото несколько просыхает.

Два дня стоят невыносимые жары.

Старожилы, впрочем, говорят, что они ещё увеличатся.

Интересно полученное в отряде генерала Мищенко письмо офицера, попавшего в плен японцам.

Этот офицер, штабс-капитан Святополк-Мирский, прикомандированный к 1 чинтинскому казачьему полку, раненый в кисть левой руки во время японских событий, был послан генералом Мищенко, действующим в так называемом, восточном отряде, на разведки в тыл неприятеля с одним казаком.

Блестяще исполняя свою миссию и искусно лавируя среди японцев, сторожевое охра-

нение которых устроено по последнему слову военной науки, в шахматном порядке, он всё же не избег плена, был окружён и принуждён сдать.

Его привезли к генералу Куроки, главная квартира которого была в Фынхуанчене.

Японский генерал по длинной бороде Святополк-Мирского принял его, видимо, за «большого капитана», пригласил его к себе и стал расспрашивать, начав, по восточному обыкновению издалека, стараясь сказать побольше слов и поменьше дела, но при этом выпытать у собеседника всё, что ему надо.

Но Святополк-Мирский, по его словам, был настороже, и генералу Куроки немного пришлось услышать от него правды.

Он передаёт в письме всё, что сказал ему японский командующий армией, но и в этих японских откровенностях, думается нам, не надо искать истины.

— Напрасно русские думают, — сказал Куроки, — что мы намерены идти вперёд, мы возьмём Порт-Артур, Инкоу, укрепим их, и тогда пусть они приходят сюда. Если Плевна им стоила ста тысяч жизней, то оба эти пункта

будут стоять в пять раз более...

С Святополк-Мирским, по его словам, обращаются хорошо, но с пленными нижними чинами очень дурно.

Ему очень скучно, и он просит, нельзя ли его выменять.

Из письма, в котором русский офицер подробно останавливается на военно-технических подробностях, видно, что в распоряжении генерала Куроки было в то время 29 полков.

В том же отряде генерала Мищенко и в том же 1 читинском казачьем полку несёт разведочную службу кузен сербского короля Арсений Карагеоргиевич.

Он, видевший на своём веку много европейских армий, участвовавший во многих сражениях, подтверждает тщательность японских сторожевых охранений и их почти непроходимость.

Сегодня в Ляоян привезли первый транспорт раненых под Хаяном, и много пленных японцев, среди которых есть и офицеры.

Самомнение и дерзость последних не имеют границ.

Они заявляют, что намерены отбросить русских за Байкал, так как это по их мнению, единственная допустимая граница России в Азии, и то лишь в силу того, что русские уже 300 лет владеют Сибирью.

Японцы, таким образом, снисходительно оставляют её за Россией.

«Азия для азиатов» — вот их девиз, и им, по их словам, определяется идея настоящей войны.

Бой под Хаяном, где наши войска выказали выдающееся мужество и храбрость и потеряли до 300 человек ранеными и убитыми, окончился однако отступлением от Хаяна, который и занят японцами.

Как говорят, это сделано по стратегическим соображениям, входящим в общий план командующего армией.

Из Хаяна, отстоящего от Ляояна на расстоянии 58 вёрст, японцы двигаются на Ляоян.

Здесь однако пока всё спокойно, несмотря на то, что Ляоян, так сказать, центр китайской вражды к России.

Во время китайских беспорядков он был очагом восстания, здесь был казнён инженер

Верховский, голова которого долго висела в клетке у западных ворот, как раз напротив которых находится кумирня, в которой помещается редакция «Вестник Маньчжурской Армии», и где в фанзах, в которых жили когда-то китайские бонзы, живём и мы.

Здесь по улицам были развешены клетки с головами других казнённых русских людей, и много их в ожидании казни томилось в висячих тюрмах клетках, где не было возможности ни стать, ни лечь.

Теперь вместо русской крови ляоянские китайцы довольствуются русскими деньгами, но опытные люди утверждают, что и до сих пор Ляоян — место тайных заговоров против европейцев, и при первом удобном случае ненависть китайцев к русским, замаскированная теперь кажущейся покорностью, вспыхнет.

Эти, такие на вид добродушные «китаёзы», в душе «дикие звери», довольно изобретательные в казнях.

Вот, между прочим, одна из таких адских казней.

На теле казнимого делают глубокие, но не

смертельные надрезы, и кладут его на солнце, которое здесь заставляет подниматься термометр до 50° до Цельсию.

На первый взгляд эта казнь непонятна, а между тем, она ужасна.

Под горячими лучами маньчжурского солнца в ранах заводятся черви, которые и съедают человека заживо.

За эти дни, кроме небольших стычек с неприятельскими заставами и разъездами, произошло сравнительно крупное дело в восточном отряде графа Келлера.

Последним была назначена в ночь на 21 июня усиленная разведка на Тхавуан, Чиндяпузу, Лидяпузу и Кимирлю на перевале Соякаолин.

В разведке приняли участие 6 рот 24 полка и 4 роты 10 полка под начальством полковника Лечицкого.

Полковник Гарницкий с 3 ротами 22 полка должен был произвести демонстрацию на Макумензы и обеспечивать отступление Лечицкого по выяснении сил противника.

Вот как рассказывает об этом деле один из участников в нём, поплатившийся лёгкой

контузией.

Была тёмная, непроглядная, маньчжурская ночь.

В четверть второго обе колонны двинулись в путь.

С небольшим через час на перекрёстке дорог на Санкайлин и Лахолин колонна подполковника Гарницкого наткнулась на неприятельскую заставу силою в одну роту, сбила её, частью отбросила, частью переколола.

Колона же полковника Лечицкого одновременно с этим выбила передовые японские посты и подошла к подошве соякалинского перевала.

Японцы, по обыкновению, открыли убийственный огонь пачками.

Наши не отвечали на выстрелы, но твёрдо под огнём шли далее.

Было ещё темно, и вся картина освещалась лишь грозными вспышками неприятельских выстрелов.

Передовые части наших войск бросились в штыки и началась молодецкая работа.

Японцы не выдержали «молодца-штыка» и были быстро выбиты из окопов.

Наши заняли перевал.

Задача была исполнена.

Японцы густыми массами стали наступать на нас с фронта и с флангов, и полковник Лечицкий, контуженный в происшедшем бою, стал отходить согласно первоначально составленному плану.

Колона его, под убийственным огнём неприятеля, стрелявшего с окружающих сопков и соседнего перевала, отошла в образцовом порядке.

Полковник Лечицкий в этом деле проявил необычайное хладнокровие и огромное мужество, всё время оставаясь в цепи и умело руководя отступлением.

Около него были капитан Серебряков и поручик Григорьев, его начальник штаба и адъютант.

Подполковник Гарницкий также блестяще выполнил возложенную на него задачу.

Священники и врачи и в этом деле были на высоте своих задач.

Священник 10 полка о. Ремезов, кроме напутствия умирающих на поле сражения и утешения раненых, сам лично помогал уно-

сить раненых на перевязочные пункты.

Один из раненых — к сожалению, имя этого героя неизвестно — не позволил нести себя.

— Я чувствую, что умираю... Несите других которых можно спасти... Оставьте меня...

Священник и товарищи исполнили его просьбу.

Ему было дано последнее напутствие.

Он действительно вскоре умер, раненый в грудь навывлет, умер с последней заботой о своих товарищах.

Врачи перевязывали раненых на полях битвы и тоже помогали уносить их.

Все раненые подобраны.

И всё это делалось под свинцовым дождём японских пуль.

Раненых и убитых нижних чинов было до 200 человек.

Убитых офицеров ни одного.

Все легкораненые, как это вошло в обычай в нынешнюю войну, после перевязки остаются в строю.

Иных раненых более или менее серьёзно начальство убеждает идти в госпиталь.

— Ослобоните, ваше благородие...

— Но тебе надо залечить рану...

— Заживёт и так, ваше благородие.

— Как знаешь, братец, но мой совет идти в госпиталь.

— Ослобоните, ваше благородие, разрешьте к товарищам, так что я против него ещё постоять могу...

Храброго упрямца, конечно, «ослобоняют» и разрешают «постоять против него».

Обрадованный солдатик, забыв про боль от раны, спешит в часть к товарищам.

Генерал граф Келлер со своим штабом наблюдал бой с Тхавуанской башни.

В японских войсках давно уже свирепствует дизентерия, унося массу жертв, а по последним сведениям в окрестностях Фынхуанчена развивается сильная холера.

Санитарное состояние наших войск превосходно.

Пища здорова и сытна.

Офицеры и солдаты с особенной похвалой отзываются о русских консервах — солдаты зовут их «концертами».

Они далеко превосходят качеством, свежее-

стью и питательностью консервы английского производства, закупленные, к сожалению, в огромной массе.

Много говорят также о новом изобретении доктора М. М. Власевича, изготовляющего так называемое «карманное мясо».

Опыты дали блестящие результаты.

XIX

Японская тактика

Всем начальникам отдельных частей роздана только что отпечатанная брошюрка, знакомящая их с главными основами японской тактики, насколько они выяснились за время настоящей войны.

Эта тактика действительно заслуживает не только внимания, но и тщательного изучения.

В данную же минуту она представляет высокий интерес не только для военных сфер, но и для всех русских, вообще, так как может бросить известный свет на совершающиеся на театре войны события.

Как известно, военная тактика, предусматривает все явления боевой жизни, начиная с похода и кончая охранением тыла армии.

В походе японцы избегают идти ложбинками, а предпочитают горные тропинки, причём горы служат им при этом надёжным прикрытием.

Идут они медленно, что объясняется

непривычкой их ходить обутыми, причём часто сапоги заменяют соломенными сандалиями.

На биваке они принимают особенно строгие меры охранения, расставляя сторожевые посты в шахматном порядке.

К ним нельзя применять пословицы «*A la guerre, comme A la guerre*»[10], так как на биваке у них полный комфорт, прекрасные палатки, плетёные стулья, кресла, походные кровати — всё это, конечно, для офицеров.

Для начальствующих лиц отводятся китайские фанзы, которые быстро оклеиваются обоями и т. д.

Солдатам тоже предоставлены всевозможные в походе удобства.

Всё это им позволяет делать огромный обоз, тянущийся за армией и состоящий из вьючных мулов и кули — корейцев и китайцев — и множество женщин, среди которых преобладают китаянки.

Японский солдат в походе налегке, в руках его винтовка, на нём лишь сумка с патронами, фляга с водой и порция прессованного риса; у каждого есть карта.

Всё остальное в обозе.

Рекогносцировки совершаются смешанными отрядами.

За несколькими конными японцами идёт столько же пехотинцев и, когда передние пускают лошадей рысью, пехотинцы бегут за ними.

Выбрав позиции, японцы действуют с большою осторожностью.

Впереди их идут китайцы, которые вместе с тем несут и шпионскую службу.

Им платят большие деньги, но за каждое недонесение или ложное донесение мгновенно переселяют в тот мир, где «нет ни печали, ни воздыхания»[11].

Китайцы, в совершенстве знающие местность, обшаривают все кустики и, не найдя неприятеля, доносят об этом.

После этого идут передовые разъезды, а затем движется первая линия войска.

Солдаты, придя на позицию, тотчас ложатся и начинают окапываться, и только тогда подходит вся часть.

Я уже писал, как тщательно устраивают японцы свои позиции и как декоративно,

изящно выглядят они.

Сигнализация у них доведена до совершенства.

Говорят, что посредством костров.

На сопках вырываются две-три ямы, обкладываются камнями, и в них кладётся гаоляновая солома, которая держит жар сильнее каменного угля.

В случае надобности солома поджигается и даёт густой дым.

Условленное число этих дымовых столбов и служит сигналом.

Орудует этими сигналами обыкновенно китаец, который живёт на сопке и получает за это жалование три рубля в месяц, а для самозащиты — револьвер-винтовку системы Маузера.

Для нас он является мирным китайцем, личность и жизнь которого неприкосновенна.

Неприкосновенны и китайцы, бродящие по сопкам и дорогам, около рельсового пути, но ни за одного из них нельзя поручиться, чтобы он не был подкупленным японским шпионом.

В бою японцы держатся германской тактики, т. е. ударяют центром и стараются охватить флангами.

Это, именно, те обходы, один из которых в битве при Вафангоу решил дело несколько иначе, нежели оно могло окончиться.

Следуя неуклонно правилу, что в современных войнах решающую роль играет артиллерия, японцы, главным образом, действуют артиллерийским огнём и пулемётами, которые у них есть при каждой роте, и ружейным огнём на расстоянии.

Таким образом они предпочитают «пулю-дуру», которую однако у них нельзя назвать такою, так как тщательно при походе изучая местность, они мельчайшие её подробности наносят на план, и эти планы служат им для измерения высоты прицела, особенно перед теми позициями, которые они раньше посетили и отошли от них.

Стреляют они очень метко.

Штык-молодец в руках наших солдатиков остаётся молодцом, но японцы редко допускают противника до штыковой работы, хорошо понимая, что против неё они бессильны.

Так под Тюренченом, когда наши бросились в штыки, японцы расступились как Чермное море перед евреями, а резервы встретили наших храбрецов убийственным огнём.

Там, где работает русский штык, для японцев нет спасения!

Это ещё раз доказало последнее дело под Хаяном.

Резервы у японцев имеются всегда в достаточном количестве, и тыл армии тщательно обеспечен.

Прибавьте ко всему этому азиатскую хитрость, наблюдательность и предусмотрительность до ничтожных мелочей, которые часто во время войны играют крупную роль, и вы должны будете признаться, что Россия имеет в японцах недюжинных и достойных её противников.

Это общее мнение военных корифеев.

Об отношениях японцев к китайцам я уже упоминал.

Замечу лишь, что они не грабят их фанз, не трогают их хозяйства и полей, но за известную плату и под угрозой смерти за ослу-

шание, китайцы обязаны доставлять им всё, начиная с провианта и кончая потребным количеством «кули» и женщин.

И китайцы охотно исполняют это, несмотря на то, что дорого японцы платят только шпионам, а в общем весьма часто случается, расплачиваются квитанциями за счёт будущей «русской контрибуции» (!?!?).

Довольно призрачная плата.

Но китаец прежде всего и даже, если хотите, охотнее всего подчиняется силе.

Он прирождённый раб, быть может, в силу своего государственного устройства.

Жажда наживы, тоже всосавшаяся ему в плоть и кровь, заставляет его проявлять только кажущееся подчинение, а добродушное, ласковое отношение делает его наглым.

И то, и другое явилось результатом щедрости и добродушие русских людей.

Сколько бы русский ни дал китайцу за услугу или за продаваемый товар, он услышит непременно.

— Мало, мало...

Наглость китайцев относительно русских здесь может быть иллюстрирована на каж-

дом шагу.

Ни один самый оборванный и грязный китаец, попадающийся вам на встречу на улице, не посторонится и не даст вам дороги, если вы не поднимите палки или не сделаете угрожающего жеста.

Не далее, как на днях в Ляояне, я сижу у себя в фанзе и пишу.

Дверь открыта для воздуха.

Вдруг в неё влезает оборванный полуголый китаец, смотрит на меня с наглой улыбкой и, держа в одной руке папиросу, другую протягивает ко мне.

— Ичку... — грубым тоном говорит он.

— Что такое, — не понимаю я.

— Ичку... — повторяет китаец и жестом указывает на свою папиросу.

Я понял тогда, что он явился ко мне за спичкой, схватил лежащий на моём столе хлыст и замахнулся.

Китаец преобразился, как-то особенно почтительно пригнулся и быстро исчез.

Я посвящаю эти строки «китаефилам».

На южном фронте нашей армии с 21 до 26 июня произошли следующие военные дей-

ствия.

К востоку от реки Ляохе все перевалы заняты противником, главные силы которого сосредоточены у Фандяпуцзы.

Так показывают лазутчики.

Генерал Ренненкампф 21 июня выступил с 3 сотнями из Сяосыра к Саймацзы в тыл противника.

Передовые части последнего были оттеснены и к полудню, 22 июня, наш отряд занял перевал Сычоулин.

После полудня противник получил подкрепление и перешёл в наступление, что заставило наш отряд отойти на север от перевала.

У нас 3 казака ранены и один убит.

Японцы оставили в наших руках много трупов убитых японцев и одного пленного.

Генерал Ренненкампф отошёл к Сяосыру.

Таково, как мне удалось узнать из официальных источников, положение в настоящее время театра военных действий.

Близость японцев к Ляояну нельзя сказать, чтобы не продолжала тревожить его русского населения, хотя тревога эта, говорят, напрас-

на.

Нахождение командующего армией в Дашичао доказывает неосновательность всё ещё идущих здесь толков о возможности занятия японцами Ляояна.

А впрочем, кто знает?

Это, во всяком случае, было бы печально, если не с военно-статистической, то с эгоистической точки зрения.

Здесь все имеют своё *piéd-à-terre*[12], да Ляоян всё же считается самым чистым городом в Маньчжурии.

Эта репутация не мешает ему быть всё-таки очень грязным и полным всякой нечисти.

В китайских фанзах, где волей неволей приходится жить, множество всевозможных насекомых и гадов: тарантулы, сколопендры и т. п.

Моя левая рука, несмотря на все принятые мною предосторожности, вся искусана.

Небезопасно, в этом смысле, и вне фанз.

Не далее, как вчера, со мной и известным героем китайской войны 1900 года и военным писателем Ю. Л. Ельцом произошёл следующий, чуть не окончившийся печально для од-

ного из нас случай.

Мы в третьем часу дня вошли в Ляоянский сад, где кормят скверными, но всё же лучшими здесь обедами.

При входе в сад растёт целый ряд густых кустов.

Из-под одного-то из них совершенно неожиданно для нас поднялась большая, почти двухаршинная змея, блестящая на солнце яркой зеленовато-серой чешуёй и с высу-нутым жалом бросилась в нашу сторону.

Всё это было дело секунды, но Ю. Л. Елец не растерялся и, быстро выхватив пашку, моментально отрубил голову ядовитой гадине, а затем разрубил пополам и её извивавшееся тело.

Таким образом он спас жизнь, мою или свою, неизвестно, так как укус этой породы китайских змей, по отзывам китайцев, считается смертельным.

Признаюсь, я пережил скверную минуту, гораздо худшую чем на передовых позициях, куда и думаю снова выехать.

В военно-хозяйственных сферах заспешили с вопросом о «карманном мясе» д-ра Власе-

вича.

Об этом мясе я уже писал.

Как слышно, он вскоре приступит к его заготовке в больших размерах.

В настоящее время солдат несёт на себе запас сухарей на несколько дней.

Каждый поймёт, что сухари могут утолить голод в случае лишь крайности, но если питаться исключительно ими в течение более или менее продолжительного времени, то нетрудно, с одной стороны, нажать катар желудка и затем подорвать общее питание, а отсюда один шаг до тифов и всяких других различных заболеваний.

Ввиду этого обстоятельства весьма желательно снабдить его на более продолжительный срок здоровой и питательной пищей.

Раз есть возможность снабдить его мясом, то во избежание перегрузки, можно ему уменьшить количество полагающихся сухарей.

В высших военных сферах до сих пор господствует уверенность, что японцы сумели сохранить свою операционную линию в Корее, куда и отступят своевременно и откуда

их придётся выбивать шаг за шагом.

При таких обстоятельствах вопрос о продовольствии войск приобретает действительно первенствующее значение.

XX

В отряде графа Келлера

Великолепное впечатление выносится из поездки на передовые позиции в наступившие после нескольких дней ливня ясные дни.

Днём очень жарко, но вечера прохладны и положительно великолепны.

Но и ляоянская невыносимая жара умеряется, когда вы выедете за город и углубитесь в «сопки».

Так называются по-маньчжурски горы, хотя они далеко не представляют из себя действительных сопок, т. е. потухших вулканов.

Их вершины теперь действительно часто дымятся, но это, как я уже писал, дым сигналов, подаваемых японцам услужливыми китайцами.

Среди гор прелестные долины, то и дело пересекаемые светлыми как кристалл речками, видимо ручейками и лишь от дождей сделавшимися полноводными.

Воздух чистый и свежий.

Едешь лёгкой рысцой и, увлекаясь окружа-

ющими тебя картинами природы, положительно забываешь, что на сопке или при повороте может пред тобой вырасти хунхуз или японец и пустить в тебя пулю.

Но, заподозрит читатель в преувеличении, разве японцы так близко от Ляояна?

На это я могу ответить категорически:

Да, близко, их разъезды встречаются верстах в двадцати от города.

Но не об этом речь.

Я только хотел этим сказать, что для штатских путников такой сюрприз, как встреча с японцем или хунхузом, в этих местах возможна.

Отряд генерала графа Келлера расположен в 50–60 верстах от Ляояна на восток.

Далее идут передовые позиции, находящиеся всего в двух верстах от позиций японских.

В бинокль ясно видно, как движутся их маленькие и тоненькие фигурки, иные, придерживая свои шашки или сабли, видимо офицеры — перебегают из фанзы в фанзу.

Японцы расположились в китайской деревне и растянулись по сопкам.

Наши тоже имеют позицию на горах.

Спустился мрак — здесь темнеет быстро, довольно рано и как-то сразу.

Зажглись на биваках костры.

И вдруг послышалось стройное пение.

Огромный колоссальный хор пел сперва «Святой Боже», затем: «Спаси Господи, люди Твоя» и потом «Отче наш».

Это солдаты пели молитвы перед сном.

Соседние горы гулким эхом повторяли это пение, и оно как бы широкой волной охватывало неизмеримое пространство, достигая, конечно, до ушей японцев.

— Какое, — думаю я, — впечатление производит оно на них?..

— Никакого! — быть может, скажут мне.

Я не поверю этому.

Слишком сильно, слишком торжественно это пение сотен грудей, чтобы не подчинить себе всякого, кто имеет уши, чтобы слышать.

Я был буквально растроган, и слёзы как-то сами собою брызнули из моих глаз.

Кульминационный пункт нервного раздражения.

Но была картина ранним утром, которая уже окончательно потрясла меня.

Два полка шли на передовые позиции.

Перед отходом служили молебен и кропили святою водою.

И вот во время этого-то молебна вдруг из тысячей грудей понеслось пение: «Спаси, Господи, люди Твоя!», и все головы обнажились, точно фуражки с двух полков были сорваны ветром.

Держа ружья наклонёнными к левой руке, солдаты молились.

А эхо гор вторило этой молитве, и она, казалось, неслась в вышину, к небу.

И несомненно донеслась, и солдаты с ружьями на плечах стройными рядами двинулись в поход, освещённые лучами яркого солнца, игравшими на остриях штыков.

— С Богом, братцы! — невольно вырвалось у каждого, наблюдавшего эту поразительную по своему величию картину.

В отряде генерала графа Келлера ещё свежо впечатление дела 21 мая под Хаяном.

Это было молодецкое дело.

Тёмною ночью отряд в четыре тысячи человек под начальством подполковников Леичицкого и Горского тихо пошёл на передовой

отряд противника.

Его заметили и открыли по нем огонь, но наши солдатики продолжали идти под выстрелами и наконец молча без криков «ура» — так было приказано — бросились в штыки.

Две роты японцев были уничтожены, до двухсот японцев взяты в плен, лишь незначительная часть, считаемая единицами, спаслась бегством под покровом ночи.

Но в увлечении боя наши двигались всё вперёд и вперёд, и к рассвету очутились перед целой дивизией неприятеля.

Пришлось отходить, но отходить лощиной, под убийственным огнём с гор.

Несмотря на такое, более чем критическое положение, наши батальоны отошли в порядке, имея, сравнительно с их положением, незначительные потери.

Многие довольно серьёзно раненые остались в строю.

Так один офицер, получивший две пулевых раны в левую кисть руки, навывлет, сам перевязал себе рану и не только остался при своей части, но и после окончания дела не по-

желал идти на перевязку, что обыкновенно сопряжено всё же с некоторым служебным отличием.

— Стоит ли из-за царапины! — говорил он и говорил без всякого признака рисовки.

Его скромность, скромность героя, не позволяет мне назвать его фамилию.

Я дал ему в этом слово.

По мнению графа Келлера, бой под Хаяном имел огромное значение для выяснения способа борьбы с противников.

По предположению генерала в первых числах июля должно произойти решительное сражение.

Высказывается мнение, которое имеет не мало сторонников, что наши передовые, как южные, так и восточные отряды, имеют дело не с армией Куроки и Оку, которые сосредоточены у Фынхуанчена и Порт-Артура, а с территориальной армией — армии же генерала Нотсу вовсе не существует, и он сам утонул.

Последнее известие здесь циркулирует уж давно.

Как подтверждение этого мнения указывается на то, что японская армия, особенно со-

стоящая против восточного отряда, вооружена совершенно иначе, чем главные армии японцев; вынимаемые у наших раненых пули оказываются не в никелевой, а медной оправе и большего калибра, нежели пули винтовок.

Раны от них очень болезненны и больших размеров.

Кроме того, как говорят, констатировано несколько случаев стрельбы пулями с обрезанными конусами.

Такие пули, как известно, разрываются, и раны от них в большинстве случаев смертельны.

У убитых и раненых в карманах находят пилюли красного цвета.

Иные уверяют, что это средство от дизентерии, свирепствующей в японских войсках, а иные, что это род «допинга».

Интересно бы было произвести анализ этих пилюль.

В Лаояне в бараках «Красного креста» лежит раненый пленный японский офицер.

Я пробовал его интервьюировать с помощью переводчика, но он упорно ничего не от-

вечал на мои вопросы и только любезно улыбался.

По сообщению его соседей, он вообще говорит мало и лишь раз высказал своё желание побывать в Москве и в Петербурге.

В отряде генерала Мищенко захвачена японская повозка с тюками прокламаций, напечатанных по-русски в Токио и обращённых к нашим солдатам.

В них японцы убеждают солдат сдаваться в плен и даже переходить на их сторону, обещая за это великие и богатые милости.

Как наивность!

Жаль даже, что эти вздорные бумажонки не попали в руки нашим солдатам — они сумели бы употребить их на «цигарки» и на... другие надобности.

XXI

Математическая стрельба

В долине реки Ляохе 24 июня против отряда генерала Ренненкампа, занимавшего Сяосыр, японцы начали наступление незначительными силами.

Генерал Ренненкампа остался в Сяосыре для производства разведок сил и намерений противника.

24 июня против отряда полковника Мадритова 2 роты и один эскадрон японцев заняли Цзяолин.

Наши охотничьи команды отошли на 10 вёрст к северу.

29 июня произошёл ожесточённый бой в горах близ Дашичао.

Наши войска вели себя изумительно, многие легкораненные офицеры и солдаты оставались в строю даже после вторичного поражения.

После боя, продолжавшегося несколько часов, японцы принуждены были отступить, потеряв убитыми и ранеными, как говорят, до

8.000 человек.

Мы тоже отошли к Дашичао, откуда все обозы уже отправлены в Хайчен, куда должны отойти наши войска и где ожидается решительное сражение, если только японцы пойдут далее; пока они укрепляются у Гайчжоу.

Наши потери ещё не приведены в известность, но тоже, как слышно, значительны, хотя, конечно, меньше японских.

Позиции у Хайчена, которые мы займём, представляют из себя равнину.

Сопки и холмы оканчиваются у Дашичао.

Нашим доблестным войскам, всё получающим и получающим подкрепления из России, будет где разгуляться и показать врагу силу русского оружия.

Предстоит настоящее сражение, грудь с грудью, а не «математическая война», как остроумно назвал войну, которую с нами ведут японцы, один молодой генерал.

— Почему вы называете её «математической»? — спросил я.

— Как, разве вы не знаете, что они как свои пять пальцев знают местность, разделя-

ют её на плане на квадраты, и жарят пулями и снарядами по прицелу на известное расстояние по этим квадратам. Математики, а не воины...

Действительно «математики», но видимо начинается поворот, и они скоро совершенно собьются в своих счётах и расчётах.

Из уст в уста передаётся «крылатое слово» командующего армией А. Н. Куропаткина.

Прочитав в одной из иностранных газет, что японцы, находя, что война затягивается, надеются, что державы своим вмешательством принудят Россию заключить с ними, как с победителями, почётный мир, заметил, улыбаясь:

— Странно, а по моему мнению, война ещё не начиналась...

Если вдуматься глубоко в эти слова и сопоставить их с совершающимися событиями, то придётся признать их справедливость.

Мы до сих пор, выражаясь языком Суворова, «заманиваем» японцев, и хотя бои под Тюренченом и Вафангоу окончились для нас значительными потерями, но ничего не изменили в заранее определённом плане ком-

пании, плане, где всё происшедшее являлось лишь прелюдией войны, а сама «война» должна начаться вскоре, но ещё, действительно, не начиналась.

Пронёсся слух о более чем успешном отбитии штурма японцев от Порт-Артура.

Японцы повели штурм в ночь на 28 июня, думая, что наши этого не ожидают.

Но наши не дремали, подпустили их к линии фугасов.

Последние стали взрываться один за другим.

В это самое время у нас зажглись полевые огни.

Стало светло, как днём. Загремели орудия. Наш флот с моря стал действовать перекидным огнём, и японцы потерпели полное поражение, потеряв 28.000 ранеными и убитыми, т. е. более трети осаждающей армии.

Военные «авторитеты», со многими из них мне удалось побеседовать, считают эту неудачу японцев под Порт-Артуром эпизодом, могущим иметь влияние на весь ход компании.

— Если только это известие верно, — осторожно говорят они, — то это поражение япон-

цев несомненно отразится на всём театре войны, они начнут ещё более поспешно, бросив прикрывающие их действия демонстрации, стягиваться к Фынхуанчену... Порт-Артура им не видать, как своих ушей, а если они не сумеют уйти во время в Корею, то им придётся скоро запросить пардону, и война будет кончена не позднее сентября-октября месяца...

Быть может этот взгляд несколько оптимистичен, но вообще, несомненно, что поражение под Порт-Артуром может во многом изменить характер настоящей войны.

Весь вопрос в том, не преувеличены ли слухи о деле 28 июня.

Но они подтверждаются со всех сторон.

Передают такие подробности, которые поневоле уничтожают сомнения.

Приведу самый полный рассказ о событии, источником которого служат сведения, полученные от русского консула в Чифу.

Так, по крайней мере, говорит рассказчик.

— В ночь на 28 июня японцы решили взять штурмом Порт-Артур. Солдатам выдана была усиленная порция «саки»[13] и «ко-

ки» — возбуждающего вещества, и они двинулись, но в темноте попали в волчьи ямы и в сетки, устроенные перед укреплениями, и в линии фугасов, которые начали взрываться. Русские подпустили их на довольно близкое расстояние и вдруг зажгли полевые огни и осыпали колонны японцев снарядами из орудий.

Японцы смешались и побежали. Генерал Фок преследовал их до станции Наньгуанлин, у которой и занял позиции.

В адской бойне японцев легло более 28.000, а наших 1.800 человек убитыми и ранеными.

Кстати о нашей артиллерии.

В обществе и в печати не раз указывалось будто бы на превосходство японской артиллерии перед нашей.

Оказывается, что это тоже далеко не справедливо.

Я имел по этому поводу беседу с одним из офицеров восточного отряда графа Келлера.

— Я был на самых передовых позициях, — сказал он мне, — и даже к тылу у японцев и наблюдал за действиями нашей артиллерии. Могу сказать положительно, что она не толь-

ко не уступает японской, но и превосходит её. Меткость наших выстрелов поразительна... По третьему прицелу снаряд всегда попадает. Но очень часто попадания совершаются по второму и первому... Японцы между тем, должны пристреляться, чтобы их артиллерия действовала разрушительно... Вся беда в том, что наша артиллерия постоянно занимает одну и ту же позицию, к которой легко пристреляться, а между тем японская быстро переходит с места на место, да и снарядов японцы тратят массы, а у нас в этом случае соблюдается разумная экономия.

— Вы говорите «разумная».

— Непременно, ведь большинство выпускаемых японцами снарядов, несмотря на их пресловутую «математическую» стрельбу, тратятся непроизводительно. Тоже следует сказать и о их ружейном огне. Они не жалеют патронов и во время похода осыпают огнём каждую показавшуюся им подозрительной сопку, каждый кустик, стреляют залпами по одиноким всадникам и пешим, не говоря уже о разъездах в два-три человека, которых буквально засыпают пулями. Надо быть безумца-

ми или иметь неистощимый запас патронов, чтобы делать это.

В ляоянском саду интересная встреча с штабс-капитаном Россовым.

Это знаменитость.

Он прекрасно знает китайский и английский язык, объехал и обошёл весь Китай, был в Японии, где его застала война. Он стал выдавать себя за корреспондента датских газет и успел в конце концов благополучно вернуться в ряды русских войск.

Это очень скромный, почти застенчивый офицер, о себе не говорит ничего.

Как я ни старался навести разговор на его любопытные приключения, все мои попытки оказались безрезультатными, как большинство японских выстрелов.

— Вы знаете, — сказал мне познакомивший меня с ним д-р Власевич, — его в Японии заставляли петь датский гимн, и он пел...

В Ляояне несколько японских пленных.

Все они рассказывают, что с большим страхом ожидали своей участи после того как попались в плен.

— Почему же это?

— Нам начальство объявило, что русские — жестокие дикари, которые всех пленных предадут мучительной смерти, а потому нам не советовали отдаваться им живым в плен, а предпочитать смерть.

— Ну, а теперь что вы об этом думаете...

— Что дальше будет — не знаем, а теперь нам лучше не надо... — отвечают, конечно, через переводчика японцы.

По их довольным, улыбающимся лицам можно и без всякого переводчика заключить, что «им лучше не надо».

XXII

Картинки боевой жизни

Идут войска, тянутся обозы, скрипят китайские арбы, слышатся окрики и русская тяжеловесная брань, в воздухе висят неприятные звуки крика мулов и визгливой, режущей ухо громкой речи китайцев.

Тихо говорить они, кажется, не умеют.

Вот та будничная картина военного времени, которая здесь бросается в глаза повсюду, но с особой рельефностью там, где близок неприятель, а следовательно особенно много сосредоточено войска.

Война, война!

Я три раза видел вблизи, насколько это возможно и разрешается, картины боя, положим, незначительного, так как в момент крупного дела при Вафангоу, сидел, волею судеб, в Мукдене, проводя «дни мук» корреспондентского искусства, да и приехал я туда в ночь на 1 июня, так что если бы «Мукден» не оправдал бы даже своего русского названия «день мук», то и тогда бы я едва ли успел по-

пасть 2 июня в Вафангоу, а это был последний день этого почти трёхдневного боя.

Но возвратимся к тому, чему свидетелем быть выпало мне на долю при моих поездках на передовые позиции.

Я уже описал вынесенное мною более чем смутное и вместе с тем глубоко отвратительное впечатление современного боя, даже, если можно так выразиться, в миниатюре, ничуть не похожее ни на то представление, которое было в моём уме, как штатского человека, и, вероятно, в уме многих, ни на поэтические описания боя в стихах и прозе, какие мне приходилось читать.

Быть может, впрочем, всё, что я видел, были лишь, выражаясь военным языком, «разведочные стычки», которые не могут дать настоящего представления о картине боя.

Так говорят мне офицеры, когда я поднимаю среди них этот вопрос.

— Но в чём же разница? — допытываюсь я, — только в размерах?..

— Ну, конечно, настоящий решительный бой ожесточённее, так как участники его чувствуют, что им решаются шансы кампании.

Такого боя ещё не было!.. А в разведочных схватках главная забота о сохранении войска и меньших потерях, а потому обе стороны сдерживаются...

— Но при этом, я сам видел сотни убитых, десятки раненых...

— Это всё пустяки...

— Как человеческая жизнь — пустяки?

— Война...

И в этом ответе нет никакого бравадания.

Это действительно так.

— Война...

И поэтический колорит этого слова исчезает, оно появляется перед вами во всей его отвратительной окровавленной наготе.

Такова действительность на театре войны.

Если к этому прибавить условия бивачной жизни, особенно в настоящей войне, невыносимые жары, целые дни ливней, то пыль густая, разъедающая, то невылазная грязь и сырость, бездорожье и соединённые с ним лишения в пище и в питье, то и получится та далеко не поэтическая «картина войны», который я решил посвятить эти строки.

— Ко мне в отряд, милости просим, — любезно встречали меня начальники передовых отрядов, — но прежде всего позаботьтесь о том, где приютиться, раздобудьте палаточкой, и кроме того заготовить провиантом... При всём желании, и покормить вас нечем... Вот чайку не прикажете ли... Это с удовольствием...

И пьём чай, стараясь меньше употреблять сахару, так как последний тоже обыкновенно на исходе, с солдатским сухарём...

И каким он кажется вкусным среди прекрасной природы, в горной прохладе.

Хорошо, однако, понимаешь, что для тебя вкусна «новинка», но пропитаться этим сухарём в течении многих дней довольно трудно.

— Но почему же вам не подвозят продовольствия?

— Подвозят, жаловаться нельзя, но поне-многу, ввиду размытых ливнями, да и без того трудных дорог в горах для обозов... Привезут, всё сейчас же и расхватают, день, два пируем, а там опять на пищу св. Антония... — улыбаясь говорит мой собеседник.

И нигде, ни в одном отряде я не слышал жа-

лобы на интендантство — в эту войну оно делает всё возможное и даже невозможное.

И это понимают в частях, и никому не приходит даже на мысль обругать «интендантов» и этим лёгким способом сорвать на ком-нибудь свою злобу.

2 июля утром в десятом часу около кумирни бога войны, где помещается редакция «Вестника Маньчжурской Армии» и живут корреспонденты русских и иностранных газет, в числе которых и я, вдруг раздаются выстрелы.

Стреляют пачками.

Все всполошились в нашей кумирне.

Решили даже бежать дать знать караулу, расположенному у западных ворот города Ляояна — кумирня расположена против ворот, вне города.

И что же оказалось!

В фанзе, рядом с кумирней, какой-то китаец открывал торговлю и по китайскому обычаю ознаменовывал открытие этого дела бросанием китайских хлопушек.

Говорят о «хунхузах», собирающихся в огромные шайки под предводительством

японских офицеров, о готовящемся в Мукдене и Ляояне восстания китайцев.

Поздним вечером, перед отходом ко сну, я слышу в соседней фанзе, занимаемой Ю. Л. Ельцом, какой-то металлический звук.

— Юлий Лукьянович, что вы делаете? — кричу я.

— Заряжаю второй револьвер.

— Зачем?

— А неровен час, кто их знает, этих мерзавцев.

Вы хорошо понимаете, что все мы спим с заряженными револьверами и кинжалами и крепко запираем двери фанз.

Последнее, впрочем, совершенно бесполезно, так как в фанзе легко проникнуть в окно, очень широкое, двустворчатое поперёк, мелкие переплётывы которого заклеены тонкой бумагой — окна ничем не запираются.

Все эти тревожные слухи черпают свои основания из полученного известия, что известный «хунхуз» Тулихан, чем-то нами обиженный, перешёл на сторону японцев и, как говорят, собрал огромную шайку.

Двое других известных предводителей

«хунхузов» — Тундисон и Тайкел находятся на стороне русских.

Так утверждают хорошо знакомые с «хунхузами» «пограничники», как здесь кратко зовут пограничную стражу.

Как это ни странно, но мы в хунхузах имеем и союзников и противников.

— На их дружбу тоже положиться нельзя, — говорил мне один пограничный офицер, — дружат, дружат, а вдруг и нападут.

Всё это очень странно!

Я не берусь объяснить этого, так как каюсь, во всей этой маньчжурской политике ничего не понимаю, записываю, что слышу и что вижу, записываю с осторожностью, боясь каждую минуту впасть в грубую ошибку.

Не ручаюсь и при этой осторожности за отсутствие таких ошибок.

Вот несколько картинок — результат моей поездки в передовые отряды.

В один из них я прибыл почти тотчас по окончании дела.

Японцы отступили, мы ещё не успели подобрать своих раненых.

Доктор и санитар работают над перевяз-

кой их.

В числе раненых, уже перевязанных и готовых к отправке в госпиталь, японец, взятый в плен.

Он окружён группой солдатиков.

Из лица выражают сострадание, ни малейшей злобы к стонущему врагу.

— Не скули, брат, не скули, — добродушно уговаривают его, — в госпиталь поедешь, господскую пищу есть будешь, поправишься и опять драться будешь.

Это говорит степенный солдатик с открытым загорелым лицом и добрыми глазами, особенно подчёркивая последнюю фразу, точно, по его мнению, для японца единственно печаль поранения и плена состоит в том, что ему нельзя драться.

«Чудо-богатырь» судит, видимо, по себе и несомненно даже раненый не покинет строя.

И таких, как он, у нас тысячи.

Прекрасен образ русского солдата.

Он ярко проявляется даже в мелочах.

Я сижу с офицером на раскинутой бурке, вблизи группы солдатиков.

Говорит пожилой взятый из запаса.

— Последний год оставался, в ратники мне выдти, — повествует он, — думал я думушку, что сына на будущий год на призыв повезу, а вышло, что он меня раньше на призыв повёз... Да это не беда, зато дочь просватанную раньше времени замуж выдал... И выпили же мы на свадьбе... В январе-то я в чистую...

— Держи карман шире, лет пять здесь продержат, — шутит над ним молодой солдатик.

— Пять лет, — восклицает запасный, — ох, братцы, это уж много, два-три года послужу, а пять лет не смогу...

— Начальство прикажет, — сможешь...

— Разве что начальство, — соглашается тот.

А вот другая характерная сцена.

Раннее утро.

Маленький отряд стоит заставой на вершине сопки, полусонный офицер потягивается, лёжа на плаще, и дремлет.

Вдали, на сопке, видно даже невооружённым глазом, как копаются японцы.

Вдруг перед офицером вырастает унтер-офицер.

— Позвольте, ваше благородие доложить...

— Что тебе? — вскакивает офицер.

— Так что, ваше благородие, первый взвод просит вас выкушать чашку чаю...

— Что же, пожалуй, принеси, братец...

— Так что, ваше благородие, там способнее...

— Где там?

— Недалече отсюда, ваше благородие...

Офицер идёт и видит, что солдатики, действительно, устроили «способнее».

Сволокли с сопки на пригорок большой гладкий камень, заменяющий стол, а рядом приспособили камень поменьше, в качестве табурета.

На большом камне уже стоит дымящаяся кружка, полная горячего чаю.

Заботливость солдат об офицерах, конечно тех, которых они любят, замечательна.

— Идёшь в походе, жарко, — рассказывал мне один офицер, — подойдёшь к солдатику: «Послушай-ка, у тебя в манерке, кажется, вода есть?» — «Так что, ваше благородие, вам не годится». — «Почему не годится?» — «Так что из грязного ручья брал.» — «Зачем же ты брал?» — «Так что думал: ничего, сойдёт»... И

старается от меня уйти. Но при первом чистом ручейке уже несколько манерок, полных воды, протягиваются ко мне. — «Извольте кушать, ваше благородие»...

Таковы, так сказать, бытовые картинки войны.

Переходя к текущим событиям, нельзя не отметить радостного известия о новом поражении противника.

29 июня, в 18 верстах от Дашичао, были уничтожены три батальона японцев.

Их подпустили близко и окружили наши войсками, силою из двенадцати эскадронов и двух полков.

Наши потери, сравнительно, незначительны.

Японцы, вообще, терпят огромные потери.

По расчёту, в стычках с нашими многочисленными разъездами, которые доходят до Кореи, они теряют ежедневно до 500 человек.

Наши же силы всё прибывают и прибывают.

Вчера и сегодня начали прибывать кавказские полки.

Горцы — молодец к молодцу.

Главная квартира командующего маньчжурской армией переносится в Хайчен, пока же сам командующий, с частью своего штаба, находился в Дашичао.

Японцы двигаются на Мукден, где, впрочем, сосредоточено достаточно войска, чтобы дать им должный отпор.

Заслоном Мукдену стоит между Сяосиром и Мадзи большой отряд генерала Ренненкампа.

Кстати, только что получено известие, что последний ранен в ногу при занятии Сяосира.

Врачи советовали ему ехать лечиться в Ляоян, но доблестный генерал пожелал остаться во главе своего отряда.

Японцам приходится иметь дело с этим испытанным боевым генералом.

Любопытно отметить, что движение на Мукден входило в самый первоначальный план японцев, и тогда появилась Бог весть кем построенная дорога, ведущая от Кореи на Гириу, откуда можно при удаче отрезать Ляоян от Мукдена.

При удаче и отсутствии бдительности с нашей стороны, но в последней недостатка нет,

и план японцев и в этой части, как и во многих других, можно считать разрушенным.

Но вернёмся к таинственной дороге.

Кто строил её — положительно неизвестно.

Китайцы на вопросы отвечают с напускною наивностью, прикрывающей, по обычаям востока, нежелание дать ясный ответ.

— Строили инженеры из Кореи, а кто они такие — нам неизвестно...

— Но когда же её выстроили?

— Мы этого не помним... Строили не так давно...

Больше ничего добиться нельзя.

Дорога построена хорошо с чисто-японскою мелочною аккуратностью, что явно указывает на то, кто были эти строители.

Но нет худа без добра...

Дорога эта пригодится нам.

Кроме отряда генерала Ренненкампа на нашем крайнем левом фланге, стоит русский отряд, и до последнего времени в этих местах находился отряд подполковника Мадритова, известного своими разведками в Корее в тылу неприятеля, которому он испортил много

крови и наделал не мало вреда.

Я упоминал уже о действиях этого отряда, теперь очень усиленного.

Горсть храбрецов под предводительством знающего страну как своих пять пальцев подполковника генерального штаба Мадритова в течении более двух месяцев оперировала в Корее, жгла села и деревни сопротивлявшихся корейцев, чуть не заняла город Анжу и вернулась с незначительными потерями.

Первый, после двухмесячной неизвестности, привёз о деятельности отряда сведения начальник его конвоя имеретин Иоселиани.

Кстати о «стране утреннего спокойствия», окончательно подчинившейся японской силе.

Как считать её?

Россия на основании заключённых договоров, не желая нарушать их, не признавала до сих пор Корею воюющей стороной, ввиду того, что японцы заняли её силой и распоряжаются в ней самовольно, вопреки азбучным правилам международного права.

Но теперь вопрос этот несколько видоизменяется.

Блестяще произведённая разведка отряда подполковника Мадритова указала, что корейцы зачастую встречают русских с оружием в руках, не говоря уже о том, что сражаются в рядах японских войск, причём японцы ставят их обыкновенно в первые линии.

Словом, Корею, по мнению всех компетентных в этом деле людей, следует признать воюющей стороною, что несомненно очень облегчит вопрос о занятии в ближайшем будущем Корейского полуострова русскими войсками.

Китайские части отряда Мадритова особенно часто подвергались нападению со стороны корейцев, а один китайский полковник с десятью китайцами, вёзший летучую почту, был окружён и после отчаянного сопротивления весь отряд был вырезан корейцами.

Всё это доказывает слишком ясно, что мы воюем не только с Японией, но и с Кореей.

В Корее наблюдается именно последнее.

Интересно было бы по этому поводу выслушать мнение петербургских военных авторитетов и профессоров международного права.

Беседовал сегодня с одним из врачей

«Красного Креста».

Как раз в это время на станцию пришёл санитарный поезд.

Раненых не было, а всё больные.

— Чем больны?

— Колитом, большинство, но есть несколько человек дизентериков.

— Что такое «колит»?

— Это болезнь, которую часто даже врачи смешивают с дизентерией, а между тем это менее опасное расстройство желудка, не сопровождающееся повышением температуры, что наблюдается всегда при дизентерии...

— Значит болезнь неопасна...

— Нет, она излечивается очень скоро...

— А дизентерия?

— Дизентерия тоже не принадлежит к числу опасных болезней, но страшно истощает организм, особенно при затяжной форме... — отвечал мне молодой врач-петербуржец, оставленный при академии для усовершенствования, но прервавший свои научные занятия, чтобы потрудиться на театре войны.

XXIII

В «Кумирне Бога Войны»

Как слышно, будет большое сражение вблизи Дашичао, и кроме того японцы наступают на восточный отряд генерала графа Келлера.

Там тоже должно произойти большое дело.

Под начальством графа Келлера более 40.000 войска всех трёх родов оружия.

С ним вошёл в соприкосновение отряд полковника Драгомирова, сына известного героя русско-турецкой войны М. И. Драгомирова.

Сообщу маленький характерный эпизод из разведочной службы этого отряда, происшедший утром 27 июня.

Хорунжий уральского казачьего полка Н. С. Аничкин отправился на разведку с одиннадцатью казаками.

Прошли рассыпавшись деревню, проникли в ущелье, а вышедши из него, снова наткнулись на деревню.

Хорунжий Аничкин, в видах осторожности, так как казаки спешили, решил послать двух лазутчиков.

Два казака отправились к деревне и, подойдя уже к земляной ограде, которыми окружены все китайские посёлки, вдруг увидели штыки и оказались лицом к лицу с двумя батальонами японцев.

Последние, видимо, смутились неожиданным появлением русских, а наши казаки давай Бог ноги к своим.

Бросились к лошадям, вскочили на них, и быстро отправились назад.

Опомнившиеся японцы послали им вдогонку град пуль.

Одна лошадь была убита наповал, один казак легко ранен.

У хорунжего Аничкина одна пуля сбила рукоятку кинжала, а другая попала в сумку с картой и сильно порвала её.

Он не был ранен каким-то чудом.

Двое казаков не успели вскочить на лошадей, которые ускакали.

Оба были сочтены пропавшими без вести, но один явился к отряду на другой день, а вто-

рой на третий, оба в китайском платье.

Оказалось, что китайцы их накормили и одели.

Рассказываются всё новые и новые версии об отбитом ночном штурме Порт-Артура, слух о чём, проникший в Ляоян, я своевременно сообщил.

Говорят, что японцы, наступавшие по большой порт-артурской дороге, до того увлеклись, что десять человек с офицером влезли на вал крепости, оставив своих далеко позади.

Когда они увидали себя среди орудий и солдат, то сами сдались в плен.

Цифра погибших в этом штурме японцев, по рассказам, колеблется между 28.000-30.000 человек.

В Порт-Артуре, по словам одного из прибывших из осаждённой крепости, с которым я беседовал, живут все очень хорошо и весело.

На бульваре играет музыка.

Толки о том, что будто всех оставшихся дам заставили стирать бельё, лишены всякого основания.

Бездетные дамы исполняют обязанности сестёр милосердия, а имеющие детей находятся у себя дома.

Бельё стирают китайцы, недостатка которых в Порт-Артуре не ощущается.

В Китае, вообще, бельё стирают мужчины и по весьма странной таксе: 5–6 копеек за штуку, будь это носовой платок или простыня и т. д.

В Ляоян прибыл сегодня раненый генерал Ренненкампф и проехал в барак Красного Креста.

Я писал уже, что он ранен в ногу, но без повреждения кости, пуля пробила мякоть.

Рана не опасна, но мучительна.

Обстоятельства, при которых получил рану генерал, не лишены интереса.

Он ранен в засаде, которую очень хитро устраивают японцы.

Кроме отряда, который ставится в засаду, лучшие стрелки рассыпаются впереди, образуя так называемые «ворота».

Когда разведочный отряд наталкивается на засаду, превосходящую его силами и начинает уходить, его осыпают выстрелами не

только из засады, но и её тыла — ворота из стрелков стягиваются.

Генерал Ренненкампф, конечно, не предпринимал сам разведку, но натолкнулся на неожиданно устроенную засаду, когда со своим штабом, объехав передовые отряды для раздачи людям георгиевских крестов, несколько отъехал в сторону.

Неожиданно нашу кумирню «Бога войны», Ляо-Миао, в фанзах при которой, как я уже писал вам, помещается редакция «Вестника Маньчжурской Армии» и несколько военных корреспондентов: г-да Елец, Шуф, Мак Кулей, Гвидо, Пардо, я и другие — посетили петербургские гости — известные художники-баталисты г-да Самокиш и Мазуровский.

Их провёл в кумирню тоже знакомый Петербургу художник г-н Россолимо, уже в течение двух лет работающий на Дальнем Востоке.

Они рисовали «кумирню», восхищаясь китайской архитектурой.

Внешность кумирни действительно очень оригинальна.

Её возраст можно безошибочно считать

тысячелетием.

Она страшно запущена, как снаружи, так особенно внутри, несмотря на то, что в ней раз в месяц совершается богослужение.

Нет, кажется, народа на столько индифферентного в вопросах религии, как китайцы.

В кумирне, которая для них храм, вы можете увидеть развешанное бельё, так как в ней приютился китаец-прачка, здесь же у подножие идолов китайцы делают папиросы и курят.

Идолы тоже в полном запущении.

Одного из них, при осмотре европейцами, китаец, отрываясь от набивки папирос, бесцеремонно со смехом толкает в бок, отчего идол двигает рукой и ногой, устроенными на шарнирах.

При этих движениях своего «бога» китаец хохочет визгливым смехом во всё горло.

Против здания кумирни помещается запущенное и разрушенное здание театра — театр в Китае устроен при всех даже самых маленьких кумирнях — в нём находятся две громадные деревянные обмазанные глиной и раскрашенные лошади, около которых стоят по

два колоссальных всадника, сделанных из того же материала.

Внутри театра склад ячменя и муки.

Все наши три художника для работы поместились на полуразрушенном помосте театра, который находится как раз против портала кумирни.

Затем они пили чай у нас в фанзе.

Г-да Самокиш и Мазуровский только на днях приехали в Ляоян, пробыв довольно долго в Мукдене.

Они не нахвалятся китайцами, которые не только не мешают им работать, а относятся даже с уважением к их занятиям.

Мне невольно, как параллель, пришёл на ум недавний случай в России, когда крестьяне одной деревни окружили показавшихся им подозрительными путешественников.

— Мы художники! — заявили те.

— Слышь, ребята, сами сознаются... Вяжи, да в волость... — слышалось в толпе.

Оба художника-баталиста рвутся в передовые отряды, чтобы увидеть сражение, и были очень разочарованы, когда мы им объяснили, что в сражениях для них нет ничего интерес-

ного, так как в современных войнах, при дальнобойной артиллерии воюющие армии не видят друг друга.

Приближение противников друг к другу и штыковая работа — случаи редкие и исключительные, происходящие обыкновенно под покровом непроглядной ночи.

— Интересная местность, замечательно живописная, эти горы, покрытые прозрачной синевой, эти быстро бегущие светлые кристальные речки и, наконец, отдельные картинки биваков...

— Почему отдельные картинки?

— А потому, что и армия в несколько десятков тысяч людей рассыпана в горах, и её нельзя охватить даже вооружённым хорошим биноклем глазом... Видна только ничтожная часть.

— А эти белые палатки на зелёном луге...

— Палаток очень немного, всего несколько... Но отдельные картинки, повторяю, интересны...

Я указал, между прочим, на виденного мной по дороге в восточный отряд часового на дереве.

Дерево служит вышкой, и в его ветвях стоит часовая...

Невольно в уме возникают воспоминания детства и сказки о «соловье-разбойнике», сидевшем на дубу на распутье из трёх дорог.

Сегодня день визитов.

Посетил нас д-р Павловский, совершенно, по его словам, неожиданно очутившийся практическим врачом на войне.

— Я окончил курс военно-медицинской академии, но изучал медицину только теоретически для занятий биологией и социологией, прямо из академии поступил на юридический факультет, мне оставалось 1 года до сдачи государственного экзамена, как вдруг я был призван на службу младшим врачом в действующую армию... Я — будущий биолог...

Нам думается, что д-р Павловский прав, находя, что военно-медицинскому ведомству следовало бы иметь более точные сведения о специальностях врачей, из которых комплектуется медицинский персонал для театра войны, иначе неизбежно могут происходить такие трагикомические «qui pro quo»[14].

XXIV

Корреспондентские мытарства

Мухи, мухи, мириады мух!
Они чёрною скатертью застилают все столы, чёрной простынёй походные кровати, от них черны стены, и их движущаяся тёмная сетка висит в воздухе.

Они лезут в нос, рот, уши и кусают, ожесточённо кусают.

Среди них и москиты, укусы которых производят страшную опухоль.

В фанзах — этих отвратительных китайских жилищах — всевозможные насекомые, говоря словами старого стихотворения,

*Очень многие мне даже
Вовсе незнакомые.*

Клопы, блохи, тарантулы... Всё это каких-то особо громадных размеров.

Один местный остроумец-офицер уверяет, что одного клопа из фанзы два китайца выводят под руки.

Жара прямо невозможная! 50° по Цельсию

на солнце, вечером 30°, ночью немножко меньше, духота и пыль едкая, засоряющая все поры тела, глаза, нос, уши и постоянно оставляющая в пересохшем рту впечатление горсти песку.

Вонь черемшой, бобовым маслом, китайским потом и тому подобными пахучими прелестями.

Положительно изнемогаешь от духоты и жары, пот льётся буквально ручьями, нельзя дышать, мозги отказываются работать, рука писать.

Такова внешняя обстановка жизни в Маньчжурии — этой стране египетских казней *par excellence*[15].

Отсутствие всяких точных сведений, полная скудость материала.

Официально — всё тайна.

Неофициально — трудно отличить ложь от правды.

Возьмём для примера хотя бы вчерашний день.

Утром нам передано известие, что восточный отряд начал наступление и весьма успешно.

Граф Келлер с 40.000 войска далеко оттеснил японцев.

Не проходит и часу после этого известия, принесённого одним офицером, является другой:

— Скверно!

— Что скверно?

— В восточном отряде...

— Как, помилуйте, успешное наступление, японцы отступили, большие потери, но всё же победа...

— Кто это вам наврал, ничего подобного, мы отступили и едва удержали свои позиции, с огромными потерями.

И каждый являющийся в редакцию «Вестника Маньчжурской Армии» сообщает совершенно противоположные известия.

Бросаешься в разведочное отделение, в полевой штаб, бежишь, скачешь, по жаре, на огромные расстояния, чтобы услышать от официальных лиц:

— Ничего ещё неизвестно!

— Сообщить ничего не можем...

— Говорят и так и эдак...

Подите и разберитесь во всём этом.

Наконец только поздною ночью на вокзале от офицера, заведующего передвижением санитарных поездов, мы получили более верные сведения, на основании полученной им телеграммы.

Оказалось, по счастью, что первый «вестник радости» был прав.

Граф Келлер с 38 батальонами, после ожесточённого боя, где наших было ранено около 1.000 человек, заставил японцев отступить, занял Ланшенгуань — третий этап по Ляоянской дороге и взял у них восемь орудий.

Но это только случайно добытое точное сведение из совершенно косвенных источников.

Счастливым редкий случай!

Их бывает мало.

Официальные сведения можно изредка получить в редакции «Вестника Маньчжурской Армии» из присылаемой главной квартирой туда хроники войны.

Мне иногда удаётся получать их ещё в рукописи до набора, или в самом Дашичао, но они так туманны, так непонятны для непосвящённых людей, что положительно стано-

вишься в тупик.

Я сообщал и буду, при случае, сообщать их — быть может в них в Петербурге разберутся специалисты военного дела и разъяснят большой публике.

Я же с своей стороны только ручаюсь, что они «с подлинными верны».

Быть может, мне скажут, что надо ездить на передовые позиции, в отряды...

Ездишь, но что же из этого выходит...

Я был в отряде генерала Мищенко, генерала Келлера, но и там те же полуфантастические рассказы.

В Ляояне стекаются по крайней мере все известия, приезжают офицеры из частей, и из их разнообразных рассказов можно вывести хоть что-нибудь достоверное, иначе действительно мы здесь, слыша свист пуль и грохот орудий, находясь, так сказать, в «креслах оркестра» театра войны — это выражение одного генерала — знаем менее, чем в Петербурге и Москве.

Для нас всё тайна.

Грустно и главное дело тяжело, тяжело, что чувствуешь себя бессильным сообщить

что-нибудь новое, интересное, а составлять из этих «крох», перепедающих на нашу долю известий, при описанной мною обстановке — труд каторжный, да пожалуй и... бесполезный.

Кое-что ещё можно воссоздать в смысле картины боя от раненых солдатиков, но легкораненых быстро эвакуируют в Мукден и Харбин, а здесь, в Ляояне, оставляют лишь тяжелораненых, которых затруднять вопросами жаль.

Замечу, кстати, что есть большая разница в изложении сибирского и русского солдата.

Рассказ последнего всегда точнее и обстоятельнее.

Большинство этих рассказов могут, увы, пригодиться только для истории войны.

Итак бьёшься с утра до вечера в пыли, в жару, в погоне за новостями, а душной ночью пишешь, чувствуя, что у тебя нет для этого ни малейшей почвы.

Тёмная, жаркая, душная ночь глядится в открытую дверь фанзы.

Воздух пропитан каким-то неуловимым, но нестерпимо отвратительным чисто китай-

ским запахом.

Звуки этой ночи тоже отталкивающе неприятны.

Трещат цикады, квакают лягушки и этот негармонический концерт аккомпанируется заунывным звоном гонгов, не то призывающих китайцев к молитве, не то быть может собирающих их на таинственную беседу, и лаем голодных собак.

Говорят, что в кумирнях, под видом молитв, они собираются по ночам для обсуждения вопросов, касающихся не одной религии, но и политики.

Кумирня, в которой живём мы, посвящённая Богу войны, запущена и оставлена и, конечно, ввиду соседства нас, европейцев, не служит местом таких собраний.

Зато она набита китайцами, больными, прокажёнными, которых близость не особенно приятна.

Они собираются в неё со своими «одрами» и покоятся сладким сном у подножие своих идолов.

Иногда сон этот лихорадочен — слышится бред.

А в других кумирнях, быть может, в настоящее время обсуждается отношение к японцам до сих пор мнящих себя победителями.

Недаром они уплачивают корейцам и китайцам за купленный провиант квитанциями будущей русской контрибуции.

Уже ими определена и сумма этой контрибуции.

Пятьсот миллионов иен!

Не понимаю, отчего так мало?..

Определены и условия, которые Япония предложит России, когда та будет просить у неё мира.

Границей России, по мнению японских дипломатов, собственно говоря, должен быть Байкал...

Но Япония снисходительна, она согласится на прирезку России клочка Монголии... пустыни Гоби или Шамо.

Вот с каким великодушным врагом мы имеем дело.

Остаётся только благодарить.

В Маньчжурии же они заведут свои собственные порядки.

Недаром Ояма уже возведён в сан мань-

чжурского вице-короля.

Кстати об Ояме — он, оказывается, жив и здоров, несмотря на то, что о его гибели телеграфировали во все газеты, а в «Вестнике Маньчжурской Армии» так картинно было описано его самоубийство на гибнущем транспорте, во избежание русского плена.

Остаётся пользоваться слухами, а от этого и происходят сообщения вроде гибели 30.000 японцев во время штурма Порт-Артура.

Оказалось теперь, что 30.000 японцев действительно погибло, за всё время осады крепости.

Кто бросит в нас камень за то, что мы сообщили известие, которое переходило в Ляояне у всех из уст в уста и которое так обрадовало наболевшее истинно русское сердце.

Переходя к текущим военным событиям, могу сообщить, что на юге идут лишь мелкие перестрелки и, как слышно, произойдут некоторые чисто служебные перемены.

Поехал было в Дашичао, но очутился снова в Ляояне и пишу в своей грязной фанзе.

Объясняется это очень просто.

Я вернулся с половины дороги, так как мне

на встречу попался поезд командующего армией, который со всем своим штабом ехал в Ляоян.

В Дашичао мне делать было нечего.

Сегодня мне передавали душу потрясающий рассказ.

Источник самый достоверный.

После первого боя под Хаяном в восточном отряде, некоторые раненые русские и японцы, упавшие в кустах, не были усмотрены, а найдены лишь спустя несколько дней, живыми, но с уже загнившими ранами, в которых копошились черви.

Они конечно отправлены были в военный госпиталь.

— Пролежать несколько дней без помощи, голодными... Это ужасно! — воскликнул я.

— Конечно! — согласился со мной присутствовавший при разговоре врач. — Но это безболезненно и неопасно...

— Как не опасно!

— Конечно, рану сейчас же обмоют, дезинфицируют, и опасность зависит только от качества раны... Если же человек остался жив в течении нескольких дней без помощи, то зна-

чит рана не особенно опасная...

В этом замечании высказалось высшее хладнокровие врача.

Я не мог рассуждать так и всё-таки повторял, как повторяю теперь:

— Это ужасно!..

По словам того же врача, японцы оказываются очень выносливы и живучи.

В здешнем 13 военном госпитале находится пленный японец, получивший пять ран и одну из них в живот.

Он теперь уже ходит, кланяется, улыбаясь, и благодарит за уход.

Наши солдатики, по отзывам всех врачей, ведут себя героями.

Они прямо-таки, после перевязки даже довольно серьёзных ран, ни за что не соглашались оставаться в госпиталях и лазаретах.

— Мне уже дозволейте, ваше благородие, к товарищам... — говорят они.

И никакие убеждения на них не действуют.

— Нет, уж дозволейте...

И солдаты, так сказать, дезертируют на поле брани.

«С такими солдатами нельзя не быть победителями!»

Таково общее мнение на театре войны.

Здесь продолжают глядеть на ход событий оптимистически.

Считают первую, теперь окончившуюся, часть компании крайне удачной.

Мы с меньшими силами сумели задержать японцев, которые, не будь боёв при Тюренчене и Вафангоу, давно бы могли быть у Харбина.

Между тем теперь они не дошли до Дашичао, и мы спокойно сидим в Ляояне.

Момент ими упущен, а за это время всё собираются и собираются наши силы, которых уже японцам не одолеть.

В этом видят мудрое решение трудной стратегической задачи со стороны командующего маньчжурской армией генерал-адъютанта А. Н. Куропаткина.

XXV Генералы Келлер и Ренненкампф

Пишу под свежим впечатлением.

В Маньчжурии темнеет рано и как-то сразу.

В 9 часов вечера, 3 июля, над восточным отрядом Келлера, расположенным в 60 верстах от Ляояна, спустился уже ночной мрак.

Небо было безоблачно, но узенький серп луны тщетно боролся с вечернею мглою.

Отряд двинулся с позиций вперёд в чёрную даль.

Началось наступление.

Тёмные массы войска двигались почти бесшумно.

До рассвета приказано было спрятать патроны и идти без выстрела.

В рядах не слышно было даже тихих разговоров.

Наши словоохотливые солдатики шли молча, сосредоточенно, как они обыкновенно идут «перед делом».

— О чём они думают? — мысленно задавал я себе вопрос.

И мне представлялись самые разнообразные картины родимых мест, хат, семей, которые проносятся в эти мгновения в уме каждого солдата.

— Пошлёт ли Бог увидеть, свидеться?

Отряд идёт всё дальше и дальше.

Но вот на востоке заалела полоска утренней зари.

Луна как то сконфуженно побледнела.

Вырисовались силуэты местности, очертания сопок, узкие долинки, изредка полянки, поросшие гаоляном, достигающим вышины более человеческого роста.

Поля гаоляна излюбленное место, где скрываются хунхузы.

Гаолян, растение с длинными широкими листьями, служит для китайцев в самых разнообразных нуждах.

Плоды его идут в пищу; солома употребляется на корм лошадей, на покрытие крыш и т. д.

Рассвет продолжает довольно быстро вступать в свои права.

На ближайших сопках уже ясно видны позиции японцев.

Четыре часа утра. Грянул первый выстрел.

Это было как бы сигналом для начавшейся перестрелки.

С чьей стороны был этот первый выстрел, уловить было невозможно.

Началась та трескотня, которая ужасает с первого раза, но к которой так странно быстро привыкает ухо.

Запели низкой фистулой железные птички-пули.

Загремела наша артиллерия, несомненно наша, что легко различить по более густому звуку выстрела; японцы стали было отвечать, но смолкли.

Они были сразу сбиты.

Наши идут всё вперёд и вперёд.

Поручик 12 полка Олторжевский с отрядом охотников появляется на одной из сопкок, на соседней на расстоянии 600 шагов копошится отряд.

Поручик командует стрелять.

— Ваше благородие, кажись это наши! — докладывает унтер-офицер.

— Наши?

В этот самый момент с сопки слышен громкий вопрос:

— Охотники?

— Охотники, охотники... — отвечает поручик, уже не думая повторить распоряжение стрелять.

Он опускается в долину.

Вдруг отряд на сопке начинает осыпаться его выстрелами.

— Что вы делаете? — кричит он. — Свои, свои!

Но крики эти не помогают.

Свинцовый дождь сыплется на отряд.

Отряд на сопке оказывается японским в попожем на русское обмундировании, чем и воспользовались, вместе со знанием русского языка, хитрые «макаки».

Отряд охотников тоже, конечно, открывает огонь.

Наши стрелки бьют метко.

Японцы не знают прицельной стрельбы — они обстреливают местность.

У них пуля более дура, нежели у нас.

Потому-то их огонь, адски сильный, в

большинстве случаев малорезультатен.

Так и теперь, у нас двое тяжелораненых.

Поручика Олторжевского пуля задевает в правую руку ниже локтя.

— Сподобила! — улыбаясь говорит он, наскоро делая себе перевязку левой рукой.

Охотники идут дальше.

Общее наступление удачно.

У японцев отнято десять орудий...

Они отступают без выстрела через Ланхе.

Наши их преследуют, но японцы, видимо, получают подкрепления и, по своему обыкновению, начинают обходное движение и на оба фланга.

Снова вспыхивает бой.

Особенно под сильным огнём очутился седьмой полк.

Один ротный командир падает раненым, и на глазах наших солдат японцы бросаются на него и рубят.

Двух других раненых командиров ожидала та же участь, и солдаты успели отстоять их и унести за линию огня.

Мы принуждены несколько отойти, японцы тоже останавливаются.

Тогда считать мы стали раны.

Товарищей считать!

Убитым оказался молодой симпатичный поручик Юдин, ещё всего за час до своей безвременной смерти такой жизнерадостный, весёлый, довольный, что получает огневое крещение.

Осколок шрапнели прекращает молодую жизнь...

Ранен навывлет в живот подполковник Колорович, его несут на перевязочный пункт, но дорогой он умирает.

Бравый офицер, прекрасный товарищ, все сожалеют о нём.

Ранен штаб-капитан 12 полка Артемьев двумя пулями в правую ногу, две другие пули попали в шашку.

Штаб-капитан Артемьев ранен уже вторично — первый раз под Тюренченом.

Он, прихрамывая, сам идёт на перевязочный пункт.

Ранено много других.

Нижних чинов выбыло из строя более тысячи.

Генерал граф Келлер всё время на передо-

вых позициях, всё время в огне, но пули щадят доблестного начальника, они как пчёлы жужжат вокруг него, не жала.

К нему прискакал ординарец от генерала Гершельмана, действующего южнее и идущего на соединение с отрядом графа Келлера.

Генерал Гершельман просит подкрепления.

К нему по распоряжению генерала идёт полк.

По сообщению ординарца, отряд генерала Гершельмана действует успешно, японцы оттеснены, у них отбито четыре орудия, но силы их увеличиваются, отряд однако стоит стойко, ожидая подкрепления.

Ординарец уезжает.

Наши в порядке отступают — шесть часов вечера, бой продолжается непрерывно более двадцати часов.

Со мной происходит неприятное приключение.

Моя лошадь оступается на краю оврага, ударясь о большой торчащий камень.

Я лечу в овраг, а у лошади оказывается сломанной нога.

Она приподнимается на трёх ногах и стоит, вся дрожа от боли.

Передняя правая нога болтается на коже.

Я поднимаюсь тоже со страшной болью в правой ноге — она сильно ушиблена.

Лошадь рассёдлывают, приводят другую, седлают и помогают мне взобраться на седло.

Но боль в ноге увеличивается.

Я, и так не привыкший к верховой езде, не в состоянии сидеть верхом.

Пришлось возвращаться в двуколке, бросив седло и другие походные вещи.

Обещались доставить.

Участвующие в бою снова выносят впечатление, что японцы, стреляющие пачками, не выносят залпов.

Последние производят в их рядах замешательство.

— А у нас ещё поговаривали об отмене стрельбы залпами... — замечает один офицер.

Несколько слов об огне японцев.

Я уже говорил, что он не прицельный и мало результатный, но, видимо, рассчитан на то, чтобы нравственно влиять на противника.

И действительно, адский огонь, который открывают японцы, ошеломляет, но лишь на первое время.

Генерал Ренненкампф, раненый как известно, в ногу в деле у деревни Фанцзяпуцзы и находящийся в бараках Красного Креста под Ляояном, уезжает для окончательного излечения в госпиталь в Харбин.

Меня посетил сегодня ординарец генерала сотник Бушинский.

Он небыизвестен в Петербурге, как зять популярного, но, увы, за последнее время несчастного увеселителя Д. А. Полякова.

Передаю его рассказ об обстоятельствах, при которых был ранен генерал Ренненкампф.

Рассказ этот полон интереса.

— Генерал, — сказал он мне, — 30 июня вышел сам на рекогносцировку из Мицзы в деревню Фанцзяпуцзы. С ним было четыре сотни казаков, взвод конно-сапёр и конно-охотничьей команды. Подойдя к деревне Фанцзяпуцзы, генерал остановил отряд и выслал вперёд сотню казаков, чтобы узнать, свободен ли перевал. Вскоре прискакал казак с донесением

от командира передовой сотни; генерал Ренненкампф стал читать его, и в этот самый момент с высоты сопки раздались выстрелы. Сев на камень, генерал стал смотреть туда, откуда раздавались выстрелы. Рядом с ним стояли начальник штаба полковник Российский, адъютант есаул Поповицкий, хорунжий Гейлер и я. На правой горе шагов в 600 нам была ясно видна цепь японцев, стреляющих по нашей группе. Местность была совершенно открытая, ни куста ни дерева.

— Идём на перевал, — сказал мне генерал и внезапно встал с камня, — надо отдавать распоряжения, а если суждено быть убитыми, убьют и здесь и там! Там всё же ближе к своим, хоть мёртвых, а подберут...

И мы под убийственным огнём, буквально под свинцовым градом стали взбираться на перевал.

На вершине первого мы остановились.

Вдруг генерал Ренненкампф спокойно заметил:

— Я ранен в левую ногу, надо узнать не сломана ли кость?

И генерал опустил на траву, лёг на спину

и попробовал поднять раненую ногу.

— Нет, славу Богу, нога цела... — произнёс он.

— А я ранен в правую руку... — слышался голос адъютанта Поповицкого.

Лёжа на спине, генерал вынул часы и сказал.

— Без десяти минут час.

Он встал на одной ноге и попробовал наступить на раненую ногу, но не мог.

В это время подбежал отставший во время входа на перевал начальник штаба и трубач.

Все мы, несмотря на просьбы генерала, не желавшего подвергать нашу жизнь опасности, так как выстрелы не прекращались, подняли генерала и понесли его из линии огня. Подбежавший врач Саличев остановил кортеж и тут же под огнём сделал генералу первую перевязку.

Он хотел остаться в строю и только по настоятельному совету врачей и командующего армией уехал в Ляоян.

Так ведут себя герои.

XXVI

Роль китайцев на войне

Роль китайцев в настоящей войне далеко недвусмысленна.

Помогая во всём японцам, они уклоняются от нас, прикрываясь приказом о соблюдении строгого нейтралитета.

Чтобы всё это разъяснить, приведу лишь факты, предоставляя каждому делать выводы по своему усмотрению.

Идёт разъезд японцев — впереди дозорные китайцы.

Свалила вражья пуля христолюбивого воина — обдирает его китаец.

Спрашивает казачек дорогу или название села у китайца — ответ «бутунды», что значит: не понимаю. Это в лучшем случае, в худшем же его выводят из села и направляют на устроенную японцами засаду.

Это «бутунды» является прямым продуктом приказа властей и сношений с японцами. Вот случай, как иллюстрация:

Проезжает офицер с небольшой командой

через деревню.

Выходит рослый, пожилых лет китаец и, даже не скрывая намерение, громко пересчитывает число проходящих людей.

— Как зовётся деревня? — спрашивает офицер.

— Бутунды! — следует обычный ответ.

Но наученный опытом офицер знает, что ему надо предпринять. Нагайка свистнула в воздухе и оставила полосу на физиономии китайца.

— Сундзяпуза! шанго капитан, татады капитан,[16] — отвечает китаец.

— Сколько вёрст до такой-то деревни?

— Бутунды!

Опять нагайка, а за ней точный и верный ответ китайца.

Другой случай.

Обращается офицер за чем-либо к китайцу. Ответ обычный.

Зовут переводчика, переводчик к несчастью китайца сам манза. Спрашивает. Результат тот же. Переводчик начинает усовещивать, говоря, что он такой же манза, следовательно не понять его невозможно. И это не

помогает. Подходит другой китаец, переводчик к нему, но первый китаец уже кричит:

— Не смей отвечать этим чертям.

Вновь пришедший китаец упирается на своём проклятом «бутунды» и конец. Опять нагайка и вновь прекрасный результат её действия. Полное просветление мозгов и великолепное понимание не только китайского, но даже и русского языков.

Посылают людей на фуражировку, и, само собой, у китайцев нет ничего продажного, а между тем, поискав немного, находят спрятанные в лесу стога. Деревушка в три фанзы, потребность её в соломе крайне незначительна, даже допустив, что все жители обладают скотом, всё же запас кажется чуть ли не годовым. Зная предусмотрительность японцев и уже не первый раз пользовавшиеся их устроенными в тылу наших передовых частей складами, нижние чины хорошо понимают, в чём дело, но должны проходить мимо, — на сильно отбирать нельзя.

Посылают за коровой. Нашли, торгуются. Китаец за плохенькую пудов в 5 просит 150 рублей. Рядятся, ничего не выходит. Отсчитав

согласно справочной цене по 7 р. за пуд 35 целковых, корову забирают и везут. Китаец со злостью бросает деньги на пол, объявив:

— Если мне не дадут 150 р., то я дарю её вам! Денег не надо!

Но всё же он идёт за фуражирами и приносит жалобу начальнику: не уплатили мол за корову.

Виновный разыскивается и зачастую платится, благодаря показаниям китайца.

Хунхузы, да и мирные жители (отличить их друг от друга нельзя) подкрадываются к нашим постам или нападают на развозящих летучую почту и, гоняясь лишь за оружием, убивают их, раненых истязают, над трупами надругаются.

Примеры кражи из фанз у спящих винтовок нередки.

Узнать, кто украл — хунхуз или землепашец — нельзя, последние всегда скрывают первых.

Остановлюсь на этом и выясню положение наших войск, которое в свою очередь очертит деятельность китайцев.

В бою китайцы помогают японцам, наших

раненых грабят, указания дают ложные — подводят под пули японцев, фураж и провиант добровольно не продают, устраивают склады для неприятеля, своими часто лживыми жалобами вызывают незаслуженное наказание, стоит отделиться по делам службы, как солдата убивают, заснёт солдат в фанзе — и тут ему покоя от манзы нет, его обкрадывают, выгонять же хозяина из его дома не позволяют — не гуманно, достаточно того, что бедному китайцу приходится стеснить свою семью на ночь.

Политика гуманности принимается азиатом как признак слабости, великодушие и малодушие в его понятии одно и то же.

Из века в век привыкший поклоняться одной лишь силе, которая выражается физически — казнью, пытками, поркой, китаец положительно уверен, что тот, кто его бьёт, именно и есть его начальник — властелин.

Чувство же справедливости на практике манзе неизвестно. В внутреннем строе государства, где на подкупе основана даже раздача высших должностей, слово богатство вполне заменяет правосудие.

Простой манза привык откупаться и от мандарина, и от хунхуза, и от солдата, он не уважает их, зная, что за деньги всех их можно купить. Китаец уважает одно лишь, дающее ему возможность спокойно жить и заниматься своим делом, это деньги.

Поэтому всякая расточительность в его глазах принимает размеры смертного греха.

Не удивительно, что щедрость русских вызывает в душе манзы презрение к этому совсем не умечающемуся в рамки его понятий, поступку и невольно он доводит его до убеждения, что русские люди, с которыми он приходит в соприкосновение, а через них и вся нация — моты.

XXVII

Незаметные герои

Война родит героев.

Это не древнеклассическая фраза, это действительность, происходящая перед нашими глазами.

Герои рождаются каждый день, в каждой, даже незначительной, стычке с неприятелем, в каждом сражении.

Эти герои незаметны, они не стоят во главе отрядов, не руководят делом, о них даже зачастую не упоминают в репортажах, но своею личной отвагой и храбростью они вызывают удивление товарищей, поднимают свои части.

Они действительно герои.

Примером такого геройства служит юнкер Ковалевский.

Невысокого роста, довольно полный, крепко сложенный, именно так, как метко определяет русский народ: неладно скроен, но крепко сшит, с несколько раскосыми глазами и какой-то неподдающейся описанию жизнера-

достоинством на лице.

Он был студентом новороссийского университета, но ушёл со второго курса юридического факультета в юнкерское училище.

Как только была объявлена война, он на свой счёт помчался на Дальний Восток и явился в Ляоян, не имея никого знакомых, ни малейших связей среди военного начальства.

Случайно в нём принял участие командир 3 батальона 11 восточносибирского стрелкового полка Раевский, теперь находящийся в плену у японцев.

— Нам такие молодцы нужны! — сказал он и зачислил его вольноопределяющимся в полк.

Ковалевский пошёл в поход в юнкерском обмундировании, безо всякого оружия, с одной коробкой английских папирос.

Весёлость и жизнерадостность не покидали его, он без умолку болтал, заразительно смеялся и скоро сделался любимцем всего полка, устроившись в нём, в каком-то всеми признанном, привилегированном положении.

— Это сделал Ковалевский!

— Ах, Ковалевский, это другое дело.

После первого же дела с неприятелем он более чем вооружился, добыв две шашки, винтовку и револьвер.

Обе шашки он так и носил.

Офицеры шутили, что ему недостаёт только маленькой пушки, чтобы представлять из себя самостоятельный отряд из всех трёх родов оружия.

Он особенно отличился под Тюренченом.

За убылью офицеров он принял командование над ротой и вывел её из боя.

Наградами ему были Георгиевский крест и чин подпоручика.

Но у него, оказалось, была сломана нога ещё до поступления в военную службу — тяжесть похода не прошла ему даром, произошло воспаление надкостницы, и он должен был сперва лечь в передвижной госпиталь, а затем уехать в Петербург лечиться.

— Ковалевский безусловно человек выдающейся, беззаветной храбрости, — говорил мне адъютант 11 полка, — такие люди незаменимы на войне, но в мирное время с ним несколько тяжело.

— Почему?

— А потому, что он говорил без умолку целый день... Мы раз ходили вместе с ним на рекогносцировку... Прошли более 35 вёрст, и он во всё время дороги говорил не умолкая... Когда мы пришли на бивак, он обратился ко мне со словами: «Благодарю вас, мы так приятно с вами побеседовали»... — Я не мог не расхохотаться. — «Какая же это беседа, вы говорили одни». — «Нет, сколько мне помнится, и вы»... — «Не произнёс ни полслова»... — «Скажите пожалуйста, а я этого и не заметил»...

Таков несомненный герой — Ковалевский.

Дай Бог нам побольше таких отважных людей!

Дух нашего войска бодрый, солдаты рвутся вперёд.

Озлоблены солдаты, а в особенности казаки, против японцев страшно.

Наброшаю в заключение со слов одного офицера картинку поимки японского шпиона.

— Стою я с моим разъездом из восьми спешившихся казаков на сопке, смотрю — в гао-

ляне, уже сильно подросшем, мелькает подозрительная чёрная фигурка. Я начал следить за ней в бинокль: то скроется, то снова вынырнет в зелени... Вот спряталась в куст и что-то там закопошилась... Я неотводно гляжу в бинокль на этот куст и вдруг вижу — из-за него выходит китаец. Я тотчас сообразил, что это японец, переодевшийся за кустом в китайское платье. Приказать уряднику поймать этого китайца было, конечно, делом одного мгновения... Урядник побежал... Я следил за этой охотой с напряжённым вниманием... Вот китаец повернул в сторону... «Эх, — думаю, — уйдёт!» Нет, смотрю китаец пошёл наперерез уряднику, последний пустился бегом и схватил китайца за шиворот... Через каких-нибудь три четверти часа урядник с китайцем был передо мной... По виду это оказался китайский бонза[17] с несколькими книгами буддийской религии. «Это ваш бонза?» — спрашиваю я у нескольких подошедших к нам китайцев. — «Бонза, бонза!» — кричат они. — «Бонза ли?» — задаёт китайцам вопрос урядник, показывая свой увесистый кулак. Китайцы смеются и молчат. Я от-

правил подозрительного бонзу в штаб. Там на допросе он сознался, что он японец, капитан генерального штаба. Он, как я слышал — уже расстрелян.

— Японцы любят переодеваться бонзами, — добавил мой собеседник, — потому что бонзы стригут голову, японцам не нужно подвязывать косу, которая может выдать, оставшись в руках казака... Много таких переоде-тых бонз бродит по Маньчжурии вообще, а по театру войны в частности...

— Вы думаете?

— Я в этом уверен.

XXVIII

На восточных позициях

Продолжаю рассказ о моей поездке на восточные передовые позиции.

Меня сопровождал В. А. Шуф и его неизменный спутник, слуга-друг Осман Мамутов.

Оба ехали верхами.

Мы приблизились к этапу Сяолиндзе по дороге в Ляоян когда со стороны Анпина услышали гром орудийных выстрелов.

Повернули по Анпинской дороге.

Это место опасное и часто посещаемое бродячими шайками хунхузов.

Здесь поэтому часты наши казацкие разъезды.

И действительно, не проехав и несколько вёрст, мы нагнали один из них.

Поехали вместе с казаками.

— Где это, братцы стреляют? — спросил В. А. Шуф.

— Генерал Гершельман бьётся... — отвечал один из казаков.

Я невольно обратил внимание, что некото-

рые из казаков были в китайских головных уборах — остроконечных соломенных шляпах.

Вдруг один из казаков спешился и стал пристально всматриваться в дорогу, тоже сделали и другие.

— Японцы и здесь проезжали... — вдруг заявили они.

— Почему вы знаете?

— А след от подков ихних виден...

— Разве есть разница...

— А то как же!.. У них подкова длинная и чистая, след явственен... А у нас круглая... На следу смазывается...

Мы все стали пристально смотреть на дорогу, и действительно оказалось, что сметливый казак прав.

Гул выстрелов между тем продолжался.

— А не проехать ли нам туда?.. Как дорога?

Последний мой вопрос относился к казам.

— Дорога хорошая и долиной и горкой...

Выстрелы слышались всё ближе и ближе.

Отряд генерала Гершельмана составлял левый фланг отряда генерала Келлера.

На сопках, там и тут, то появлялись, то исчезали фигуры китайцев.

Дорога всё время шла между сопок, покрытых зелёной травой, или же низкорослым кудрявым леском.

Въехав на одну из таких сопок, я услышал тонкий свист, короткий, но всё чаще и чаще повторяющийся.

— В леску поют птички... — подумал я.

Но меня разочаровал в этом первоначальном идиллическом предположении другой звук, более резкий, похожий на «дзы».

Я понял, что мы попали в линию огня.

Японские пули достигали до нас и падали на камни и песок, производя этот неприятный металлический звук.

Мы приблизились к реке Тайцыхе и были невдалеке от Сихияна, который отстоит от Ляояна в 60 верстах.

Но вот перед нами вырисовался отряд казаков.

Мы поехали к нему навстречу.

Это оказалось отступавшая сотня Аргунского полка.

К сожалению, мы попали в момент когда

наши стали отходить.

— Что, как? — задали мы в один голос стереотипный вопрос молодому хорунжему Т.

При этом мы повернули за отступавшей сотней, тем более что канонада прекратилась, и свинцовые птички-пули перестали петть свои песенки.

— Бой идёт уже третий день... — отвечал хорунжий. — Японцы четыре раза меняли позиции своих батарей, но мы счастливо и метко подбивали их, и наконец некоторые батареи замолчали... Японцы стали отступать... Мы подбили у них около десяти орудий, и полковник Трухин с двумя сотнями казаков отправился взять подбитые орудия, но сотни были встречены цепью стрелков, открывших сильный огонь, и принуждены были отступать.

— Без потерь?

— Почти... Под полковником Трухиным была убита лошадь.

— Что же потом?

— Японцы, видимо, получили подкрепление из резервов, у них везде есть резервы, но всё же мы сильно теснили их... Кроме того, в

нашу артиллерию с фланга начали стрелять хунхузы, несомненно организованные японцами в целый отряд. Мы им однако дали знать себя, врубились в них... До девяноста человек было зарублено, а тринадцать взято живьем...

— И долго продолжается каждый день бой?..

— С рассвета вот до этого времени, до сумерек...

Солнце действительно в это время закатывалось за сопки, обливая их вершины ярким светом, как бы последнею вспышкой догорающего дня.

— А японцев много?.. — спросил я.

— Есть таки, их всегда много, просто не знаешь: откуда они берутся... Наши казаки очень метко выражаются про их численность, «что грязи». Говорят, теперь они сосредоточивают свои силы против Сихиана с намерением отрезать Ляоян от Мукдена... Не знаю верно ли это.

Сотня остановилась, чтобы расположиться на биваки, а мы поехали обратно в Ляоян.

Ночевав на первом же встретившем этапе,

мы уже днём после обеда вернулись в Ляоян.

Ляоян снова в тревоге.

Рассказывают, что китайцы массами уходят из города.

Полагают, что это признак того, что японцы идут на Ляоян, хотят отрезать его от Мукдена.

Я хочу рассказать небольшой эпизод из моей бродячей жизни по театру военных действий, как-то ускользнувший из моей памяти под впечатлением более потрясающих картин, а теперь вдруг выплывший на поверхность моих воспоминаний.

Ночь, тёмная, непроглядная, словом, маньчжурская ночь.

На передовых позициях не спят, но и огни не зажигаются.

Японцы близко — они расположились на соседних сопках.

Ещё с вечера видели, как они копошились на них.

Непроглядный мрак иногда вдруг рассеивается внезапным и мгновенным светом.

То тут, то там появляются разноцветные, вспыхивающие огни.

Это японцы сигнализируют друг другу.

— Эх, как на свет этот да тарарахнуть... — слышится возле меня замечание, произнесённое пониженным шёпотом.

Я лежу на траве, со сложенной буркой под голову, рядом с офицером.

— И ничего, дурья голова, не будет... Потому ён сигнальщик один и завсегда ён китаец...

— Китаец?

Даже по шёпоту можно различить свежие ноты голоса — он принадлежит, очевидно, молодому солдатику, недавно прибывшему в часть.

— Завсегда он, длиннокосый... — хрипло шепчет, видимо, старый боевой казак. — Так бы, кажись, их всех и прирезал, да начальство не допускает...

Я в первый раз видел такую усиленную сигнализацию и также тихо обратился к моему соседу-офицеру:

— Вы спите?

— Что вы? Разве мне можно спать... Каждую минуту начеку надо быть... Желтолицые что-то сегодня сигналами разыгрались!.. Мо-

жет к нам пошлют гостинцы...

— И сигнализируют им, действительно, всё китайцы?

— Всё они... Казак прав... Мы недавно набрели на самой вершине сопки на одинокую китайскую фанзу... В ней живёт китаец с семьёй. В фанзе, как обыкновенно, большое окно, половина которого заклеена белой, а половина красной бумагой, а в фанзе, как бы выдумали, что?

— А что?

— Лампа-молния... Откуда у китайца такой комфорт? Конечно, японцы снабдили, для сигнализации... поставить перед одной половиной окна — красный свет, перед другой — белый...

— Что же вы сделали с этим китайцем?

— Как что? Ничего!

— Ничего? — удивился я.

— Конечно, ничего, ведь он мирный житель, к нему надо относиться с доверием и уважением.

Мой сосед замолчал.

Я тоже.

Говор между соседними солдатиками тоже

замолк.

Водворилась гробовая тишина.

Сигнализация прекратилась.

Слышится разговор, видимо, разводящего посты.

До меня явственно доносятся следующий слова:

— Ты смотри ни-ни, а чуть что, так сейчас...

Вот он, казачий лаконизм.

Прислушиваюсь к снова наступившей тишине.

Там и сям опять начинаются солдатские беседы.

Вот совсем близко от меня и явственно слышу следующую речь.

Говорит, судя по голосу, несомненно старый солдат.

— Лонись с братаном по елани сундулой хлыняли на бараклане...

— Это на каком же языке он говорит? — шепнул я офицеру.

— По-забайкальски...

— Разве есть такой язык?

— Значит есть, коли на нём говорят...

— И вы понимаете?

— Привык...

— Что же значит эта фраза?

— В прошлом году мы с двоюродным братом по склону горы вдвоём шли тропотом на двухгодовалом бычке...

Я подивился забайкальскому языку, о существовании которого даже не подозревал.

В этот самый момент впереди нас послышалось несколько выстрелов, по звуку японских. на них отвечали наши.

Офицер вскочил и бросился вперёд.

Выстрелы на несколько минут смолкли, но затем с горы началась трескотня.

Это японцы стреляли пачками прямо в нашу сторону.

Стреляли они на звуки выстрелов, или же по сигналам — неизвестно.

Но вот выстрелы стихли и лишь несколько пуль просвистало над нами.

Мой сосед-офицер возвратился.

— Что случилось?

— Подкрался японский разъезд и начал стрелять, его угостили, как следует... Едва ли все ушли... Ведь наглость-то какая, думают

ночью спят... Лезут на целый передовой отряд...

— Да, мальчики удалые... — заметил я.

— Тем скорей себе сломят голову... — сказал мой собеседник, укладываясь снова рядом со мной.

На востоке заалела светлая полоса.

Здесь как быстро темнеет, так быстро и рассветает.

Скоро из-за сопок брызнули на землю первые лучи яркого, жгучего солнца.

Настал день.

Мой сосед-офицер оказался правым.

Японский отрядец, действительно, угостили как следует.

Шесть человек японцев лежали убитыми, но совершенно раздетыми.

— Что это значит?..

— Их раздели китайцы... Это всегда бывает... Они по ночам шастают, как гиены, и видят также, как они.

Мне бросился в глаза один убитый японский солдат, лежавший с распростёртыми руками.

Худенький, маленький, совершенно маль-

чик с широко раскрытыми глазами, в которых мне показалось, остановились слёзы.

Кажется, до конца моей жизни я не забуду этой ужасной картины, достойной кисти, увы, покойного Верещагина, как протест против страшного общечеловеческого зла — войны.

На противоположных двух сопках расположились в большом числе японцы — их маленькие фигурки перебежали с места на место.

Я ясно видел их в бинокль.

У нас оказалось также несколько легкораненых и два контуженных рикошетом.

— Самое скверное поранение это — рикошетом, — сказал мне офицер, — контузия-то пустяки... Я говорю о ранах... Они ужасны. Я сам видел два поранения... Одного ранило в грудь и кусок лёгкого вылетел через спину... У другого сорвало кусок черепа, казаки подхватили его и повезли на перевязочный пункт на двух лошадях рядом, но, увы, не довели живого, от сотрясения у него выпал мозг.

XXIX

Терпенье, терпенье!

Командующий маньчжурской армии А. Н. Куропаткин, произнёсший перед отъездом в действующую армию слова: «Терпенье, терпенье, терпенье», которые несомненно станут историческими, показал этим мудрое предвидение совершающихся в настоящее время перед нашими глазами событий.

Видимо он весьма основательно не разделял того высокомерного взгляда, который до начала войны, и частью после её начала был господствующим не только в общественных сферах, но и в военных кругах, на японцев как на совершенно неопасных врагов, на численность их войск и на боевое их качество.

Он хорошо знал и тогда, как знают теперь все, что борьба с японцами будет упорна и продолжительна, что они, находясь поблизости к своей базе — морю, уже этим одним имеют над нами преимущество численности, которой мы противопоставить свою численность можем лишь через очень большой срок

времени.

Он хорошо понимал, что японцы взяли последнее слово военной науки и техники, что к этому они прибавили чисто азиатскую хитрость и поразительную наблюдательность, и таким образом, в общей сложности, представляют из себя более чем серьёзного противника.

Он принял тоже во внимание условия местности, хорошо знакомой и привычной для японцев, а для нас представляющий почти непреодолимые трудности.

Всё это легло в основу созданного им плана кампании, который до сих пор блестяще выполняется, — выманить японцев из гор на равнину, где и дать им решительное сражение.

Где будет сражение ещё неизвестно, но японцы, увлёкшиеся лёгкостью, с которой русские оставляют свои позиции, уже достаточно зашли вперёд, чтобы в самом непродолжительном времени дать возможность развернуться и нашей кавалерии, нашей железной пехоте и уже достаточно грозной артиллерии.

Следует ли признать таким сражением бой на южном фронте, начавшийся с рассвета 10 июля и продолжавшийся до 12 июля?..

Я думаю, что нет, и это не моё единичное мнение, а многих представителей генерального штаба, с которыми мне пришлось беседовать по этому поводу, почти в виду шедшего боя, при громе артиллерийских снарядов, при свисте пуль, многие из которых перелетали на далёкое пространство, но бессильно падали на землю, даже не зарываясь, как камешки.

— Это не решительный бой, — говорили они, — вы увидите, что воюющие останутся на своих позициях... Мы снова отступим...

— Снова отступим? — тревожно спросил я.

— Почему вас это так пугает? — улыбаясь сказал мне симпатичный полковник генерального штаба, фамилия которого ускользнула из моей памяти. — Это так и следует...

Так и произошло.

С рассветом 10 июля наши казаки выдвинулись вперёд, спешили и, открыв огонь, стали подходить к позиции японцев.

Последние, следуя своему обыкновению,

подпустили их, а затем открыли убийственный огонь и выслали пехоту.

На поддержку казакам выехала батарея, дала несколько выстрелов, снялась и укрылась в другом месте.

Японцы стали осыпать градом снарядов то место, откуда наша батарея дала первые выстрелы — это была довольно высокая сопка, которая вся была изрыта артиллерийскими снарядами.

Японцы стреляли с комической, если можно только, при таких обстоятельствах, употребить это слово, настойчивостью.

Между тем наша батарея из прикрытия стала обстреливать японские колонны, которые казались, даже в бинокль, тёмной вьющейся лентой.

Это был только местный эпизод боя, разыгравшегося на огромном пространстве между Ньючжуаном и Дашичао.

К семи часам вечера 10 июля бой утих.

Потери наши были в этом месте ничтожны.

Я вернулся в Дашичао, где весь день 11 и утро 12 июля, когда поезд двинулся в Харбин,

слышал непрерывную канонаду.

От прибывших на станцию офицеров я узнал, что у командующего южным отрядом генерала барона Штакельберга было 20 батальонов пехоты, бригада артиллерии и дивизия казаков, и что он стягивает свои силы вокруг японцев.

Позиция последних положительно засыпана русскими артиллерийскими снарядами, но вследствие высоты позиций ими не было причинено много вреда.

Это происходило на востоке от Дашичао, в горной местности.

Атаку вела дивизия под командой генерала Кондратовича.

По словам офицеров, наши солдаты уже стали применяться к местности и без труда лазать по прежде трудно проходимым для них сопкам.

К чему только не применится русский солдат.

— Теперь уж казак лезет на сопку с лошадыю в поводу и, достигнув вершины, высовывает только одну голову и смотрит, а прежде, бывало, вытянется во весь рост и стоит как

столб... Понятно, что японцы, увидя пост, могут сообразить, особенно имея карты полверсты в дюйме, где находится бивак и начать его обстреливать почти с математической точностью... Их часовые обыкновенно лежат, их и не видно... Приноровились ложиться теперь и наши, отбросив русскую откровенность...

Мой собеседник оказался человеком бывалым, долгое время проведенный в отряде генерала Ренненкампа, сильно тревожившем японцев своими быстрыми передвижениями.

Разговор перешёл на самое болезненное место настоящей войны — участие в ней китайцев и хунхузов.

— Кто их разберёт, — сказал он, — мирный ли он китаец или хунхуз... На моих глазах был такой случай... Идёшь с разъездом мимо поля... На нём работают китайцы... Только отошли на значительное расстояние, как сзади раздаются выстрелы... Это стреляют по тебе же китайцы...

— И вы их не преследуете?

— Как тут преследовать... Он выстрелит и убежит, спрячет ружьё в укромном месте и

опять «мирный китаец». А об сигнальщиках-китайцах нечего и говорить... Только остановишься как-нибудь с отрядом, вдруг с сопки столб дыма.... Это китаец зажёт приготовленный заранее на вершине стог соломы гаоляна и тоже убежал, — ищи его...

В это время поезд тронулся и мы расстались.

В Харбине ходят упорные слухи, что мы очистили Дашичао и Инкоу, но японцы не заняли ещё ни того, ни другого.

Слухи эти подтверждаются тем, что А. Н. Куропаткин, побывав в Анпине в восточном отряде графа Келлера, где также, как слышно, происходил бой, перенёс свою главную квартиру в Хайчен.

Японцы видимо идут на Ляоян кольцом и хотят окружить его.

Под Ляояном и произойдёт вероятно решительное сражение.

Таково мнение здешних высших военных сфер.

Поживём — увидим!

XXX

Бой под Дашичао

Только после двухмесячной жизни в вагонах, грязных китайских фанзах, в палатках и под открытым небом на биваках, проводя сутки в приближающейся к человеческой обстановке в городе Харбине, можно кое-как разобраться в том страшном, мучительном впечатлении, которое я вынес из последнего боя под Дашичао — для меня, по крайней мере, несомненно последнего, так как мои нервы окончательно не выдержат повторения подобного испытания.

Я как-то уже имел случай заметить, что современные битвы лишены поэзии.

Поэтому и художникам здесь делать нечего — они могут интересоваться лишь оружейных техников.

Личная храбрость, удасть, смётка, сила, выносливость — качества, отличающие русского солдата и вызывавший удивление великих полководцев всего мира, теряют всякое своё значение под свинцовым дождём артилле-

рийских снарядов, Бог весть откуда осыпающих людей, так как неприятель даже не виден невооружённому биноклем глазу, или же в лучшем случае видны только какие-то тёмные движущиеся массы.

Так было и при Дашичао.

Я воспользовался любезностью одного капитана генерального штаба, предложившего мне свою вторую лошадь, и доехал в шестом часу утра от станции Дашичао по направлению слышавшейся канонады.

Отъехав около 7 вёрст, мы приблизились к деревне Чангацзы, откуда начинались наши позиции.

— Эта деревня, — сказал мне мой спутник, — замечательна недавним подвигом нашего невооружённого солдатика, который, войдя в одну из фанз, застал в ней двух японских солдат и китайца в мирной беседе. Винтовки были положены в стороне. Солдатик не растерялся и бросился на японца, схватившего было винтовку, другой убежал в окно, позабыв свою. Японец с винтовкой не успел опомниться, как солдатик отнял у него винтовку, повалил на землю и припёр коленом в грудь.

Держа отнятую винтовку в левой руке, он правой схватил остолбеневшего от неожиданности хозяина-китайца за косу, обмотал ею руку и взявши этой же рукой за шиворот японца, доставил своих пленников на пост.

— Как звали нашего солдатака?

— Этого не сумею вам сказать.

Мы приблизились к нашим позициям.

Артиллерийский огонь с обеих сторон был страшно силён.

При этом я заметил, что наши орудия дают при выстреле лёгкий дымок, между тем как японские не дают ни малейшего, виден только огонь, что указывает на посланную в вас шрапнель.

Я посмотрел в бинокль и различил двигающуюся между сопками чёрную ленту японской пехоты, которую обстреливали наши стрелки.

Наши батареи — говорят, что у нас действовало более ста орудий — направили свои выстрелы против неприятельских батарей.

Этих батарей не было видно даже в мой, довольно сильный бинокль.

Их расположение можно было только

определить по мелькавшим огонькам.

Едва видимая пехота, в свою очередь, отстреливалась от нашей.

В воздухе стоял какой-то треск и гул, заглушавший свист пуль и шип шрапнелей, которые были слышны лишь во время небольших перерывов между выстрелами.

Пули долетали до нас, но не причиняли нам вреда, ввиду слишком далёкого расстояния.

Они падали, как мелкие камушки.

Поэтому меня крайне удивило, когда один солдатик, стоявший вблизи от меня, вдруг упал как подкошенный.

— Он убит! — воскликнул я.

— Солнцем...

— Как так?

— С ним солнечный удар.

Несчастливого солдатика понесли в подвижной лазарет.

— Часты случаи солнечных ударов?

— Нельзя сказать, чтоб часты, но бывают...

Ведь солнце-то жжёт как бешеное.

Действительно, воздух казался накалённым, трудно было дышать и даже тонкая че-

чунчевая сорочка и шаровары составляют страшную тяжесть.

Я не отрывался от бинокля.

Мне ясно была видна одна из наших батарей, все шесть орудий которой действовали прекрасно и, видимо, приносили сильный ущерб неприятельской.

Японские батареи сосредоточили на ней свой убийственный огонь, но долго безрезультатно.

Их снаряды или не долетали, или перелетали и рвались сзади.

Кстати мне по поводу перелёта снарядов говорил один артиллерист.

— Самое худшее, когда граната упадёт сзади и шипит... Впереди её по крайней мере видишь, а тут только слышишь, и повернуться жутко... Неприятное чувство... Шрапнель — та лучше, разрывается в воздухе, а граната брякает на землю и начнёт крутить и шипеть, кажется, целую вечность...

Но я прервал нить моего рассказа.

После довольно продолжительной безрезультатной бомбардировки нашей батареи вдруг я увидел, как одно из орудий, как жи-

вое, подпрыгнуло и затем склонилось.

— Подбили таки одно орудие... — раздался возле меня голос моего соседа, тоже смотревшего в бинокль. — Теперь пойдут крошить по прицелу... Надо переменить место...

Батарейка вскоре действительно исчезла из поля моего зрения.

Она переменила позицию.

Канонада и стрельба продолжалась, но между противниками расстояние не уменьшалось.

— Почему же наши стрелки не переходят в наступление и не бросятся в штыки? — вырвалось у меня.

— Это невозможно! Японцы не принимают штыкового удара.

— А какое нам дело, что не принимают, ударить, да и только...

— Они быстро расступятся, впустят в середину и откроют ружейный огонь с боков... Штыковая работа с ними может быть только ночью.

Совершенно разбитый, оглушённый, с подавленными нервами я поехал назад на станцию Дашичао, откуда поздним вечером дол-

жен был отходить поезд в Харбин, но он отошёл только утром.

В момент отправления поезда бой продолжался.

Как я узнал впоследствии, он окончился в 11 часов вечера и возобновился на другой день.

Настоящая война отличается продолжительностью боя.

Японцы имеют над нами преимущество количеством выпускаемых снарядов, но вместе с тем этим объясняется и медленность их движения.

Это мнение высказал мне подполковник генерального штаба Д. Э. Конге.

— Почему?

— Это типичная, характерная десантная операция. База у них море. Подвоз снарядов близок... Они выпускают их без счёта, а затем останавливаются, укрепляются и только с подвозом новых идут далее.

Уже по дороге в Харбин я узнал, что бой происходил на другой день в течении четырнадцати часов с большими потерями с обеих сторон, но мы не могли удержать нашу пози-

цию и отошли в полном порядке к Хайчену в 50 верстах от Ляояна.

По общим отзывам, наши солдаты проявили изумительное мужество и стойкость.

Но что в этом случае мужество против свинцового града.

Мне невольно припомнилось при этом высказанное не раз академиками Д. И. Менделеевым и И. Р. Тархановым мнение, что усовершенствование в деле военной техники и смертоубийственных орудий сделает то, что в конце концов война будет невозможной.

К этому и идёт.

Уже теперь люди сражаются друг с другом, зачастую не видя врага.

Причём же здесь люди и их смерть?

В числе раненых при Дашичао генерал-майор Шишковский.

Маститый генерал ранен шрапнелью в руку выше локтя, причём повреждены большие нервы.

Осколок шрапнели извлечён в санитарном поезде, и генерал, человек здоровый и сильный, вероятно скоро оправится от раны.

Командовавший батареей капитан Побу-

ковский ранен пулями в поясницу и бедро.

Поручик артиллерийской бригады Ленивцев ранен пулей в поясницу.

Деятельное участие в оказании хирургической помощи во время боёв при Дашичао принимал летучий лазаретный отряд имени Её Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Фёдоровны.

Занятие Инкоу японцами

Харбин переполнен офицерами разных родов оружия.

Это не только офицеры местных частей войск, составляющий запас действующей армии, или тех частей, которые идут из России на театр военных действий и временно останавливаются в Харбине, но и офицеры, уже побывавшие на передовых позициях, окрепленные неприятельским огнём, более или менее сильно раненые, заболевшие, и отправленные сюда на поправку, или же временно командированные в тыл армии за разными запасами, необходимыми войскам там, на полях брани.

Встречи и беседы с последними представляют особый интерес.

В то время, когда раненые и больные офицеры уже обжились в Харбине, и их воспоминания относятся к более ранним, всесторонне и много раз описанным эпизодам войны, командированные являются со свежими ново-

стями, находятся под их свежим впечатлением и довольные сравнительным, так долго неиспытанным при бивачной жизни, харбинским комфортом, делаются общительнее и разговорчивее.

Их речи и воспоминания льются без конца.

К сожалению командированные офицеры в тылу армии сравнительно редки.

Мне сегодня, однако, удалось встретиться с одним из них, бывшим поручиком павлоградского полка, ныне сотником 5 сибирского казачьего полка Чариковым.

Он всё время находился в отряде генерала Самсонова, оперировавшем между Гайджоу и Ньючжуаном или Инкоу.

Сотник Чариков провёл памятную для русских жителей этого последнего города ночь на 12 июля, когда они принуждены были поспешно очистить город, в Инкоу.

Вот как он рассказывал мне об этом:

«Я приехал в Инкоу для закупки подков и другого провианта для отряда 11 июля и остановился в гостинице „Маньчжурия“. Это английская, самая комфортабельная гостиница,

с прекрасным табль-д'отом, с великолепно обставленными, в смысле удобств, номерами. Со мной, по счастью, было шесть казаков. Закупив провиант и заказав подковы, я с аппетитом поужинал в гостинице и с наслаждением растянулся на мягкой постели. Вы вероятно, испытали это отрадное чувство здесь, в Харбине, после ваших скитаний по Ляояну, Хайчену, Дашичао и бивакам передовых позиций... Но вы не истомлялись на десятую долю так, как мы, казаки, бессменно находившиеся на передовых позициях, нос с носом с неприятелем, всегда начеку, лишённые удобств, а подчас и возможности, вследствие постоянных передвижений, утолить свой голод... Да и Харбин не может сравняться с Инкоу... Поэтому вы должны удесятить, по крайней мере, моё наслаждение... И так я лёг в свежую мягкую постель, и сладкую истому вскоре сменил крепкий сон... Вдруг — страшный стук заставил меня вскочил с постели... Спросонок я с трудом понял, что стучат мою дверь... Отворяю — передо мной стоит один из моих казаков...

— Чего тебе?

— Так что, ваше благородие, уходить надо...

— Почему?

— Так что идут японцы...

Я быстро оделся, сдал казаку свой небольшой багаж и вышел на улицу... Там уже всё было в тревоге... Русские бежали к катеру, который должен был перевезти их на станцию железной дороги, понукая китайцев, нёсших за ними их багаж и всякий домашний скарб... Много в этой трагической обстановке было и комического. Слышался плач жён, воркотня мужей. Особенно комичны были фигуры одного чиновника и чиновницы, затеявших на улице семейную сцену... Я нашёл моих казаков около почты, где тоже была суета, складывались тюки корреспонденций, посылок, служебных книг и бумаг... Казаков я отправил в отряд, а сам поспешил на катер... В толпе я наткнулся на что-то ногой, нагнулся посмотреть и выронил из наружного бокового кармана моей рубашки портсигар... Мне стало жаль потерять его, начал искать, нашёл, но это промедление было для меня роковым... Катер ушёл. Можно было, конечно, добраться

до станции по берегу излучины реки Ляохе, но это очень далеко и при том в городе не было ни одного свободного рикши. В это время показался приближающийся к берегу катер... Надежда добраться на нём до станции мелькнула в душе, но ненадолго. Катер, оказалось, прибыл за градоначальником и его канцелярией... Тут между китайцем-командиром катера и мною разыгралась любопытная сценка.

— Когда отойдёт катер? — спросил я.

— Когда прикажет градоначальник...

— Он знает, что ему приготовили катер?

— Не знаю, я даже не знаю, где он здесь живёт...

— Как же это вы, командир катера, приехали за градоначальником и не знаете, где найти его...

Но китаец остался видимо при полном убеждении, что это в порядке вещей.

Видя, что толку тут не добьёшься, я нанял китайскую шаланду и поехал на станцию. Приезжаю, поезда нет!

— Где поезд?

— Он стоит за две версты отсюда.

— Почему?

— Видите, что разрушают путь...

И действительно солдатики уже снимали шпалы и рельсы и ломали стрелки и т. д.

Пройдя версты две, я нашёл поезд, который уже в течении нескольких недель стоял на станции под парами на случай отступления... Меня поразило то, что в поезде было довольно много свободного места. Я обратился за разъяснением этого к одному из железнодорожных агентов...

— Ввиду того, что поезд должен отойти далеко от города, многие побросали свои пожитки, а некоторые просто остались в городе...

Жители впрочем всё ещё прибывали, и поезд в конце концов наполнился и отошёл к Дашичао.

Тесно впрочем не было.

Японцы, как известно, заняли Инкоу.

Они вошли в город около пяти часов дня 12 июля и поставили посты.

Китайские городские власти вышли им навстречу, милиция перешла на их сторону.

Наш гарнизон до этого времени, конечно,

успел оставить город, увезя все интендантские запасы.

К вечеру в город вступил отряд японской пехоты, состоящей из совершенно молодых солдат.

Оставшиеся русские подданные находятся под покровительством французского консульства, и на их домах развеваются французские флаги».

— В скольких верстах от города были японцы, когда началось очищение Инкоу? — спросил я сотника Чарикова.

— Верстах в десяти...

— Долго, как вы думаете, удержатся там японцы?..

— Трудно ответить на этот вопрос! Вся русская администрация Инкоу живёт в настоящее время в Харбине в вагонах, готовая вернуться тотчас по взятии Инкоу обратно, но во-первых, наши военные операции отодвинулись теперь дальше на север между Хайченем и Айсазаном, а во-вторых, японцы, конечно, постараются удержать за собою Инкоу, сделав из него базу для доставления продовольствия... Недаром они проводят дорогу от

Гайджоу к морю... Устье реки Ляохе для них драгоценно...

— А какая судьба постигла канонерскую лодку «Сивуч»? Ведь он стоял в устье Ляохе?..

— Этого я не знаю! Я её не видал в Инкоу и когда спросил, где она, мне сказали, что «Сивуч» ушёл за двадцать вёрст вверх по течению... Быть может он направился к Хайчену...

Река Ляохе на всём этом пространстве судоходна для мелких морских судов.

После рассказа об очищении Инкоу, сотник Чариков перешёл к отдельным эпизодам из жизни южного отряда генерала Самсонова:

«Кавалерия в настоящую войну, — начал он, — несёт тяжёлую службу... Она везде на передовых позициях и в силу этого ежедневно терпит, хотя и незначительную, но постоянную убыль в людях убитыми или ранеными... Она же подвергается всевозможным ухищрениям японцев... Не так давно был, например, следующий случай. Стоит на посту ночью казак и видит близ него кто-то ползёт...

— Кто идёт?

— Свой...

— Кто свой?

— Раненый, ползу...

На этот разговор подошёл унтер-офицер и начал продолжать допрос:

— Ты чей?

Это казацком языке значит, какого полка.

Но ползущий, как оказалось потом, японец, не понял этой формы речи, или же лексикон выученных им русских слов истощился, только он повернул обратно и, пригнувшись, побежал, за ним побежало ещё несколько человек, но пуля часового положила „своего раненого“ на месте».

— Многие японцы выучились говорить по-русски и этим пользуются для введения русских в заблуждение... Наглы они ужасно... Но и русские уже приноровились к ним и не остаются у них в долгу. Четыре японских кавалериста, с целью рассмотреть расположение нашего отряда, пробрались с фланга на горку, засеянную гаоляном... Но в гаоляне был наш разъезд из четырёх казаков... Увидя непрошенных и бесцеремонных гостей, наши притаились в гаоляне и стали ждать... Впереди ехал один японский драгун, а сзади трое...

Им показывали дорогу несколько китайцев... Как только первый японец поравнялся с залёгшим в гаоляне нашим казаком, последний вскочил и за ноги стащил его с седла на землю... Тот не успел выхватить сабли, как уже был скручен нашим казаком. Остальные японцы бросились наутёк. Нашим казакам достались только проводники-китайцы, да стащенный с седла японский драгун. Первых они привязали косами друг к другу и доставили всех своих пленников живьём в штаб отряда.

— Чем вы объясняете эту смелость японцев?

— Пьянством! Их положительно спаивают «ханшином». От пленных, раненых и убитых так и несёт отвратительным запахом этой китайской водки. Ханшин — ведь это такое снадобье, что стоит, напившись с вечера, выпить на другой день воды, как человек делается снова пьяным...

— Не известны ли вам какие-нибудь ещё интересные военные эпизоды последнего времени? — спросил я.

— Пожалуй, вот случай с моим товарищем

по полку, тоже бывшим поручиком павлоградского полка ван Бенингеном. Его спас от смерти висевший у него на груди большой эмалированный крест. В кавалерийской атаке японский офицер нанёс ему удар саблей, но удар пришёлся по кресту и был так силён, что вся эмаль с креста слетела, но это препятствие сделано то, что сабля соскользнула и у ван Бенингена оказалось лишь разрублено левое плечо, а иначе бы была разрублена вся грудь...

* * *

В Харбине мне удалось видеть два интересных документа.

Один из них письмо на французском языке некоего Гофонга из Чуфу.

В нём он рассказывает одному офицеру, что обращался к японским властям с просьбою разрешить его жене выехать из Порт-Артура, но получил категорический отказ.

«Впрочем — замечает он — сюда, в Чифу, очень часто приезжают из Порт-Артура русские, которые сообщают, что в крепости жизнь идёт своим чередом, спокойно и даже весело, поэтому он, Гофонг, не особенно тре-

вожится за свою жену».

Другой документ — это два письма раненого и взятого в плен японского офицера Хоа-ио-ди, адресованные в Японию в город Иоко-Кен, некоему Ито, а другое — ротмистру кавалерии Сазаки.

Письма писаны, конечно, по-японски, но к ним присоединён сделанный здесь перевод.

Автор писем не нахвалится обращением с ним русских властей, офицеров и солдат и замечает, между прочим что на его здесь положении всецело оправдывается японская поговорка: «С ружьём — враг, без ружья — приятель».

XXXII

Бой под Сихеяном

Я уже писал о бое под Сихеяном отряда генерала Гершельмана.

Спешу теперь поделиться подробностями этого славного боя, полученными мною от одного из его участников, штаб-ротмистра Шацкого.

«Отряд наш, — сообщает он, — в составе шести батальонов пехоты, четырёх батарей 9 артиллерийской бригады и пяти сотен нашего 1 аргунского казачьего полка занимал укреплённую позицию у деревни Сихеян.

Позиция недурна, но, как и все они здесь, обходилась с обоих флангов, вследствие чего для противодействия необходимо было отрядить два батальона и горную старую батарею.

Следовательно, на позиции осталось четыре батальона и 32 орудия.

5 июля, часов около двух дня началась перестрелка на заставах, и не прошло часу времени, как показались густые цепи японской пехоты, спускавшиеся большими массами с

гор.

Артиллерия наша открыла по ним огонь, что заставило их приостановиться, но через некоторый промежуток времени их наступление вновь возобновилось и уже с большей энергией, особенно в обход нашего правого фланга.

Наша артиллерия открыла по наступавшим убийственный огонь и, несмотря на всевозможные закрытия, высокий гаолян, скрывавший совершенно наступающие колонны, клала их массами.

Часов около шести начался и ружейный огонь, который японцы развили до страшной силы.

Батареи их не выезжали, так как сделать это было невозможно ввиду трудности выезда на позицию.

Перестрелка продолжалась безостановочно, орудия наши громыхали до самой темноты и уже с наступлением мрака снялись, оставив ночью дежурные орудия.

Ружейная перестрелка продолжалась тоже до позднего вечера.

Часов около девяти вечера приехал к пол-

ку подполковник Гурко и передал приказание генерала Гершельмана атаковать неприятельскую кавалерию, появившуюся перед фронтом позиции, т. е. перед нашими окопами.

Мы на рысях двинулись исполнять приказание, но перед деревней Сихеян, за которой шёл спуск к реке, остановились, выслав вперёд лаву из сборной сотни казаков 2, 4 и 5 сотен.

Несмотря на то, что я командовал 5 сотней, последнюю я оставил на месте, а сам, как знающий Сихеянскую позицию, как свои пять пальцев, с сотником Бакшеевым повёл лаву вперёд.

Пройдя окопы, на самом берегу реки, я приостановился и стал расспрашивать стрелков о кавалерии, и уже двинулся вперёд через реку, как блеснула линия огней с того берега и нас осыпали дождём пуль.

Как мы вывернулись и прибыли к полку, один Господь знает, но уцелели все и только потеряли несколько лошадей.

Японская цепь, как оказалось, была на том берегу реки и стреляла по нас в 100–150 ша-

ГОВ.

Этим эпизодом окончился бой 5 июля.

Остальные сотни полка тоже были осыпаны пулями, но потерь в людях не было.

В два часа ночи я стал с сотней на левом фронте позиции с целью её прикрытия от ближайшего обхода, расставил посты на реке, сотню разместил в деревне, чтобы прикрыть от могущего быть огня, а сам стал наблюдать передвижение наших войск.

В три с половиною часа начался рассвет чудного утра, и ровно в четыре грянул орудиный залп со стороны японцев.

Наши батареи ответили частым огнём, и началась борьба стальных чудовищ.

Часа два безостановочно грохотали орудинные выстрелы.

Наши развили адский огонь, японцы отвечать не успевали и стреляли не особенно метко, так что потерь у нас было мало.

Затем канонада прекратилась минут на пятнадцать, но потом возобновилась с такой страшной силой, что всё гудело и стонало, и тут-то выяснилось, что у них имеется шесть или семь батарей.

Шрапнели рвались всюду.

Кажется не было места, куда бы японцы не бросали свои снаряды.

Но разгуляться им не дали.

Наши батареи действовали выше всякой похвалы и, несмотря на убийственный огонь, прислуга работала как на учении.

Наши шрапнели рвались под самыми японскими батареями, и в бинокль отлично было видно, какой беспорядок и суету производили они на неприятельских батареях, которые с каждой минутой стреляли всё хуже и хуже.

Не прошло и двух часов, как две японские батареи замолчали окончательно — погубило их желание занять новую, более удобную позицию.

Сняться им дали, но въехать уже не удалось!

Около половины первого начались ружейные перестрелки, которые походили скорее на барабанную дробь, то усиливаясь, то уменьшаясь.

Около этого времени пришло донесение, что три роты с горной батареей обходят наш

левый фланг, имея тяготение к реке с целью выйти на Гутцяузы, и тогда же сделалось известно, что японцы обходят и правый фланг, и там уже давно, сзади позиции идёт бой наших пяти рот.

К трём часам дня японцы подтянули все свои силы и готовились к общей атаке.

В это время нашим батареям пришло приказание сниматься с позиций и вытягиваться по дороге на Гутцяузы, что и было исполнено с замечательным искусством и неожиданно для японской артиллерии, которая открыла страшный огонь только тогда, когда все орудия были свезены вниз и потому стрельба их была безрезультатна.

Пехотный бой вступил в свой фазис.

Трескотня, залпы сливались в один рокот.

Японцы наступали густыми цепями, роились в громадные кучи и быстро приближались с фронта позиции.

Лезли они всюду, как тараканы из щелей.

На фронте позиции их буквально расстреливали.

Весь берег реки был покрыт трупами, вода окрашивалась кровью.

Японская артиллерия, освободившись от огня наших батарей и почувствовав свободу, непрерывными выстрелами и залпами стала посылать свои гостинцы в наши окопы.

Сидеть в них становилось невозможным.

Около половины пятого пришло приказание отступить, задерживаясь на удобных местах, и весь отряд постепенно стал втягиваться в долину и отходить.

Японская кавалерия сделала было попытку повести атаку по отступавшим цепям, но несколькими залпами была рассеяна.

Я, штаб-ротмистр Шацкий, со своей 5 сотней, и 2 сотня под начальством подъесаула Токмакова получили приказание атаковать японскую кавалерию, если она покажется, но её и след простыл.

Поэтому пропустив весь отряд, спрятавшись в разных местах, мы устроили засады, но пострелять не пришлось, так как японцы не показывались.

Отряд наш благополучно дошёл до Гутцяузы, где и стал биваком.

Генерал Гершельман остался на 2 этапе старо-ляоянской дороги в деревне Ляндесян.

На перевале восточнее деревни Ляндесян стала на позицию 4 Забайкальская казацкая батарея под прикрытием роты пехоты и сотни наших казаков.

Я с сотней стал на заставу и выставил посты.

Скоро совершенно стемнело.

Потери наши не особенно велики.

Артиллеристы потеряли 56 человек убитыми и ранеными.

По нашим подсчётам японцы имели в бою около двух дивизий пехоты, а с обходными колоннами их было пожалуй и больше.

Нас, следовательно, было ровно в три раза меньше.

Бой этот, поэтому, может действительно назваться славным».

XXXIII

В тылу армии

Крайним северным пунктом маньчжурской действующей армии является город Харбин.

Это — тыл армии.

Познакомиться с этим пунктом было очень интересно, особенно, когда мы, военные корреспонденты попали, волею судеб, в Харбин по независящим от нас обстоятельствам.

Тыл армии это, так сказать, её сердце и пищевод, отсюда она получает свои жизненные силы и продовольствие.

Все эти органы тела действующей армии и сосредоточены в Харбине.

Я нашёл случай, при любезном содействии и д. начальника окружного штаба подполковника Д. Э. Конге, познакомиться насколько это возможно подробно со всеми этими учреждениями, имеющими, как я уже сказал, огромное значение в жизни того колоссального тела, которое именуется «действующей

армией».

Мы начали со сводных госпиталей, как расположенных поблизости от Нового Харбина. Четыре барака этих госпиталей помещаются в бывших казармах, но тщательно отремонтированных, светлых, чистых и полных воздуха.

Все они одного типа, так что, описавши один, можно иметь полное представление о всех других.

Это длинное каменное или деревянное здание, разделённое на две палаты, по пятидесяти кроватей в каждом, в середине помещается перевязочная, операционная комната и комната для сестёр милосердия.

В каждом бараке на стене висит карта театра войны, и больные солдатики видимо ею очень интересуются, так как в каждом посещённом мною бараке я видел около неё группу больных и раненых, состояние здоровья которых позволяет им ходить по бараку.

Почти всегда в вазах и в банках букеты полевых цветов, собранные самими поправляющимися от ран солдатами во время прогулки по соседнему полю.

В каждом бараке есть маленькая библиотека.

Вид у выздоравливающих и отправляющихся от ран довольно бодрый.

Все они стремятся назад, на поле брани и, по словам врачей, надоедают просьбой отправить их обратно в часть.

— При возможности, конечно, исполняешь это желание, но есть раненые, для которых это немислимо, а между тем они только и живут этою мыслью, и отказ волнует их...

В обоих госпиталях штатные сёстры из московской общины сестёр милосердия «Утоли моя печали», но кроме того, есть и сёстры-добровольцы из дам местного высшего общества, Н. М. Конге, жена подполковника, изящная Л. П. Лазаревич, дочь генерала, начальника местного инженерного округа, г-жи Логинова и Мезенцова.

Л. П. Лазаревич, несмотря на юные годы, несёт службу человеколюбия наравне со штатными сёстрами милосердия, а г-жа Мезенцева обрела себя на заведование кухней для офицерских барачков, что является более чем мучительным при невыносимо жаркой

погоде.

Доктор А. Г. Делятицкий любезно указал мне на несколько действительно интересных оперированных больных.

Произведённые им операции доказывают, что доктор очень искусный хирург.

Вот рядовой 36 сибирского восточного стрелкового полка Иван Анисимов.

Он в сражении под Вафангоу был ранен пулею в лоб с разрушением левой глазницы, перенёс тяжёлую мозговую операцию.

Д-р Делятицкий вынул разрушенную глазницу, и теперь левый глаз раненого находится лишь в мякоти, а между тем раненый видит и в настоящее время настолько поправился, что сидит, читает и ходит.

Голова его, конечно, забинтована, но заживание идёт в полном порядке.

Доктор показал мне кости глазницы Анисимова, которые хранятся у него в спирту.

Другой, тоже раненый при Вафангоу, рядовой 34 восточносибирского стрелкового полка Шифиунин.

Ему шрапнелью пробило череп, образовался мозговой нарыв, пришлось сделать опера-

цию черепа — вскрытие нарыва и выпуск гноя.

Операция удалась в совершенстве.

Любопытный экземпляр раненого не шрапнелью, не пулею, а головой своего товарища, представляет из себя рядовой Степан Меньшенин.

Он так стукнулся головой о голову своего однополчанина, что проломил себе темя.

Голова товарища осталась цела.

Последний, вероятно, имеет право, подобно фонвизинскому Скотинину, ударившись со всего размаху о каменные ворота, спросить: «Целы ли ворота?»[18]

Много совершенно оправившихся солдатиков раненых в грудь и в живот навывлет.

Но это всё раны пулевые — в данном случае надо отдать справедливость японским пулям: они или убивают наповал или пронизывают насквозь, не засоряя раны.

Впрочем, за последнее время японцы стали употреблять пули более крупного калибра и даже надрезанные, разрывные, так называемые «дум-дум».

Самый большой процент поранений в но-

ги, иногда с раздроблением костей.

Много переломов ног от пуль и шрапнелей, а также от упавших на ноги двуколок.

Все эти раненые ходят тотчас по наложению повязки при помощи аппарата доктора Валковича.

Это очень несложный деревянный аппарат, позволяющий однако раненому передвигаться с места на место, не препятствуя процессу срастания костей, и облегчающий уход за ним.

С такими аппаратами много раненых бродят по баракам.

— Процесс заживления сквозных пулевых ран в грудь и в живот идёт чрезвычайно быстро, — сказал мне в другом бараке того же госпиталя д-р Э. В. Ланда-Безверхий из Киева.

При этом он указал мне на раненых 11 роты 12 восточносибирского полка Севастьянова и 5 роты 11 восточносибирского стрелкового полка Пичугина.

Оба ранены под Тюренченом.

Севастьянов в левое подреберье, причём пуля вышла в спине, около позвоночного столба, а Пичугин навывлет в грудь.

Оба в настоящее время совершенно оправились.

— Пользуетесь ли вы при операциях лучами Рентгена? — спросил я.

— Увы, нет! Рентгеновский аппарат, и то неполный, только рентгеноскоп, без рентгенографа, есть в местной железнодорожной больнице. Мы же всё ещё ждём переносных рентгеновских аппаратов для двух кабинетов, но до сих пор их не получали...

Я невольно вспомнил петербургского д-ра Добрянского, который ещё в начале мая возбуждал вопрос о необходимости рентгеновских аппаратов.

Любопытный больной лежит в одном из барачков того же 2 сводного госпиталя.

Это вольноопределяющийся, сын недавно умершего адмирала Иениша — Константин Иениш.

У него солнечный ожог спины, полученный на биваке.

Вся спина ещё и теперь светло-бурого цвета.

Интересная операция черепа произведена д-ром М. Я. Хоршаком рядовому тобольского

полка Леониду Шибанову.

Интересна самая личность этого солдата — он пошёл на войну охотником за своего родного брата, а до поступления в ряды армии был послушником в монастыре.

У него пулевая рана за правым ухом, причём пуля проломила ему череп с вдавлением осколков костей.

Пришлось сделать трепанацию черепа, вынуть осколки и часть мозговой ткани.

Раненый в настоящее время чувствует себя очень хорошо.

Заведуют другими бараками этих госпиталей д-ра Д. М. Шварц, М. Д. Гринберг и т. д.

С удовольствием констатирую, что с апреля месяца, когда стал функционировать 3 сводный госпиталь, из 2500 человек больных и раненых умерло всего шесть от чахотки.

Офицерский барак 9 сводного госпиталя помещается, как и другие офицерские бараки, в бывших офицерских квартирах, что придаёт ему более семейную и уютную обстановку.

Среди раненых в этом бараке находится легкораненый в левую ногу и левую руку на Фыншулинском перевале брат нашей извест-

ной артистки М. Г. Савиной — хорунжий Н. Г. Подраменцов.

Возвращаясь из госпиталя, мы застали Харбин украшенный флагами.

Город готовится к встрече наместника Дальнего Востока, который приезжает завтра, в 7 часов утра из Мукдена.

Госпитальное дело поставлено в Харбине более чем образцово.

В настоящее время Харбин может принять до 5500 больных и раненых нижних чинов и 225 офицеров, а через неделю — до 7500 нижних чинов и 350 офицеров, независимо от барж и возможности дальнейшего эвакуирования.

За больными и ранеными в сводных военных госпиталях особый тщательный уход и большая строгость при выпуске, чего, к сожалению, нельзя сказать о госпиталях «Красного Креста» и дворянских и земских отрядов.

В погоне за, так сказать, «статистическим успехом», т. е. за наибольшим числом пропущенных через госпиталь больных, они выпускают недостаточно оправившихся.

Было несколько случаев, когда такие боль-

ные долечивались в сводных военных госпиталях и довольно продолжительное время.

Нельзя не отдать справедливость военным врачам, работающим в харбинских госпиталях.

Они не ограничиваются этой тяжёлой и утомительной работой, но находят время разрабатывать и общие вопросы, касающиеся практической медицины в военное время.

Так д-р Розов занят исследованием современных пулевых ран.

По его словам, раны эти отличаются по своему виду и течению в зависимости от расстояния выстрела.

При выстрелах на 200 шагов наблюдается сильное разрушение костей.

На большом расстоянии раны от ружейных пуль имеют характер ушибленных.

Доктор Н. С. Безродный поднял очень важный и очень интересный вопрос о вреде ранних манипуляций над ранеными на перевязочных пунктах передовой позиций: зондирования, введения турунд, извлечения пуль и тому подобных оперативных вмешательств.

— Для последних, — сказал он мне, — нет

благоприятных условий на передовых перевязочных пунктах, этапах, в летучих госпиталях. Трудно, почти невозможно соблюсти безусловную чистоту при этой работе и дать оперируемому необходимый покой при современной их транспортировке и эвакуации.

— Но что же делать?

— Применять консервативный метод лечения, т. е. ограничиваться асептической повязкой и сравнительным покоем раненой части. Желательно было, конечно, при этом достаточное количество благоустроенных госпиталей не только в тылу армии, но и ближе к самому театру войны и возможно удобное и покойное транспортирование раненых. Последнее оставляет в настоящее время желать многого. Вы, конечно, знакомы с арбами и двуколками?

— К несчастью, знаком! — ответил я. — На них ехать и здоровому — пытка...

— А на них перевозят тяжелораненых...

— За последнее время их заменяют крытыми носилками на двух мулах, идущих гусем... — заметил я.

— Таких носилок мало, да и они не пред-

ставляют даже далёкого приближения к идеалу...

XXXIV

В складе Государыни Императрицы Александры Фёдоровны

Убит генерал граф Келлер!

Эта печальная весть облетела Харбин ещё 19 июля вечером.

Большая утрата для русской армии!

Я ещё не особенно давно был в восточном отряде, которым начальствовал покойный, и видел симпатичного генерала.

Как живой стоит он и теперь передо мной.

Он встретил меня у своей более чем скромной палатки рядом с одним из своих любимых разведчиков, поручиком Ланг.

Глубокий, в душу западающий взгляд его глаз как-то странно ясно представляется мне именно теперь, когда эти глаза сомкнулись навеки.

Он погиб в славном деле у Далинского перевала, где наши три корпуса, перейдя в наступление, оттеснили японцев до Симучена.

Этот-то успех нашего оружия запечатлён

смертью доблестного генерала.

Наместник Его Императорского Величества на Дальнем Востоке генерал-адъютант Е. И. Алексеев, только что 19 июля утром прибывший в Харбин и предполагавший посвятить осмотру харбинских учреждений два дня, в тот же день вечером выехал обратно в Мукден.

Его высокопревосходительство посетил только братскую могилу, где похоронены вольные дружинники, павшие в бою с хунхузами, осаждавшими Харбин 13 июля 1900 года, лагерь артиллерии и отделение конского запаса, лазарет Дворянского отряда, Иверскую и Елизаветинскую общины Красного Креста, 1 свободный госпиталь, казармы 17 стрелкового полка и склад Государыни Императрицы Александры Фёдоровны.

Склад этот является одним из самых симпатичных и благодетельных учреждений, созданных для нужд русской армии.

Его задача — раздача бесплатно офицерам и нижним чинам всего необходимо, начиная с белья, одежды и кончая папиросами, табаком, книгами и бумагой с конвертами для пи-

сем и проч.

Целые транспорты с этими вещами рассылаются в части войск, расположенные на театре войны и на передовых позициях.

Я встречен был в складе помощником заведующего им капитаном Тыртовым, который любезно согласился быть моим чичероне по этому колоссальному учреждению.

— Всё, что вы видите здесь, кроме большого главного каменного здания, устроено нами по приезде сюда с невероятною быстротою. У каменных флигелей были одни кирпичные стены, сараев для складов вовсе не было. Этой быстротой мы всецело обязаны содействию управления Китайско-Восточной железной дороги.

Склад Государыни Императрицы Александры Фёдоровны представляет из себя целый городок.

В главном одноэтажном каменном здании, куда провёл меня капитан Тыртов, помещаются, если можно так выразиться, различные склады, из которых идёт выдача вещей офицерам и нижним чинам.

Каждый склад помещается в отдельной

комнате, заставленной деревянными полками от пола до потолка с проходом между ними.

Первый склад, в который я вошёл, был «посудный».

В нём было не много предметов хозяйственного обихода: чайников, чашек, стаканов, фляг и проч.

— На этот отдел, — сказал мне капитан Тыртов, — к сожалению, обращено мало внимания. Ведь склад Её Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны существует, как известно, большею частью на пожертвования частных лиц, а жертвователи почему-то не считают необходимыми для воинов вещи для хозяйственного обихода. В этом случае они очень и очень ошибаются...

Затем идёт отдел книг, икон, письменных принадлежностей.

В числе книг, раздаваемых офицерам и нижним чинам, находится сочинение Зайончковского: «Оборона Севастополя»; книга эта прислана Государем Императором.

Среди письменных принадлежностей обращают на себя внимания присланные Госу-

дарыней Императрицей Александрой Фёдоровной «письма для безграмотных».

Это напечатанные бланки, составленные в очень трогательных выражениях, вполне приуроченных к чувствам русского солдата.

В нём надо только «сестре милосердия» или грамотному товарищу заполнить места для собственных имён, и письмо на родину готово.

В этом же книжном отделе есть кисеты, табак, гильзы и даже одна балалайка.

Целый ассортимент белья и халатов для больных.

— В этот отдел, — сказал мне капитан Тыртов, — пожертвования стекаются чрезвычайно обильно... Да и вообще, есть очень любопытные жертвы. Так недавно один крестьянин прислал две бутылки наливки для Е. И. Алексеева и А. Н. Куропаткина с трогательными надписями. Наместник, во время посещения склада 19 июля, взял сам адресованную ему бутылку.

Мы обратили внимание, что многие полки в отделах пусты, и заметили об этом нашему

симпатичному спутнику.

— Это только доказывает, что склад работает успешно, — улыбнулся он, — не успеваем приносить вещи из кладовых, как они уже разбираются... Каждую неделю мы снабжаем всем необходимым как прибывающие части, так и эвакуируемых больных и раненых. По моему мнению, идеал подобных складов — пустота!

Я не мог не согласиться с этим остроумным тезисом.

В складе во время моего посещения кипела работа — распаковывались тюки сёстрами милосердия и распределялись по отделам пожертвования.

Обращает на себя внимание слуга при складе — красавец индус Кара-Синга.

Говорят, что он заставляет биться усиленно сердца многих харбинских дам.

Мы перешли в аптечный отдел склада.

Заведует этим отделом провизор Д. Я. Блюменталь, помощником у него г-н Швецов, брат доктора Швецова, попавшегося в плен к японцам под Тюренченом.

Отдел этот устроен образцово, масса лекар-

ственных запасов, перевязочных средств, хирургических инструментов и т. д.

На эту часть здания, как мне сообщили капитан Тыртов и Д. Я. Блюменталь, было в конце апреля вооружённое нападение китайцев.

Следы их пуль до сих пор видны в дверях и окнах отдела.

Д. Я. Блюменталь контужен в шею.

Рядом с аптечным отделом помещается роскошно устроенная, как по внешней отделке, так и по огромному комплекту лекарств и хирургических инструментов «Царская аптека». Здесь, между прочим, капитан Тыртов рассказал мне любопытный эпизод с конфискованными в аптекарских магазинах и аптеках Харбина, содержимых японцами, лекарствами.

Японцам было предложено выехать, товары их были конфискованы, и Д. Я. Блюменталью было предложено исследовать лекарства... Опыт им был произведён над собакой, которой был дан порошок хины... Собака околела. Оказалось, что все лекарства были отправлены японцами примесью стрихнина и других ядов...

Затем мы вместе с капитаном осмотрели многочисленные сараи, построенные из гофрированной жести.

В этих сараях хранятся всевозможные пожертвования, платье, бельё, табак, сигары, консервированное и стерилизованное молоко, консервы, носилки для раненых, костыли, палки, словом, перечислить всё их содержимое не представляется возможности.

В этих сараях помещаются, впрочем, и склады «Красного Креста», которыми заведует тот же капитан Тыртов.

В сараях также кипит усиленная деятельность — там отбирают и упаковывают предметы для рассылки в части на передовые позиции.

Я простился с капитаном Тыртовым и поблагодарил его за любезное сопровождение по этому интересному учреждению и за сделанные им разъяснения.

Для нужд действующей армии решено, как известно, устроить военные огороды.

Главный из таких огородов, по количеству отведённой для него земли, находится в полуверсте от Харбина.

Я отправился на эти огороды.

Въезд в них, по случаю предполагавшегося посещения наместника, за внезапным его отъездом из Харбина несостоявшегося, украшен двумя арками из зелени с национальными флагами.

Тут же построена очень хорошенькая беседка, подъехав к которой, я застал в ней заведующего «военными огородами маньчжурской армии» — таково их официальное название, небезызвестного А. В. Герцыга.

Он любезно принял меня, познакомил со своим помощником, студентом новороссийского университета г-ном Шиттом, заведующим огородом в Йоамини.

В его сопровождении я объехал верхом огромную площадь военных огородов.

В Харбине эта площадь равняется 80 десятинам.

Картина этого огромного пространства огородной земли очень внушительна, хотя нельзя сказать, чтобы всходы овощей особенно были сильны.

Я откровенно высказал это А. В. Герцыгу, когда мы вернулись в беседку.

— Это происходит оттого, — сказал он, — что мы нынешний первый год работаем при исключительных неблагоприятных условиях. Во-первых, только 10 мая прибыл первый вагон с семенами и орудиями, а во-вторых, у нас не было совершенно дождей. Периодических дождей в нынешний год, видимо, не будет совсем... Мы ждём дождичка, как манны небесной... Если его не будет — всё сторит...

— И вам придётся, пожалуй, петь:

*И зачем было огород городить,
И зачем было капусту садить...*

— пошутил я.

— Пожалуй, что и так... — согласился со мной А. В. Герцыг.

Затем разговор перешёл на самую организацию военных огородов маньчжурской армии.

— Дело это огромное и, несомненно, полезное! — сказал А. В. Герцыг. — Все эти огороды в Маньчжурии занимают площадь в 171 десятину, из них в Харине — 80 десятин, в Яомыни — 54 десят., в Гунтулине — 18 десят., на реке Сунгари 14 десятин и в Ашихэ — 3 десяти-

НЫ.

Я простился с А. В. Герцыгом, пожелав ему с успехом кормить действующую армию овощами.

Прямо с «военных огородов маньчжурской армии» я уехал в городской питомник.

Это учреждение уже, так сказать, совершенно «мирное».

В нём разводятся деревья и цветы для будущего украшения растущего не по дням, а по часам города Харбина.

XXXV

Душевные заболевания на войне

Вопрос о душевных заболеваниях во время войны интересовал меня и ранее в Петербурге.

Я беседовал на эту тему со многими психиатрами, но разрешить его здесь на месте, так сказать, на театре войны, было ещё более интересно.

Поэтому, узнав, что при 1 сводном госпитале существует отделение для душевнобольных, которым заведует петербургский психиатр, известный деятель в попечительстве о глухонемых, доктор медицины Е. С. Борншпольский, я поспешил посетить этот госпиталь и его отделение.

1 сводный госпиталь находится в самой людной части гор. Харбина, за большим мостом через Сунгари, соединяющим так называемый «Новый Харбин» с «Пристанью», исключительно торговою частью города.

Он состоит, как и другие сводные госпита-

ли, из четырёх барачков и ряда домиков, где помещаются офицерские отделения, канцелярия, квартиры врачей и служащих, приёмной и проч.

Госпиталь этот находится в заведовании чисто русского человека д-ра мед. Глаголева и поставлен действительно образцово.

Здесь я снова видел поразительные выздоровления раненых навывлет пулями в грудь и живот.

Таков, например, рядовой 3 восточносибирского полка Филипп Желтиков, раненый при Вафангоу, рядовой 139 моршанского полка Август Фишер и т. д.

— Настоящая война, — сказал мне д-р Глаголев, — замечательна тем, что даёт очень незначительный процент раненым, которым необходимо производить ампутации.

— А где у вас отделение для душевнобольных? — спросил я.

— Это дальше, в самом крайнем флигеле... Сначала душевнобольные помещались здесь ближе, но оказалось для них очень шумно, а потому они были переведены в более тихий уголок...

В сопровождении смотрителя госпиталя я отправился в отделение для душевнобольных.

Мы ехали мимо целого ряда маленьких домиков, среди которых, на правой руке я увидел уже почти готовое, довольно обширное каменное здание.

— Что это такое?

— Это «Царская баня», т. е. баня для солдат, строящаяся на личные средства Государыни Императрицы Марии Фёдоровны.

Постройка её стоит 35.000 рублей.

Наконец, сделав довольно большой конец, мы остановились у крайнего флигеля.

В нём-то и помещается отделение для душевнобольных нижних чинов и офицеров.

Это очень чисто содержимый флигелёк, состоящий из коридора и пяти комнат-палат.

В день моего посещения больных было 19 человек — 14 нижних чинов и 5 офицеров.

В самой задней отдельной комнатке домика помещается полковник С., в настоящее время произведённый в генерал-майоры.

Он ранен в левый глаз с повреждением передней части мозга.

Я повидался с ним.

Несчастный производит тяжёлое впечатление.

Он видимо находится в страшно угнетённом состоянии, и со слезами в левом глазу, правый скрыт повязкой, лепечет чисто по-детски:

— Вы, дяденька, пришли навестить меня... Это хорошо, очень хорошо... Ведь я генерал... У меня было три человека и тридцать пушек, и японцы от меня бежали, а теперь меня посадили, дяденька, в каюту и везут... Я не знаю, куда везут...

Слёзы катятся градом из здорового глаза больного.

— Как вы себя чувствуете?

— У меня в голове было три пъявицы, одну из них вытащили, а две остались...

И снова слёзы и слёзы.

Я не выдержал и тихо вышел из комнаты страдальца.

Встреча с заведующим отделением доктором Е. С. Баришпольским несколько отвлекла меня от тяжёлого впечатления только что виденной картины душевных страданий доб-

лестного генерала.

Я знал доктора Боришпольского ещё до Петербурга, а потому встреча на далёкой чужбине была более чем сердечная.

Прежде, всего, конечно, я спросил о больном С.

— Шрапнелью он ранен в голову, причём произошло поранение левого глаза и передней части левой лобной доли мозга, где залегает, как прежде думали, характер человека, а теперь дознано, что в этой части мозга сосредоточена вся психика человека и двигательные центры речи... Поэтому С. превратился в совершенного ребёнка. Он всех называет «дяденька» «тётенька», все предметы называет уменьшительными именами, он очень упрям и капризен, и ранее он доставлял мне много хлопот и забот... Кроме того у него наблюдается «эмпастическая афазия» и «парафазия».

— Что это значит?

— При «эмиастической афазии» человек забывает название предмета, он напишет вам его название, укажет на него, но произнести это название не в состоянии, а при «парафазии» больной один предмет называет другим.

— Это всё неизлечимо?

— Почему неизлечимо? Напротив, очень и очень излечимо, и С. теперь поправляется. У него происходит всасывание в поражённой части мозга... Левого глаза он, действительно, лишится...

— Много наблюдается в армии душевных заболеваний?

— Ежедневно бывает 2–3 заболевания.

— Куда вы направляете больных?

— К нам на помощь приходит образцово, благодаря энергичной деятельности полковников Дементьева и Климовского, организованная эвакуация душевнобольных. Эвакуационный поезд отходит через каждые десять дней и доставляет больных до Москвы. Нижние чины помещаются в вагонах третьего класса, снабжённых тюфяками, бельём, посудой, сахаром, чаем, а офицеры размещаются в купе второго класса... Поезд сопровождает врач-специалист, фельдшер-санитар и большое количество прислуги, по расчёту: на спокойного больного — два человека, а на буйного — четыре.

— А какого режима вы держитесь здесь... У

вас нет, как я вижу, ни решёток, ни замков...

Действительно, все больные ходят свободно, все двери палат не заперты.

— Да, я придерживаюсь двух английских принципов при лечении душевнобольных... Один из этих принципов гласит: no restraints [19], а другой — open doors[20]. С 20 марта, т. е. того времени как я заведую отделением для душевнобольных в Харбине, я ни разу не употреблял так называемую «смирительную» рубашку, хотя были больные и с припадками буйства; я предпочитаю, чтобы их держали служителя. Военное начальство, в этом случае, оказалось очень отзывчиво на мои просьбы и дало мне много прислуги. У меня прислуги до 20 человек.

Здесь очень много наблюдается так называемых «эпилептических психозов».

Объясняется это той же концентрацией неблагоприятных условий, при которых эпилептические припадки усиливаются и учащаются... Таков ряд душевных заболеваний, вызываемых войной «посредственно».

— Значит есть заболевания, вызываемые непосредственно?

— Да, пример полковник С., которого вы видели. К непосредственно вызываемым войной психическим заболеваниям относятся те, которые происходят от травматического повреждения головы и спинного мозга... Повреждения последнего происходят не только от неприятельских снарядов, но и от ушибов спинного хребта камнями... В то время когда отряд взбирается на сопки, следующим за первыми рядами приказывают прикрывать голову скатывающихся вниз камней... Но камни часто с большой силой ударяют в спины взбирающихся, осыпаясь с сопки при движении отряда, отчего происходят серьёзные ушибы спинного хребта и как результат психическое заболевание: истерии, невралгии и т. д.

— Вы наблюдали за содержанием бреда душевнобольных?

— Да, и очень внимательно...

— Вероятно он касается военных событий, сражений с японцами и т. п.

— Далеко нет! Из случаев бреда, которые я наблюдал, только два было типичных бреда — один у штабс-капитана Z — который в

бреду бил японцев, одного больного, а другого маленького, которые постоянно являлись перед ним, а второй — у одного 19-ти летнего добровольца, которому казалось, что японцы ползут к нему под ноги и он давит их целыми массами. В общем же чаще всего, как я уже говорил вам, наблюдается бред самообвинения. Бреда страха перед врагом я не наблюдал ни разу.

XXXVI

Смерть гр. Ф. Э. Келлера

К пассажирскому поезду прицеплен маленький товарный вагон, украшенный красным крестом.

Этот вагон почти незаметен в составе поезда.

А между тем он несёт в Россию первую крупную жертву сухопутной русско-японской войны — тело убитого 18 июля генерала графа Фёдора Эдуардовича Келлера, в самом начале войны сменившего генерала Засулича в командовании «восточным отрядом».

«Восточный отряд» представлял из себя одну из крупных частей русской армии, которой выпало на долю сдерживать наступление главных сил армии японской, после перехода последней через Ялу и битвы под Тюренченом.

И покойный генерал с честью, успехом и несомненным стратегическим талантом вплоть до своей трагической кончины впереди своих войск исполнил эту задачу.

18 июля его не стало!

Вагончик с красным крестом более чем скромно уносит его прах на дальнюю родину к осиротевшей вдове, графине М. А. Келлер.

Его сопровождает его единственный сын, едущий в купе I класса, бывший корнет-кавалергард, а ныне нежинского драгунского полка, стоящего на южном фронте под командой генерала Бильдерлинга, у которого молодой граф Александр Фёдорович Келлер состоит ординарцем.

Я ранее ещё познакомился с графом в Харбине.

Крайне неловко было при первом знакомстве расспрашивать подробности постигшего его тяжёлого горя.

Но совместная дорога сближает, и встретившись снова с графом на станции Маньчжурия и совершая оттуда путь в одном вагоне, мы сошлись и разговорились.

— Вы провожаете тело вашего батюшки до самого имения Сенницы в Рязанской губернии? — спросил я.

— Нет, только до Иркутска...

— А оттуда?

— Оттуда вагон останется на попечении двух денщиков моего отца, которые едут со мною... Кроме того я телеграфировал, чтобы гроб встретили в Челябинске некоторые из родственников.

— А вы возвратитесь на войну?

— Конечно! Мой отец перевернулся бы в гробу, если бы я поступил иначе...

— А ваша матушка? Разве вы не думаете, что потеряв мужа, её горе усугубится мыслью, что и её единственный сын находится в постоянной опасности?

— Всё это я понимаю, но это неизбежно, раз мой отец находился на военной службе, а я состою на ней, это был его долг, а теперь это долг мой...

— Всё это так, но жена и мать...

— Жена и мать солдата должна быть готова к этому... Я думаю даже, что мимолётное свиданье со мною и новая разлука для матушки будет тяжелее...

— Это-то конечно, но я думаю, что ввиду постигшего несчастья, вы могли бы совсем не возвращаться на войну...

— На это я никогда не соглашусь.

— Скажите, граф, у вас есть желание отомстить японцам за смерть вашего отца? — спросил я.

— Вообразите, этого чувства во мне нет и следа, да я думаю, что появление его было бы нелогично... Если бы мой отец был убит кем-либо не во время войны, по чувству злобы или с корыстной и иною целью, конечно я бы мог желать отомстить убийце, но на войне японцы лишь исполняли свой долг, и отец точно также, если не сам убивал, то это делалось по его распоряжению... Мне думается, что если, бы судьба впоследствии столкнула меня с человеком, по приказанию которого стреляли в моего отца, я не мог питать и не питал бы к нему ни малейшей злобы... Я не скажу, чтобы я не хотел иметь случай убить японского офицера, или генерала, я это сделал бы с удовольствием, исполняя этим свой долг солдата... Чувство мести к японцам у меня вызывает не смерть моего отца, страшно меня поразившая, а их зверство с ранеными, их глумление и надругание... Вот за что я готов мстить им, а смерть отца — это такой естественный факт войны... И я думаю, что не

один я так чувствую... У меня есть для этого поразительный пример, это случай с моим родственником князем Радзивиллом. Он во время англо-бурской компании сражался добровольцем в рядах англичан, и во время одного из сражений один бур выстрелил в него на столь близком расстоянии, что князь Радзивилл запечатлел в своей памяти лицо своего врага. Князь был ранен в бок, и рана была настолько опасна, что он пролежал несколько месяцев... После войны судьба столкнула князя Радзивилла с этим буром, стрелявшим в него, за границей... Они познакомились и даже дружески позавтракали вместе в ресторане... Война порождает между людьми иные счёты!..

— Куда был ранен ваш отец?

— Спросите лучше, куда он не был ранен?

В него попала шрапнель, причём он был ранен тридцатью шестью пулями, в грудь, в живот, в обе руки и обе ноги, а дистанционная трубка снаряда врезалась ему в левую сторону груди. Из висевших у него на шее на золотой цепочке образков, пять были повреждены пулями, а на одном оттиснулся отпечаток

золотой цепочки.

— В официальном сообщении было сказано, что он жил двадцать минут...

— Это ошибка... Он был убит на месте... Рядом с ним стоял на верху сопки — это было у Ляндинсяна — начальник его штаба полковник Ароновский. Силою взрыва шрапнели он был отброшен далеко от отца... В это время поднимался на сопку ординарец отца, сотник Нарышкин, и вдруг увидел столб пыли и падение двух офицеров. Полковник Ароновский, по счастью, не раненый и не контуженный, вскочил и крикнул: «Генерал убит, но силки!..»

— На войска это известие, вероятно, произвело страшное впечатление? — спросил я.

— Да, солдаты отца очень любили, и его смерть действительно, поразила их... Мне рассказывали любопытную подробность. У отца как будто было какое-то тяжёлое предчувствие... Когда он вместе с полковником Ароновским подошёл к подножию сопки, на которой ему суждено было найти смерть, он остановился как бы в раздумье, но затем махнул стеком — английским каучуковым хлы-

стом — и стал подниматься...

— Где вы получили известие о смерти вашего отца?

— Я был в это время в Ляояне... Мне сообщили, что отец тяжело ранен... Я поскакал к Ляндинсяну и сделал этот путь в шесть часов... На месте я узнал роковую истину... Тело отца пришлось положить в тяжёлый деревянный китайский гроб. На крышку его положили шашку, шапку и ордена, и понесли на руках до этапа. Начальник этапа хотел для дальнейшей перевозки тела дать лафет, но ввиду того, что бой продолжался, и каждое орудие могло пригодиться, гроб поставили на артиллерийскую фуру и повезли в Ляоян. Торжественна и умирительна была картина, когда печальный кортеж проезжал мимо 2 бригады 35 дивизии. Все солдаты обнажили головы и перекрестились как один человек. Выражение этих простых русских лиц красноречиво говорило о состоянии их души, и той печали, которую они испытывают. Гробу были отданы воинские почести. По прибытии в Ляоян мне с трудом удалось достать цинковый ящик, в который поставить гроб. Цинковый

ящик, в свою очередь, поставлен в деревянный, и в таком виде гроб поставлен в вагон и препровождается в Россию.

Разговор перешёл на другие, менее печальные темы.

Я никогда не встречал среди представителей нашей гвардии более симпатичного, более милого, более привлекательного человека, и вместе с тем увлекательного рассказчика, как граф Александр Фёдорович Келлер.

Несмотря на его офицерские эполеты, он не достиг ещё гражданского совершеннолетия — ему нет двадцати одного года, но вместе с тем всестороннее образование его прямо поразительно — он не только свободно говорит и читает на трёх языках: французском, немецком и английском, но успел прочесть на них очень много, знаком с русской и иностранной литературой, со всеобщей историей, философскими учениями и естественными науками, увлекается химией, физикой и оккультными знаниями, ища между ними связи, в существовании которой он убеждён.

Наряду с этим он любит свой полк, с одушевлением говорит о полковой жизни, о

праздниках и попойках.

Словом, он не рисуется своими знаниями, столь разнообразными и редкими для молодого офицера — приобретение их было для него, видимо, не трудом, а удовольствием.

Беседа коснулась обнаруженного нами в настоящей войне незнания сил противника.

— Мне по этому поводу, — сказал молодой граф, — припоминается рассказ моего покойного отца, относящийся ко времени русско-турецкой войны. Он был тогда молодым капитаном генерального штаба, участвовал перед объявлением войны России Турции в сербско-турецкой войне вместе с М. Г. Черняевым, а ко времени объявления войны находился в Кишинёве. Раз в обществе нескольких генералов, среди которых был и М. И. Драгомиров, зашла речь о предстоящей войне. Генералы заявляли, что победить турок для русских войск пустое дело. «Какие они солдаты! Побегут после первого серьёзного натиска!» Мой отец решился возразить против этого мнения, сказав, что турки, насколько он успел с ними ознакомиться, очень хорошие солдаты и притом прекрасно вооружены. «Что вы там

говорите?» «Это на вас с братушками турки могли нагнать страху, а не на наши войска!» — обрушились на отца генералы. Он, как младший в чине, принуждён был замолчать. Русско-турецкая война доказала, что отец был прав.

Таким образом незнание сил противника для русских людей не новость.

Россия слишком сильна, чтобы справляться о силах врага.

XXXVII

Подарки артиллеристам

Студент с. — петербургского университета А. фон Гагемейстер только что исполнил интересную миссию, для которой он прибыл на театр военных действий, и возвращается в Петербург.

Миссия его состояла в раздаче подарков артиллеристам от «кружка помощи артиллеристам», организованного с самого начала войны в Петербурге вдовою генерала баронессой Е. В. Бильдерлинг и Е. А. фон Гагемейстером.

Кружок тогда же начал собирать пожертвования для нужд артиллеристов на Дальнем Востоке, причём наибольшая доля труда и суммы жертв выпала на долю учредительницы кружка баронессы С. В. Бильдерлинг.

Крупными жертвовательницами на это доброе дело были графиня Платер из Киева и графиня Баранцева из Варшавы.

«Кружок помощи артиллеристам» кроме того, что задался целью собрать пожертвова-

ния деньгами и вещами, но и решил, чтобы пожертвованные и купленные на пожертвованные деньги вещи были доставлены по назначению и переданы из рук в руки.

Это была благая мысль.

С двумя вагонами, нагруженными подарками артиллеристам, А. А. фон Гагемейстер отправился из Петербурга в далёкий и трудный путь.

Подарки эти состояли из белья, мыла, табаку, махорки, сахару, папирос, антисептических пакетов, книг для солдат, пожертвованных «обществом грамотности», макарон, табаку в кисетах, кожаного сапожного товару и инструментов для сапожного ремесла, подошв и кусков кожи для заплаток.

В офицерских пакетах-подарках заключалось по шести штук и пар всякого белья.

Кроме того для них же предназначались папиросы.

А. А. фон Гагемейстеру удалось блестяще исполнить его миссию.

Он был на всех передовых позициях в отрядах: покойного генерала Келлера, генерала Мищенко, генерала Зарубаева, генерала Шта-

кельберг и полковника Леша.

Небольшую часть подарков он раздал в Ляояне находящемуся там артиллерийскому полупарку.

Я имел случай познакомиться с А. А. фон Гагемейстером.

Это чрезвычайно симпатичный молодой человек в студенческой форме, весь исполненный горячим желанием послужить своей родине на поле брани.

— Я хотел поступить вольноопределяющимся, но моя матушка воспротивилась этому. Я с радостью ухватился за поручение «кружка помощи артиллеристам», всё-таки надеясь принести некоторую пользу борцам на театре войны...

Отрадно видеть такое патриотическое одушевление в богатом и независимом юноше.

— Особенно оставались довольны солдатики, получившие ящики с сапожным товаром и инструментами, обрадовались очень книгам и кисетам с табаком. Некоторые кисеты были сшиты из бархата и шёлковой материи. Солдаты обыкновенно брали эти кисеты и говорили: «Так что, ваше благородие, дозвольте

фельдфебелю отдать... Очень нарядный». Я конечно дозволял, а затем уже сам обыкновенно выбирал самый красивый кисет и говорил: «Отдайте этот фельдфебелю»...

— Какие выяснились особенные нужды нашей армии? Вам, конечно, это было виднее, — спросил я.

— Я бы лично не решился вам ответить на этот вопрос, — отвечал мне А. А., — но у меня есть документ компетентного лица, а именно и. д. инспектора артиллерии маньчжурской армии генерал-майора Михеева, который вполне разрешит интересующий вас вопрос... Я покажу его вам...

И А. А. фон Гагемейстер дал мне прочесть письмо генерал-майора Михеева, в котором последний горячо благодарит «кружок помощи артиллеристам» за присланные прекрасные подарки и перечисляет на случай вторичного присыла необходимые вещи.

Вещи эти следующие: сапоги самых больших размеров, тёплые портянки, валенки, хотя бы не обшитые кожей, кожаные подошвы и лоскуты кожи для починки, сапожный товар и инструменты, полушубки, фуфайки,

штаны стёганые на вате в верхней их части (для верховых), шерстяные перчатки, варежки, папахи, препараты против обмерзания; свиное сало, коллодиум в малых коробках.

Для офицеров, по мнению генерала Михеева, необходимы: фуфайки, меховые перчатки, короткие полушубки, походные сумки с целлулоидовой пластинкой и компасом.

Надо надеяться, что это указание генерала Михеева пригодится на будущее, так как не может быть сомнения, что пожертвования в «Кружок помощи артиллеристов», обставляющий такими солидными гарантиями доставку лепт добрых людей, потекут широкою волною.

Я от души желаю ему этого.

XXXVIII

Ляоян

Ожесточённый бой на ляоянских позициях снова приковывает к этому городу внимание всего мира.

Движение японцев на Ляоян не явилось неожиданностью. Его ожидало ещё в начале июня, когда из Ляояна начали массами уходить китайцы, игравшие в данном случае роль мышей на кораблях, которым предстоит опасность. Молва, как всегда, преувеличивала страхи.

Говорили о намерении японцев окружить Ляоян и создать таким образом второй Седан.

Всё это, конечно, относилось к области «вранья на войне», которое как известно, достигает геркулесовых столпов.

Но люди с натянутыми до невозможности нервами всему этому верят.

Я помню тревожную ночь на 9 июля, перед которой был возбуждён даже вопрос о переезде редакции «Вестника Маньчжурской Армии», помещавшейся в кумирне бога войны у

западных ворот Ляояна, и типографии, находившейся в товарном вагоне в Тъелин.

Наутро оказалось, что опасения были несколько преждевременны.

Хорошим барометром служил в данном случае русско-китайский банк, который продолжал существовать в Ляояне.

Но и он был с первых чисел июля наготове.

В конце июля и редакция, и типография, и банк переехали в Тъелин, туда же стали вывозить все тяжести и запас, и там же искал себе помещения лазарет Красного Креста.

Словом, Ляоян уже давно приготовился к встрече врага на позициях, которые, по отзывам знатоков фортификационного дела, представляют из себя последнее слово военной обороны.

Тут имеются и окопы, и рвы, и волчьи ямы, и проволочные заграждения, и подземные мины и фугасы.

Словом, не забыто ничего для встречи «жданых гостей», но...

Об этом роковом «но» говорил мне один артиллерийский полковник, выдержавший четыре компании — русско-турецкую, ахал-

текинскую, китайскую и нынешнюю — русско-японскую.

— Но, — сказал он, — увы, все эти «последние слова обороны» теряют своё значение при современных дальнобойных орудиях и «математической стрельбе», которая практикуется японцами... Они разделяют обстреливаемую местность на квадраты и засыпают эти квадраты массой снарядов...

Так действуют, несомненно, японцы и у Ляояна.

Противопоставить силе их артиллерии необходимо ту же орудийную силу.

Бой под Дашичао показал, что наша артиллерия находится на должной высоте своего признания.

Таким образом под Ляояном встретились равные силы.

И кроме того, окрестности Ляояна представляют сравнительную равнину, т. е. говоря словами поэта,

Есть разгуляться где на воле...
[21]

Но это далеко не значить, чтобы бой под

Ляояном имел какое-либо решающее значение и чтобы оставление русскими войсками этого города что-либо изменяло в плане кампании.

Ляоян — одна из позиций, прекрасная позиция, но и только!..

Кроме того она также страдает общим недостатком маньчжурских позиций — она обходима.

Ляоян, собственно говоря, не особенно значительный китайский город, получивший европейскую известность со времён «китайских событий» ввиду проявленного его китайскими властями особого зверства над русскими. Тут был замучен инженер Верховский, голова которого долгое время висела в железной клетке у западных ворот города.

Тут изрезанные ножами умирали заживо съедаемые червями, под лучами палящего солнца, русские мученики — маньчжурские пионеры.

Во время настоящей русско-японской войны Ляояну снова пришлось играть выдающуюся роль, но уже в другом смысле.

В нём находилась главная квартира ко-

мандующего Маньчжурской армией А. Н. Куропаткина.

Сам китайский город представляет из себя одну большую улицу, тянущуюся на протяжении двух вёрст от западных до восточных ворот, всю состоящую из лавок со скрытыми за ними фанзами для жилья.

Есть несколько узких и тёмных переулков и боковых улиц.

Обрусение города выражается в двух русских убогих магазинах и двух-трёх гостиницах, носящих громкие названия «Интернациональной», «Европейской» и т. п., ютящихся в плохо вычищенных китайских фанзах.

У западных ворот находится кумирня бога-войны — Ляо-Мяо, — несколько кумирен есть и в других местах города — а за ней идёт предместье.

В последнем убогие фанзы-мазанки, где снова проявляется «русский дух» в виде приютившихся в тех фанзах гостиниц-притонов, если впрочем их содержателей, в большинстве оборотистых греков и армян, можно считать за носителей даже этого «русского духа».

Всё это предместье идёт по берегу оврага,

на дне которого протекает не то грязная речонка, не то большая проточная лужа. Совершенным особняком стоит русский посёлок, расположенный вокруг станции железной дороги. Он состоит из однообразных деревянных и каменных домиков, построенных по ранжиру.

Во главе их надо назвать дом командующего войсками, отличающийся и более изящной архитектурой и шпиром, на котором во время пребывания А. Н. Куропаткина в Ляояне развевается флаг.

Тут же все учреждения, почта, телеграф, разведочное отделение.

На запасных железнодорожных путях стоят вагоны, тоже служащие, лучше сказать, служившие для жилья.

Под особым деревянным навесом во время пребывания А. Н. Куропаткина стоял его поезд.

Лазаретные бараки Красного Креста находились в двух верстах от русского железнодорожного военного посёлка.

Местом прогулки и развлечения для жителей Ляояна был прекрасный тенистый сад,

разросшийся вокруг древней и замечательной по своей архитектуре корейской башни.

Этот редкий живописный уголок ляоянской природы был испорчен скверным рестораном.

Нечего и говорить, что ни в городе, ни в посёлке нет ни одной мощёной улицы и во время дождей грязь стоит невылазная.

Ляоян теперь горит!

Он подожжён залетевшими в него снарядами.

Железнодорожная станция разрушена.

Мне жаль этой станции, по ещё совершенно свежим недавним воспоминаниям!

Довольно широкая и длинная деревянная платформа шла около невысокого и тоже длинного строения самой станции, большая часть которого отведена была под буфетную залу.

Рядом помещалась товарная касса. вход в которую был слева в пролёте, ведущем к выходу.

Справа находилось почтовое отделение и телеграф, а затем в особой деревянной же пристройке — багажная касса.

Над зданием станции возвышалась традиционная деревянная башенка со шпилем, на котором развевался флаг.

У платформы громыхали проходящие, отходящие и маневрирующие поезда.

И теперь ничего этого нет.

А между тем не более месяца тому назад здесь кипела чисто-военная жизнь, в которой и я принимал участие.

Тут в буфетной зале с утра до позднего вечера толпились офицеры всех чинов от генерала до безусого подпоручика и полуштатского прапорщика, призванного из запаса.

Все столики, как в зале, так, в хорошую погоду, и на платформе перед залой был заняты.

Гудел военный улей.

Передавались рассказы об эпизодах войны, об удачных и неудачных разведках, о подвигах отдельных лиц и целых частей, слышались шутки, остроты, словом, кипела жизнь по соседству со смертью, со всё приближавшимися к Ляояну передовыми позициями.

Каждый день с этих позиций появлялись здесь приехавшие офицеры.

Одни из них вследствие той или другой хозяйственно-войсковой командировки, другие легкораненные и отправленные, часто против их воли, в ляоянский госпиталь для излечения.

Рассказываются новости, сообщаются впечатления...

И так до позднего вечера, когда вся эта меняющаяся каждый час толпа людей, живущих сегодняшним днём, так как завтра их быть может ожидает могила, перекочёвывает в сад Гамартели под Корейской башней, угрюмо поднимающейся к небу и как бы сообщаящей ему свои вековые воспоминания о других более ранних кровавых распрях людей.

И здесь, за столиками, отвратительно сервированными, с салфетками, напоминающими плохо выстиранные солдатские онучи, снова льются горячие речи, вместе с замороженным вином, продаваемым за баснословную цену.

И всего этого уже теперь нет!

Мне жаль Ляояна!

Это сожаление, конечно, чисто штатское и, пожалуй, немного сентиментальное.

С военной точки зрения, как я уже имел случай говорить, отступление от Ляояна предвиделось заранее и ничего не изменяет в общем плане компании.

Мне многие сегодня после прочтения телеграммы о том, что Ляоян горит, задавали вопрос:

— Что же горит в Ляояне?

Я постараюсь на него ответить.

Несомненно, что в телеграмме речь идёт не о китайском городе, где конечно могли лишь произойти пожары от залетевших снарядов, там все строения или каменные, или глинобитные, т. е. огнеупорные, а о, так сказать, новом русском Ляояне — железнодорожно-военном посёлке, правильными рядами и четырёхугольником раскинувшимся около станции.

Тут гореть, конечно, есть чему.

Во-первых, целые кварталы деревянных домиков, где жили железнодорожные служащие, офицеры, военные и гражданские чиновники; во-вторых, дом командующего войсками — обширное деревянное строение, железнодорожная больница, здание полевого

штаба и, наконец, пакгаузы, где хранились запасы как специально-военные, так и продовольственные.

Большая часть их была вывезена ранее, в последних числах июля.

А перед самым наступлением японцев на позиции под Ляояном, последний уже, конечно, освободился от тех жилых помещений, которые могли быть увезены из него.

Я говорю о тех вагонах классных и товарных, которые стояли в разных пунктах обширного близ станции железнодорожного полотна, и в которых жили приезжие офицеры, иностранные агенты, помещалась столовая для последних, а в товарных вагонах находились разного рода небольшие склады, типография, где печатался «Вестник Маньчжурской Армии», вагон командующего армией, вагон его канцелярии и типографии поднесённой ему петербургской фирмой Леман.

Всё это, повторяю, выехало из Ляояна своевременно, и во многих местах русского Ляояна образовались пустыри.

Железнодорожное полотно конечно тоже разрушено.

Деревянные постройки, вероятно, горят жарко и быстро.

Сгореть всему Ляояну недолго, и японскому главнокомандующему придётся устроить свою главную квартиру, если верить берлинским газетам, на пожарище.

Мне всё же жаль Ляояна!

XXXIX

Мукден и Тъелин

Мукден или по китайскому произношению Мукде, на который, по словам телеграмм, движается 10.000 японцев — чисто азиатский китайский город с населением в полмиллиона.

Мукден — главный город Маньчжурии с дворцом императоров маньчжурской династии, находящимся в полном запустении, и знаменитыми императорскими могилами.

Самый город выстроен по плану Пекина и разбит на кварталы, по сословиям, проживающих в них.

Главная кумирня святого Хаяма.

Мукден расположен на холме, у подножие которого протекает большая река Ляохе.

Самая местность не отличается особой живописностью — она совершенно ровная.

Город с высоты птичьего полёта имеет вид двух расположенных один на другом правильных четырёхугольников.

Во внутреннем четырёхугольнике поме-

цается дворец цзянь-цзюня и присутственные места.

Все улицы, сравнительно широкие, и невозможно узкие переулки сплошь представляют из себя торговые ряды — лавки, лавки и лавки со всевозможными товарами.

Вонь, специально китайская вонь, невыносима, особенно в кварталах города, где расположены «обжорные лавки».

Представить даже себе, что можно потребовать те кушанья, которые там готовятся, для европейца прямо невозможно.

Я, по крайней мере, не мог без «боли сердца», как говорят французы, выносить вида и запаха этих китайских яств, которые грязные сыны поднебесной империи уплетают, видимо, с большим аппетитом.

Кроме торгового, политического, как столица Маньчжурии, город Мукден имеет ещё для китайцев и религиозное значение.

Последним он обязан «императорским могилам».

Первый железнодорожный путь шёл даже за двадцать вёрст от города, вследствие того, что китайцы не желали тревожить праха им-

ператоров шумом железнодорожного поезда, и уже только после «китайских событий» дорога прошла в расстоянии всего четырёх вёрст от Мукдена, между городом и «императорскими могилами».

Я посетил их в бытность мою в Мукдене.

Этот памятник «китайской истории» действительно интересен.

Вы въезжаете в наружные ворота, устроенные в огромной стене, и попадаете в густую аллею многовековых деревьев.

Эта аллея приводит вас ко внутренним воротам.

Здесь надо выходить из экипажа и идти пешком.

Внутренний двор огромен и весь вымощен крупными каменными плитами.

По середине его аллея, но уже не из деревьев, а из колоссальных фигур слонов, верблюдов, мулов, лошадей и проч.

Затем вход в храм.

В нём находится огромная каменная черепаха, особо чтимая китайцами.

Позади этого храма, по бокам которого находятся другие кумирни, возвышается гигант-

ский искусственный холм — это могила Нур-хаци — родоначальника ныне царствующей в Китае династии.

На вершине этого холма растёт многовековой дуб, осеняющий могилу своими густолиственными и огромными ветвями, как бы колоссальным шатром.

Под самым Мукденом, кроме того, находится буддийский монастырь с 500 лам.

В известные праздничные дни сюда стекается масса богомольцев.

Императорские могилы были любимой целью утренних прогулок наместника Дальнего Востока Е. И. Алексеева, имевшего до самого своего отъезда во Владивосток свою резиденцию в Мукдене.

Наместник жил не в самом городе, а в военном посёлке, раскинувшемся возле станции железной дороги.

Посёлок этот состоит из нескольких десятков однообразного типа домиков, среди которых по своей величине выделяется дом наместника, с развевающимся над ним флагом, и дом офицерского собрания.

Около Мукдена есть очень хорошая, по

словам знатоков, укреплённая позиция.

Работы по её укреплению начались ещё с апреля месяца текущего года.

Ввиду религиозного значения Мукдена, он является сосредоточием разного рода религиозных сект, враждебных европейцам.

Здесь, как говорят, было положено начало секте «больших кулаков», руководившей восстанием 1900 года.

Война преувеличивает слух.

Если верить последним, то и в настоящее время в Мукдене образовалась религиозная секта, подготовляющая антиевропейское движение.

Так, по крайней мере, говорили в бытность мою в Мукдене, Ляояне и Харбине.

Станция Тъелин восточно-китайской железной дороги, — третья станция от Мукдена к северу.

Между Мукденом и Тъелином находятся станции Хушитой и Синьтайцзы и три разъезда.

Расстояние между этими двумя пунктами сто вёрст.

Вблизи станции Тъелин китайский город

того же названия.

У Тъелина, собственно говоря, оканчивается горная Маньчжурия и постепенно начинается равнина, которая тянется до Харбина и по всей северной Маньчжурии.

Но в самом Тъелине ещё горные хребты, образующие даже, как говорят специалисты военного дела, в одном месте «дефиле», прозванное маньчжурскими Фермопилами.

— Разница только та... — замечают скептики, — что эти Фермопилы можно легко обойти.

В Тъелине устроены позиции и по всей вероятности здесь тоже разыграется бой, подобный боям у Дашичао, Хайчена и Ляояна, бой, целью которого будет задержание японской армии и её обессиление.

Для людей штатских, для профанов в военном деле отступление войска представляется чуть ли не его поражением, а между тем «искусство отступать», задерживая наступающие более значительные силы противника, высоко ценится военными авторитетами.

В мировую военную историю наряду с одержанными победами занесены и знамени-

тые отступления, окончившиеся истощением врага, а затем и его поражением.

Отступление с боем часто только искусная тактика, которая, увы, никогда не оценивалась большой публикой в тот же момент.

Ей давали цену лишь впоследствии, когда появлялись результаты.

Мы убеждены, что и настоящее отступление русской армии будет занесено на страницы мировой военной истории, как пример выдающейся тактики в колониальной войне, каковой несомненно является для России война с Японией на полях Маньчжурии.

Но вернёмся к Тъелину, от которого нас отвлекли соображения тем более ценные, что они были сообщены нам на театре войны лицами, посвящёнными в самую суть настоящей кампании.

Местность за Тъелином представляет из себя, как мы уже говорили, равнину.

Земледелие процветает.

Кругом прекрасно обработанные поля.

Сотни китайцев, обнажённых до пояса, кропотливо работают на них.

XL

Военные впечатления и встречи

Войска идут и идут.

«Сибирский экспресс», который уносит меня, кстати сказать, по Сибири, «медленно поспешая», в Россию, почти на каждом разъезде встречает идущие эшелоны.

— Газеток позвольте, господа, газеток... — просят солдатики.

Желание узнать что-нибудь новое оттуда, куда им приходится совершать путь, очень сильно.

К сожалению и у привилегированных пассажиров «сибирского экспресса» газет немного.

Удивительно, как слабо организована продажа газет на восточно-китайской, забайкальской и сибирской железных дорогах.

Это большое лишение в наше время, когда газеты читают все от мала до велика, когда они обратились в предмет первой необходимости, так сказать, в «духовный хлеб».

И этого «хлеба» лишены войска.

Организация доставки армии газет из Петербурга, видимо, не осуществилась, так как на месте результатов её не видно.

Да и едущие с Дальнего Востока пассажиры, как я уже говорил, лишены газет по Восточно-Китайской, Забайкальской и Сибирской железным дорогам.

Попадаютя московские газеты, но более полные свежими сведениями о войне, петербургские почти отсутствуют.

Но вернёмся к проходящим войскам.

У солдатиков бодрый, весёлый вид.

Слышится смех, меткое словцо, игривая шутка, удалая солдатская песня.

Из окон классных вагонов выглядывают лица офицеров.

Среди них видимо, испытанные воины и совершенно юные подпоручики и поручики.

На их лицах играет румянец, их глаза блестят и искрятся.

Они полны молодой отваги и жгучего одушевления.

* * *

Азиатская натура японцев проявляется на

войне во всей своей отвратительной откровенности.

Мне рассказывал уполномоченный воронежского отдела Красного Креста В. И. Стемпковский со слов раненых, находившихся в лазарете, расположенном в Тьелине, что раненые японцы по окончании сражения стараются подползти к раненым русским и стреляют по ним.

— В меня желтолицый выстрелил, да промахнулся, — говорил один из раненых, — ну да я его ошарашил так, что было моих сил, шанцевым инструментом...

Какое зверское остервенение!

* * *

Воздушные шары в Забайкалье.

Как известно, из Забайкалья то и дело шли, если не идут и теперь, известия о появляющихся тут и там японских воздушных шарах.

Я говорил с местным жандармским полковником, производившим расследование по этому поводу.

— Всё это оказалось вздором, плодом разгорячённого воображения обывателей...

Один допрошенный им солдатик показал, что видел шар величиною с вагон, но какой он был формы, точно определить не мог... Один капитан пограничной стражи рассказал ему, что он видел очень низко на горизонте блестящий шар, казалось паривший над ближайшей сопкой, но когда он с разъездом въехал на эту сопку, то шар скрылся за следующей сопкой...

— Почему же вы думаете, что это воздушный шар? — спросил полковник.

— Я служил на западной границе и видал немецкие шары, по форме было сходство...

Без сомнения, капитан видел просто метеор.

В настоящее время толки о шарах прекратились...

* * *

Японские пленные.

Пленные японцы с потопленных транспортов «Идзуми-мару» и «Садо-мару» в количестве 27 офицеров и 110 нижних чинов живут в настоящее время в Томске в ожидании отправки в Пензу, где им готовится помещение.

О их житье-бытье там рассказал мне инженер, постоянно живущий в Томске.

— Они находятся под довольно строгим надзором, но помещены очень удобно и хорошо в здания военного клуба. Японский майор говорит по-французски, а один лейтенант довольно чисто по-русски. Русский рис им не понравился, но зато русская водка и борщ пришлись очень по вкусу... При них состоит жандармский ротмистр Ламени-Македон, которого они очень полюбили, а потому все возникавшие и возникающие недоразумения улаживаются очень быстро.

* * *

Ещё в мае пронёсся слух о созыве сибирского ополчения, которому будет поручена охрана железнодорожного пути, причём ныне охраняющие его войска будут двинуты на театр военных действий.

Теперь это ополчение уже создано.

Почти на каждой станции сибирской железной дороги можно видеть отряды ополченцев, отправляющихся по тому или другому назначению.

Костюм — суконный чёрный кафтан или

серая рубашка с погонами красного сукна и жёлтым кантом, фуражка военного образца с красным околышем, на тулье которой пришит, вместо кокарды, металлический ополченский крест, а на околыше номер из жёлтого сукна; такой же номер и на погонах.

Ополченцы, всё молодец к молодцу, выглядят бодро и весело.

Сибирь, для которой настоящая война и исход её имеет огромное экономическое значение, выслав своих сынов в ряды ополчения, напрягла этим все свои силы.

* * *

Интересное и вполне разумное нововведение.

В воинских поездах, на крышах большинства товарных вагонов, в которых перевозятся нижние чины, носящих название «воинских теплушек», устроены брезентовые ящики, в которых везётся груз Красного Креста, интендантский и т. д.

Как известно, сорок человек, помещающихся в товарном вагоне, далеко не исчерпывают грузоподъёмность вагона, а дополнительный груз на крыше ничуть не обременя-

ет поезда, делая экономию в численности подвижного состава.

Следовало грузить крыши вагонов до нормы на всех «воинских теплушках».

* * *

Нынешняя война выдвинула и женщин-героинь.

Я уже имел случай говорить о разведчице и переводчице Соломке, или Смолке.

Она носит мужской костюм, говорит про себя в мужском роде и, говорят, чрезвычайно отважна.

Другая разведчица и переводчица носит тоже мужское имя — Иосиф Клячко.

Выделилась храбростью сестра милосердия г-жа Щеголева, тоже бросившая стеснительный женский костюм и отважно гарцующая под пулями верхом на коне.

Такой её видели под Тюренченом.

Облеклись в казацкое платье и жёны одного степного коменданта близ Ляояна и пограничного офицера на посту, около Тьелипа.

Обе они с необычайным бесстрашием являются товарищами по оружию своих мужей.

Современные «кавалерист-девицы»!

Почтовые порядки на войне оставляют желать многого.

Слышатся постоянно жалобы на пропажу писем.

Характерную сценку мне рассказывал один офицер.

— Выхожу на одной из станций, но не помню какой, не доезжая Мукдена, хочу опустить письмо в почтовый ящик, вижу — боковая дверца его открыта...

— Что же это такое, ящик отперт? — спрашиваю стоящего тут же на платформе юного почтового чиновника, меланхолически курящего папироску.

— Это всё равно!

— Как, всё равно?

— Открыт ли, или закрыт, всё равно писем никуда не отправим.

Просто, откровенно и решительно!

ХЛІ

Газеты, письма и деньги на войне

В газетах на войне ощущается недостаток. Не говоря уже о передовых позициях, но и в городах, где помещаются главные квартиры главнокомандующего и командующего армией, газеты получают редко и неисправно.

А между тем, потребность в них сильная.

Во время русско-турецкой войны, по словам её участников, в настоящее время находящихся в рядах действующей армии, этой жажды газет не ощущалось.

Четверть века, промчавшаяся с тех пор, видимо, сильно развила в русских людях потребность к чтению газет.

— Но зачем же там газеты, там, в центре самых событий, известиями о которых интересуется весь мир? — спросит, быть может, недоумевающий читатель. — Ведь там всё совершается перед глазами...

И он очень ошибётся.

Там, в центре событий, знают не только

менее того, что знают в Петербурге, но даже, без преувеличения можно сказать, ничего не знают...

Известия сосредоточиваются в главных квартирах, а оттуда идут в Петербург.

Отсюда страстное желание узнать о положении дела вообще, желание, которое может быть удовлетворено только газетами.

Петербургские и московские приходят поздно, неаккуратно и много в двух, трёх экземплярах.

Эти экземпляры положительно рвут на части и подчас стараются всеми правдами и неправдами, под предлогом передачи, получить с почты экземпляр раньше адресата.

Иногда экземпляр достигает до последнего, хоть и в помятом виде, а иногда просто зачитывается.

Кто читал последний, концов не найдёшь.

На станциях в Ляояне и Мукдене, в помещении, где продаются отдельные номера «Харбинского Вестника» и «Вестника Маньчжурской Армии», эти номера берутся прямо с бою.

Но эти местные газеты далеко не отлича-

ются полнотою известий и не удовлетворяют читателей.

Они жаждут столичных газет, как более полных.

А их нет, или почти нет!

Редакции газет сделали бы доброе дело, если бы посылали по экземпляру газет в корпусные штабы действующей армии.

Какая это была бы радость для офицеров и солдат.

У газет не было бы более внимательных читателей.

В них оторванные от родины войны нашли бы кроме известий с войны и весточки с этой родины.

А как дороги эти весточки.

Надо видеть оживлённые лица офицеров и солдат в отрядах, на передовых позициях в дни, когда туда достигает «почта-летучка» и приносит письма.

Все ходят или стоят и сидят с радостными лицами, уткнувшись в драгоценные листочки, вынутые из конвертов.

А рядом унылые, угрюмые лица тех, которым почта не принесла ничего.

Надо отдать справедливость полевой почте — она несёт огромный труд, работая день и ночь и не её вина, если письма затериваются и запаздывают — слишком их много.

По отрядам и в полковые штабы письма развозит летучая почта, состоящая из казаков, получая адресованную в тот или другой штаб с полевой почты, а в городах разноски писем не существует.

Адресаты должны сами справляться о письмах на почте, где заказная и простая корреспонденция хранится по алфавиту адресата или, адресованная в части войск, по этим частям.

Чтобы найти письмо, особенно на букву, с которой начинается много фамилий, надо пересмотреть груду писем.

Исключения делаются лишь для писем, адресованных в главный или полевой штаб, в разведочное отделение, в цензуру в Мукдене.

Туда письма доставляются с полевой почты.

В Ляояне письма военных корреспондентов, как русских, так и иностранных, доставлялись в редакцию «Вестника Маньчжурской

Армии».

Но повторяю, почта ходит неаккуратно, принося иногда сразу по два, по три письма, отправленные в разные сроки.

Многие письма теряются.

Телеграммы из Ляояна в Петербург и обратно иногда ходили по 7–8 суток.

Виной скопления телеграмм — занятые экстренными сообщениями провода.

Приходилось, в беспокойстве, не получая известий, отправлять срочные телеграммы, платя по 45 коп. за слово.

Но и эти не ходят особенно быстро.

Всё это несомненно имеет своё разумное объяснение, но от этого ничуть не легче тем, кто ждёт получить, как манну небесную, весточку с далёкой родины, от близких сердцу и... не получает её днями, а иногда и неделями.

К нервно приподнятому состоянию духа прибавляется угнетённое, и ничто не может сравниться с этой пыткой.

Надо испытать её, чтобы знать, какое оживляющее, прямо воскрешающее значение имеет во время полученное письмо с родины

для оторванного от неё человека.

Письмо на театре войны — лучший подарок для воина...

* * *

— На войне бывают моменты, когда деньги для людей ни имеют никакого значения!

Это сказал мне один из выдающихся русских добровольцев г. Цеханович, бывший секретарь одесской городской управы, совершивший с отрядом полковника Мадритова рискованную разведку в Корее в тылу японцев.

— С нами были тридцать тысяч серебряных рублей, тяжесть для обоза довольно значительная. Начальник решил раздать их на руки людям, но неожиданно натолкнулся на упорный отказ. «Куда их нам, только одна тяжесть, — отвечали все как один. — Ну их!» На силу уговорили взять по несколько рублей...

Да и вообще во время войны деньги ценятся дёшево.

Неизвестность завтрашнего дня парализует экономию и обесценивает деньги.

Этим пользуются разного рода гешефтмахиры включительно с китайцами, и назначают за товар и услуги баснословные цены.

И они не кажутся баснословными.

Заплатить за бритвё — 1 рубль, за конец на рикше — тот же рубль, за бутылку простого кваса со льдом — 80 коп., за цыплёнка — 2 рубля и за бутылку шампанского — 15 рублей — кажется совершенно естественно.

Такова цена!

Её и платят!

Экономят разве семейные офицеры, отсылающие деньги семьям.

Их всегда можно было встретить в русско-китайском банке, отделение которого в Ляояне находилось на самом конце китайского города у Восточных ворот.

Оно помещалось в китайском здании, состоящем из нескольких соединённых фанз.

Весь состав служащих банка состоял из управляющего, его помощника и кассира, двух артельщиков и нескольких «боев»-китайцев.

Операции банка по приёму и выдаче переводов, размену китайских денег были крайне несложны.

Не замечалось ни малейшей банковской волокиты.

Банк вообще был всё время на биваках и каждый день был готов к выезду.

Перед наступлением японцев на Ляоян он быстро собрал свои книги, деньги и выехал в Тьелин.

В Мукдене отделение русско-китайского банка помещается в более обширном здании, и меблировка более шикарна.

В Ляояне простые столы и табуреты, в Мукдене — европейская мебель.

В Харбине отделение бюро помещается же в собственном двухэтажном роскошном отдельном доме на Соборной улице.

Зеркальные окна, электрическое освещение, балюстрады, пюпитры, конторки, надписи и даже швейцар.

Здесь банковые операции производятся не с мукденской, не говоря уже о ляоянской, простотой.

Да и размер этих операций гораздо больше.

Из России через эти банки идут только телеграфные переводы, да и то дней по десяти, почтовых переводов вовсе не практикуются, так как почта ходит медленно и перевод мо-

жет затеряться.

Почтовых денежных пакетов совсем на театре войны не получается, да они, кстати, и не принимаются.

В общем денег тратится много, и в них недостатка не ощущается.

Знаменитое «двадцатое число» и на войне играет ту же роль, как и в мирное время — жалованье служащими получается аккуратно.

Офицеры получают жалованье в своих частях от полковых и ротных казначеев.

Вы часто, впрочем, можете услышать от офицера:

— Я жалованья не получал уже три месяца...

Но это неполучение жалованья происходит не от неаккуратности выдачи, а оттого, что или сам говорящий не нашёл нужным получать жалованье, или же он был в продолжительной разведке и не соединялся со своей частью.

— Но ведь жалованье ваше в сохранности?

— Знаю, что в сохранности, надо только съездить получить. Никак не удосужусь...

Что касается до китайцев, то они, конечно, охотно принимают русские деньги, предпочитая серебру бумажки.

Золотых монет в обращении мало, и они тоже очень ценятся китайцами.

К серебряным рублям они относятся индифферентнее, берут, но не выказывают алчной радости, как при получении бумажек и золотых монет.

В китайской монетной системе господствует хаос.

Разменную монету представляет тун-цян или чох, — плоский металлический кружок величиной в новый двухкопеечник, но тонкий, с квадратным прорезом по середине.

Это очень тонкая монета и 100 чохов составляет цину серебра, тоньше нашего гривенника. Лан или таэль заключает в себе десять цин или 1.000 чохов.

С появлением в Маньчжурии русской серебряной и медной монеты, даже нищие китайцы пренебрегают чохами, не считая их ни во что.

Хаос, царящий в китайской монетной системе, в начале войны повёл к тому, что рус-

ские интенданты переплачивали китайцам, считая на рубли, тогда как китайцы считали и назначали цену па таэли.

Разница 40 процентов.

Но вскоре это было усмотрено и прекращено.

Об этом мне сообщил главный комендант маньчжурской армии, генерал Губер.

XLII

Наши солдатики

*Солдатушки, браво, ребятушки,
Где же ваши жёны?
Наши жёны, ружья заряжены,
Вот вам наши жёны!*

И эта старинная удалая солдатская песня, говорящая о том, что у солдата не должно быть никаких родственных привязанностей, что он весь всем своим существом принадлежит государству и должен стоять на страже своего Царя и своего отечества, разносится теперь по всему великому сибирскому пути, по длинной ленте восточно-китайской железной дороги и отдаётся гулким эхом в сопках Маньчжурии.

Во время войны она именно и приобретает глубокий смысл.

Оставлены осиротевшие семьи, молодые жёны, малые дети, и идут их дети, мужья и отцы в далёкий неприветный край, чтобы стать лицом к лицу с сильным и хитрым врагом и грудью постоять за честь и славу своего

отечества.

Тут не до семей, не до жён, не до детей, и действительно «жёны» этих незаметных героев их «ружья заряжены», а «сёстры» — «штыки остры», как поётся в песне.

Мы нагляделись на этих забывших для воинского долга все родственные связи солдатиков и намерены изобразить их и в дороге к театру войны и на самом этом театре на биваках.

Эти наброски не будут беллетристическими картинками, а лишь эскизами с натуры, без преувеличений, без украшений действительности.

Да этих украшений и не требуется!

Скромный, двухпаровозный в 40–50 товарных вагонов воинский поезд движется с возможной для него быстротой по Сибирской, Забайкальской и Восточно-Китайской железнодорожным линиям, останавливаясь не только на станциях, но и на разъездах, чтобы пропустить редкие пассажирские поезда, а главным образом порожний подвижный состав, уже сдавший свои живые грузы и спешащий за новыми.

И таких поездов за последнее время по этим линиям идёт до 11 пар в сутки.

Каждый поезд везёт эшелон в 700–800 человек, не считая орудий и обозов.

Люди помещаются в так называемых «воинских теплушках», т. е. товарных вагонах, приспособленных для перевозки.

Это приспособление заключается в том, что в вагоне устроены верхние нары, на которых может спать двадцать человек, да двадцать помещается внизу.

С ними их амуниция и незатейливый скарб.

Части, где есть лошади, эти последние помещаются в вагонах по две, по четыре; стойла их завешены циновками, а в свободном пространстве едут люди, наблюдающие за лошадьми.

Едут не тесно, удобно и при хорошем питании чувствуют себя бодро и весело.

Солдатская песня оглашает и Волгу-матушку и реки далёкой Сибири: Обь, Енисей, Иртыш, Ангару и туннель в Хингане и равнины Монголии и северной Маньчжурии...

Далеко несётся эта песня.

На станциях отдых.

Солдатики разбредутся по соседним полям, лугам и рощам, коли есть речка, то купаются и запасаются водой...

Я был свидетелем такого купанья в Ангаре. Вода в ней быстрая, студёная, даже в жары. Солдатики были довольны.

— Что, хорошо?

— Лучше не надо, ваше благородие... И в чайники воды набрали, больно чиста.

И действительно вода в Ангаре чиста как кристалл.

Весёлые бодрые лица — ни тени грусти ни в одних глазах.

Вот солдаты обступили китайцев, продающих всякую снедь, а также солдатские серые рубахи, и Бог весть, на каком языке ведут с ним оживлённые разговоры.

Им помогают, впрочем, бывалые товарищи, сделавшие китайский поход.

На груди многих из них блещут георгиевские кресты.

Те разговаривают на каком-то изобретённом им самим русско-китайском языке и китайцы понимают их и стараются говорить, по

их мнению, по-русски.

— До-шао-цзянь?.. — спрашивает такой солдатик, указывая на рубашку.

Это значит «сколько стоит».

— А-цзин лубли... — отвечает китаец и для ясности поднимает один палец.

— Один рубль! Хын-до, хын-до... — возражает солдатик опять же по-китайски и тоже для ясности качает укоризненно головой.

«Хын-до» — значит «слишком дорого».

— Что муного! Ни муного. Твоя покупай. Шибко шанго есть... — уверяет китаец.

И в конце концов торг заключается.

Эти сценки происходят уже на станциях Маньчжурии.

А ранее по Сибири на станциях к приходу воинского поезда высыпают крестьяне из соседних сёл и деревень из переселенцев.

Они расспрашивают, кто откуда, ищут земляков.

Иногда происходят умильные встречи между бывшими соседями и даже родственниками.

На пассажирских поездах, которые обгоняют воинские, едут офицеры, расспрашиваю-

щие солдат о том, какого они полка, дивизии, корпуса.

Нередки случаи, когда запасные солдаты, призванные вновь на службу, узнают в офицерах своих бывших начальников.

Широкая улыбка расплывается по добродушному солдатскому лицу.

— Здравия желаю, ваше высокоблагородие.

— Узнал?

— Как не узнать... Узнал, ваше высокоблагородие...

— Значит, опять послужим...

— Рад стараться, ваше высокоблагородие...

— Фельдфебелем в моей роте был, когда я был капитаном... — говорит тоже с радостным выражением лица солидный полковник.

Видимо оба довольны встречей.

Пассажиры экспресса и почтовых поездов; офицеры, да и служащие на станциях, а в городах публика, пришедшая встретить воинский поезд, дают солдатикам деньги, табак, папиросы, чай, сахар...

Солдатики принимают не без оговорки:

— Помилуйте, зачем беспокоитесь, мы и

так всем довольны...

И видимо, что это так в действительности.

Ни следа утомления и, само собой разумеется, ни следа робости.

Любо-дорого глядеть на солдатиков в дороге.

Едут на войну с песней, смехом и весёлой прибауткой.

Так и хочется крикнуть им первые слова их же песни:

«Солдатушки, браво, ребятушки!»

* * *

Яркое жгучее солнце с безоблачного иссиня-голубого неба немилосердно своими палящими лучами обливает землю.

Трудно дышать в раскалённом воздухе.

Кругом поля скошенного гаоляна, вдали, совсем вдали горы, порой возвышающиеся прямо отвесными скалами.

Нельзя себе даже представить, что можно взобраться человеку на такую гору, а между тем наши солдатики ещё так недавно взбирались на них.

Палаток нет, виднеется только одна зелёного цвета под цвет травы.

Ружья сложены пирамидами, солдаты рас-
положились на земле кучками.

Затишье.

Неприятель сравнительно далеко, из ча-
сти посланы разъезды для разведки о его по-
зициях.

Пока эти разъезды не возвращались.

Солдатики отдыхают.

Шинели и амуниция сброшены, иные сня-
ли и пояса, но жара даёт себя знать: пот льёт-
ся градом с загорелых лиц, смочил усы, боро-
ды, рубахи прилипли к телу и, как говорится,
«ХОТЬ ВЫЖМИ».

Это не мешает, однако, в некоторых груп-
пах «чаёвничать», т. е. пить из жестяных кру-
жек чай, заваренный обыкновенно в боль-
шом жестяном, а иногда и медном походном
чайнике, закусывая чёрным, а порой и пше-
ничным хлебом.

Иные лежат на земле и смотрят в высь, в
небо, следя за летающими птицами неизвест-
ного в России оперения и неизвестного назва-
ния.

— Глянь, большая, да красноглазая, не во-
рона, кажись, а смахивает...

На полях то и дело мелькают человеческие фигуры.

— Гляди, гляди, кажись, он...

Под «он» подразумевается японец...

— Дурья голова, «он», откуда ему взяться, наш это, видишь, наш вытянулся... Ведь от начальства был приказ на сторожевых постах лежать, а он, на поди, во весь рост... Достанется малому...

— Тоже и лежать сласть-то небольшая... — слышится молодой голос.

— Приказано, так и лежи, умри, да лежи... — степенно говорит, видимо, бывалый солдатик уже в летах. — «Он» вот всё лежит, от земли-то и не видать его...

— Махонький, потому и не видать...

— Поскорей бы на него... Нанизал бы на штык штук пять, ровно чернослив...

— И впрямь чернослив, черномазый... — слышится добродушный смех, совсем не гармонирующий с выраженным желанием нанизать врага на штык...

— А это не «он», братцы? — указывают даже приподнявшиеся с земли солдаты на несколько фигурок, появившихся на горизонте...

те.

— Китайцы, с косами... Впервой я их всё издали за девок принимал, прости Господи, — замечает всё тот же бывалый солдатик.

— А есть и стриженные...

— Попы это ихние, бонзы...

— Намедни есаул сказывал, есть и японцы...

— А кто их разберёт...

— Разобрать бы надоть, а японца и приколоть... — говорит молодой солдатик.

— Начальство разбирает, надо только предоставить...

— Эх, кабы попался мне... Душеньку бы я отвёл...

Вот в одной группе солдат читает письмо с родины, пришедшее по «летучке», т. е. по летучей полевой почте, состоящей из казаков.

Собрались всё земляки.

Письмо пришло одному, но радость общая.

В нём нет ничего, кроме мелочей крестьянского обихода, да поклонов от многочисленных родственников и соседей, — этими поклонами заняты три четверти письма — но в них-то вся и суть.

Имя соседа или родственника вызывает воспоминания не только того, кому адресовано письмо, но и всех земляков.

«А дядя Парфён шлёт тебе нижайший поклон», — читает солдат.

— Дядя Парфён!.. — слышится радостное восклицание.

— Жив старый!

— Ногу ему надысь телегой пришибло...

И встают перед солдатами картины их родины.

За кучкой, окружившей чтеца и счастливецца, получившего весточку с родины, сидят и прислушиваются несколько солдатиков с грустными лицами.

Им ничего не говорят доносящиеся до их слуха имена.

Они из других мест.

И никто из них не получил письма.

С завистью смотрят они на переживающих родные воспоминания.

Но вот наступает время обеда.

Задымились походные кухни.

Подается сигнал к обеду.

Солдатики бегут за котелками, вынуты из

за голенища или из за пазухи ложки.

Время обеда.

Если долгое затишье, то производится ученье, а то, когда надо укрепиться, роют рвы, насыпают окопы.

Работа идёт весело, с песней, песня слышится порой и на биваке, коли разрешит начальство.

И несётся русская удалая солдатская песня на далёкое пространство, гулким эхом отдаваясь вдали и привлекая китайцев, которые прислушиваются к ней со скошенных полей.

*По горам, долам идём,
Всех японцев разобьём...*

— выводит запевало.

— Разобьём, разобьём, разобьём!.. — вторит ему могучий хор.

Иные солдатики и до обеда и после обеда заняты поделками — чинят себе рубахи, сапоги...

Жарко, томительно жарко!

Вечереет, но закатывающееся дневное светило не уносит с собой невыносимой жары.

Нагретый им воздух как бы и не охлажда-

ется до его нового восхода.

Душная, совсем чёрная ночь.

Огней нет.

Только изредка на небе блеснёт полоска света.

Не то зарница, не то «он» сигнализирует.

Слышится неровное дыхание спящих людей, иногда вздох со стоном.

И всё тихо.

Что снится солдатикам?

Конечно, далёкая родина, дорогие близкие лица.

* * *

Опубл.: 1904, 1907. Источник: Гейнце Н. Э. В действующей армии. — 1-е издание. — СПб.: Типо-литография «Энергия», 1904.

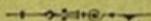
Гейнце Н. Э. В действующей армии. — 2-е издание. — СПб.: Типо-литография «Энергия», 1907.

OCR, подготовка текста — Евгений Зеленко, май 2011 г..

Оригинал: Викитека.

Н. Э. ГЕЙНЦЕ.

ВЪ ДѢЙСТВУЮЩЕЙ АРМІИ.

ПИСЬМА
ВОЕННАГО
КОРРЕСПОНДЕНТА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія „Энергія“,
Загородный пр., 17.
1904.

СНОСКИ

Напечатано в N 17 «Вестника Маньчжурской
Армии».

[^^^]

Визаві́ (фр. **vis-à-vis** — «лицом к лицу») — напротив, друг против друга; тот, кто находится напротив, стоит или сидит лицом к лицу к кому-нибудь. В переносном значении также — оппонент.

[^^^]

англ. The Miyako. Hotel Kyoto. Japan — Мияко.
Отель «Киото». Япония. Прим. ред.

[^^^]

англ. Boy — Мальчик.

[^^^]

А. С. Пушкин «К *** (Керн)». Прим. ред.

[^^^]

ИЗВОЗЧИК.

[^^^]

А. С. Пушкин «Медный всадник».

[^^^]

т. н. Пиррова победа.

[^^^]

А. С. Пушкин, «Царь Никита и сорок его дочерей». Прим. ред.

[^^^]

фр. — на войне как на войне.

[^^^]

Не вполне точная цитата из Апокалипсиса
(откровения святого Иоанна Богослова), 21:4.
Прим. ред.

[^^^]

фр — пристанище, (буквально — «ступня на-
земле»), т. е. временное жилище, пристани-
ще.

[^^^]

ЯПОНСКАЯ ВОДКА.

[^^^]

лат. — один вместо другого (букв.: кто вместо кого).

[^^^]

фр. *par excellence* — по преимуществу, в истинном значении слова.

[^^^]

Значит: хороший начальник, большой начальник.

[^^^]

Священник.

[^^^]

Д. И. Фонвизин «Недоросль».

[^^^]

англ. No restrains — Нестеснение.

[^^^]

англ. — Открытые двери.

[^^^]

М. Ю. Лермонтов «Бородино».

[^^^]